

- [свт. Иоанн Златоуст
](#)

- [Беседа 1](#)
- [Беседа 2](#)
- [Беседа 3](#)
- [Беседа 4](#)
- [Беседа 5](#)
- [Беседа 6](#)
- [Беседа 7](#)
- [Беседа 8](#)
- [Беседа 9](#)
- [Беседа 10](#)
- [Беседа 11](#)
- [Беседа 12](#)
- [Беседа 13](#)
- [Беседа 14](#)
- [Беседа 15](#)
- [Беседа 16](#)
- [Беседа 17](#)
- [Беседа 18](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

Введение

Беседа [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#) [13](#) [14](#) [15](#) [16](#) [17](#) [18](#)

Введение

Почему ап. Павел писал только к Титу и Тимофею.

Тимофей был одним из учеников апостола (Павла). Лука свидетельствует ([Деян.12:2](#)), что он был юноша, достойный удивления, заслуживший одобрение от братии в Листрах и Икони. Он был в одно и то же время учеником и учителем, и при том был до такой степени рассудителен, что, хотя слышал, что Павел, проповедуя, не обязывал принимать обрезание, хотя и знал, что по этому поводу он противостоял Петру, однако согласился не только не проповедовать против (обрезания), но даже – принять таковое: обрезал его (апостол), говорит (Лука) ([Деян. 16:23](#)), когда он был уже в таком возрасте, а потом уже вверил ему управление (Церковью). Таким образом, уже одно расположение к нему Павла в надлежащей степени показывает, какой он был муж. Он свидетельствует также о нем и в другом месте, когда пишет: «А его верность вам известна, потому что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании» ([Флп.2:22](#)); и опять в послании к Коринфянам говорит: «я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына» ([1 Кор.4:17](#)); и еще: «смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я» ([1 Кор.16:10](#)); и в послании к Евреям говорит: «Знайте, что брат наш Тимофей освобожден» ([Евр.13:23](#)). И из весьма многих других мест всякий можете видеть великую к нему любовь (апостола). Равным образом и ныне еще совершающиеся чудеса показывают его дерзновение (пред Богом).¹

Может быть, кто-нибудь спросит: почему (апостол) пишет только к Титу и Тимофею, между тем, как и Сила принадлежал к числу достоуважаемых людей, равно как и Лука, о котором говорит он в своем послании: «один Лука со мною» ([2 Тим.4:10](#)); также и Климент был одним из числа его сотрудников, потому что (апостол) и об нем говорит: «с Климентом и с прочими сотрудниками моими» ([Флп.4:3](#))? Итак, почему же он пишет только Титу и Тимофею? Потому, что этим последним он уже препоручил Церкви; между тем первые сопутствовали еще ему в его путешествиях; последних он поставил на видные места. (Тимофей) был наделен такими возвышенными свойствами, что даже молодость его не составляла для него ни малейшего к этому препятствия. Поэтому (апостол) и писал: «Никто да не пренебрегает юностью твоею» ([1 Тим.4:12](#)), и опять: «молодых, – говорит, – как сестер» ([1Тим. 5:2](#)). Когда есть добродетель, то все имеется в изобилии и ни в чем не встречается препятствия. Потому-то и рассуждая о епископах и говоря много об них, (апостол) никогда не входит в подробное исследование касательно их возраста. Если же и говорит в своем послании, что (епископу) надлежит

быть) «детей содержащий в послушании со всякою честностью; и единой жены мужу» ([1 Тим.3:4, 2](#)), то высказывает это не потому, что будто ему необходимо иметь жену и детей, а потому, что если бы случилось когда-либо возвести на это место кого-нибудь из мирян, то они должны быть таковы, чтобы умели управлять и домом, и детьми, и всем прочим. Ведь если бы кто, кроме того, что был бы мирянином, оставался бы еще бесполезным человеком даже в такого рода делах, то как можно было бы поручить ему попечение о Церкви? Но зачем, скажешь ты, (апостол) пишет послание к ученику, когда он уже поставлен был на учительскую должность? Не надлежало ли прежде наставить его, и потом уже послать (на эту должность)? Но (Тимофей) имел нужду не в таком наставлении, какое нужно для учеников, а в таком, какое необходимо для учителя. Поэтому заметь, что во всем послании он преподает ему наставления, нужные для учителя. Так даже с самого начала, в предисловии, он не сказал: не слушай тех, кто учит иначе, а как? – «увещевать некоторых, чтобы они не учили иному»» ([1 Тим.1:3](#)).

**свт. Иоанн Златоуст
**

**Толкование на первое послание к
Тимофею²**

Беседа 1

[1 Тим.1:1-2](#). Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога, Спасителя нашего, и Господа Иисуса Христа, надежды нашей, Тимофею, истинному сыну в вере: благодать, милость, мир от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего.

Величие апостольского звания. – Где вера, там не нужно исследования. – Против верования в рок и судьбу.

1. Звание апостола было великим, высоким и досточтимым; и мы видим, что Павел везде предварительно указывает на основания этого своего звания, (желая показать), что он не восхищает себе чести, но получил ее и обладает ею по необходимости. Когда он называет себя «званным» ([Рим.1:1](#)), и когда говорит: «волею Божьею» ([1 Кор.1:1](#)), и опять в другом месте: «это необходимая обязанность моя» ([1 Кор.9:16](#)), и когда говорит: «для которого я поставлен» ([1 Тим.2:7](#)), – всем этим устраняет (всякую мысль) о любочестии и гордости. Ведь как тот, кто домогается чести, которая не дана ему от Бога, подлежит строжайшему осуждению, так и тот, кто отстраняет от себя и отвергает ее, подлежит другого рода обвинениям – в непослушании и непокорности. Поэтому Павел и теперь, в начале послания к Тимофею, говорить о том же в таких словах: «Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога» Он не сказал здесь: Павел призванный, но: по повелению. Чтобы Тимофей по человеческой немощи не подумал, что (апостол) говорит с ним так же, как и с прочими учениками, он таким образом и начал (свое послание). Где же Бог дал ему это повеление? В Деяниях Апостольских находим, что Дух (Божий) говорил: «отделите Мне Варнаву и Савла» ([Деян.13:2](#)). И везде в своих посланиях Павел прибавляет к (своему имени) имя апостола, научая слушателя не думать, что сказанное им есть слово человеческое, – потому что посланник ничего не говорит от своего лица; следовательно, назвав себя посланником, он тотчас обращает мысль слушателя к Тому, Кто его послал. Вот почему он во всех посланиях ставит это имя наперед, делая через это достоверным свое слово, – и (здесь) говорит так: «Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога, Спасителя нашего, и Господа Иисуса Христа». Между тем нигде не видно, чтобы давал ему повеление Отец, а повсюду с ним говорит Христос. Что именно говорит? «Иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам» ([Деян.22:21](#)), и еще: «тебе должно предстать пред кесаря» ([Деян.27:24](#)). Но то, что заповедует ему Сын, он

называет вместе и повелением Отца, подобно как и повеление Духа именуется повелением Сына. Так например, – он послан был от Духа и избран был Духом, между тем говорит, что это было повеление Бога. Итак, что же? Не унижается ли власть Сына тем, что Его апостол был послан по повелению Отца? Нисколько: смотри, как он представляет эту власть в равной степени принадлежащею Им. Сказав: по повелению Бога Спасителя нашего, он прибавил: и Господа Иисуса Христа, упования нашего. Смотри, как правильно он дает им эти наименования. Так и Псалмопевец употребляет такое выражение, говоря об Отце: «упование всех концов земли» ([Псал.64:6](#)), и опять блаженный Павел, в другом месте пишет, говорит: «Ибо мы для того и трудимся и поношения терпим, что уповаем на Бога живого, Который есть Спаситель всех человеков» ([1 Тим.4:10](#)). Необходимо, чтобы учитель подвергался опасностям, и при том гораздо больше, нежели ученики. «Поражу пастыря, – сказано, – и рассеются овцы стада» ([Зах.13:7](#); [Мф.26:31](#)). Поэтому при таком порядке вещей диавол с большею яростью нападает на учителей, потому что если они погибнут, то и все стадо рассеется. Когда он убивает овец, он только уменьшает стадо; а если поражает пастыря, то наносит вред всей пастве. Достигая таким образом с меньшим трудом большего и в одной душе все погубляя, он более всего и нападает на них (учителей). Вот почему (апостол) тотчас в начале послания ободряет его духом, говоря: мы имеем Спасителя – Бога, и надежду – Христа. Мы много терпим, зато имеем великие надежды; мы подвергаемся опасностям, нам строят козни, но мы имеем избавителя, – не человека, а Бога. Следовательно, ни избавитель наш не изнеможет, потому что Он Бог, и, какие бы ни угрожали нам опасности, они не одолеют нас, ни надежда наша не посрамит нас, потому что наша надежда – Христос. Мы переносим несчастья, (утешая себя) двумя (мыслями), – или тем, что скоро избавимся от бедствий, или тем, что питаем себя благими надеждами. Следовательно, что бы мы ни переносили, говорит он, все настоящее ничего не значит. Но почему он нигде не называет себя апостолом Отца, а только Христа? Он все представляет общим (у Них), и самое евангелие называет Божиим. «Тимофею, истинному сыну в вере» И это (сказано) для утешения. В самом деле, если он показал такую веру, что сделался чадом Павла, и при том не просто, а «истинным» чадом, то он сохранит веру и относительно будущих (обетований). Вере не свойственно упадать и приходить в смущение даже тогда, когда случится что-нибудь и несогласное с обетованием. Но вот он был сыном (Павла), и сыном «истинным», однако вовсе не был одного и того же существа. Так что же? Ужели он был иного рода?³ Но он не от Павла произошел, скажешь ты, –

следовательно, это не указывает на то, от кого он произошел. Так что же? Ужели он был иной сущности? Не указывается и это. Сказав – чадо, (апостол) нарочно прибавил слово: в вере, чтобы показать, что он был его истинным сыном и от него произошел. Он ничем не отличался от (Павла). В вере между ними не было никакого различья. И у людей по (законам) естества случается, что сын бывает похож на отца, однако не в такой мере, как (тогда, когда это сходство имеет свое основание) в Боге, – потому что тогда сходство бывает совершеннее. Здесь, хотя они по существу одно и то же, однако различаются между собою во многих других отношениях, – цветом, видом, разумом, возрастом, характером, свойствами душевными и телесными, наружными и многими другими, или отличаются друг от друга или бывают между собою сходны; а там (в Боге) ни одно из этих различий не имеет места. (Выражение): «по повелению» сильнее, нежели – «званный», как это можно узнать и из других мест. Сходное с выражением: «Тимофею истинному чаду», употребил (апостол) в послании коринфянам, когда сказал: «я родил вас во Христе Иисусе» ([1 Кор.4:15](#)), т. е. (родил) по вере. А слово – истинному он прибавил, желая выразить этим то, что он совершенное и большее, нежели другие, имеет с ним сходство; кроме того (хотел выразить) и свою любовь и великое к нему расположение. Вот опять в (έν) употребляется при слове – вера: он говорит: «истинному чаду в вере». Заметь также, какая в этом похвала (для Тимофея), если (апостол) называет его не только сыном своим, но и истинным сыном. «Благодать, милость, мир от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего»

2. Отчего в начале других посланий он нигде не ставит (слова) милость, а только здесь? И это от великой любви его (к Тимофею): о большем он молится для своего сына, опасаясь и трепеща за него. Он до того беспокоился об нем, что, – чего никогда не делал, – писал к нему о предметах, относящихся к телесным нуждам, когда, например, говорил: «употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» ([1Тим.5:23](#)), – потому что наставники нуждаются в большем снисхождении. «От Бога, – говорит, – Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего». Здесь опять утешение. В самом деле, если Бог есть Отец, то Он печется (о людях), как о детях. Послушай, что говорить Христос: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень» ([Мф.7:9](#))? «Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе» ([1Тим.1:3](#)). Послушай, как кротко он говорит к нему, не голосом учителя, а слуги. Не сказал: я приказал, или – повелел, или даже – убедил; но что? «Просил тебя» Впрочем, не со всеми

учениками мы должны так поступать, но только с кроткими и благонравными; а с другими, испорченными и не вполне преданными – иначе, как и сам он, в другом месте пишет, говорит: «обличай их со всякою властью» ([Тит.2:15](#)), или смотри, что он и здесь говорит: «увещевать некоторых», не (говорит): умоли их, но – «чтобы они не учили иному». Что это значит? Разве послание Павла, которое он написал к ним (ефессянам), было недостаточно? Достаточно было, но люди скорее готовы оказывать неуважение к посланиям. Поэтому или таким образом нужно объяснять это, или, может быть, (нужно полагать), что случилось это прежде, чем написано было послание (к ефессянам). Между тем и он сам долгое время подвизался в этом городе; здесь была храм Артемиды, здесь он испытал те бедствия. И после того, как прекратилось это зрелище, он, призвав и утешив учеников своих, вслед затем отплыл и опять прибыл к ним. Прилично впрочем, спросить: не теперь ли он поставил там Тимофея (епископом)? Ведь он говорит: «увещевать некоторых чтобы они не учили иному». Он не перечисляет их по именам, чтобы гласностью обличения не сделать их еще более бесстыдными. Здесь находились некоторые лжеапостолы из Иудеев, которые хотели снова привлечь верных к закону (Моисееву), – в чем повсюду в своих посланиях обвиняет их (апостол). Между тем они делали это не столько по внушению совести, сколько по тщеславию, и из желания иметь учеников, потому что они соперничали с блаженным Павлом и питали к нему зависть. Такой смысл имеют (слова): «учили иному». «И не занимались, – говорит, – баснями и родословиями бесконечными» ([1Тим1:4](#)). Баснями он называет не закон, – нет, – а ложное предание, извращенные и неправильные верования. Вероятно, эти (выходцы) из иудеев вообще заводили речь о бесполезных предметах, перечисляя дедов и прадедов, чтобы пользоваться славою великой опытности и знания. «Увещевать, – говорит, – некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными». Что значит (выражение) бесконечными? Или то, что они не назначаются ни для какой цели, или то, что (не приносят) ни малейшей пользы и неудобопонятны для нас. Видишь ли, как он порицает исследование. Действительно, где есть вера, там не нужно исследование; где ничего не нужно исследовать, зачем там заниматься исследованием? Исследование разоряет веру: кто исследует что-нибудь, тот еще не нашел; кто исследует, тот не может верить. Потому-то он и говорит: не будем заниматься исследованием, потому что, если мы исследуем, то это уже не вера; вера же действует успокоительно на ум. Как же Христос сказал: «ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» ([Мф.7:7](#)), и: «Исследуйте Писания, ибо

вы думаете чрез них иметь жизнь вечную» ([Ин.5:39](#))? В первом месте – «ищите» значит прошение, сильное желание; а в другом – «исследуйте писания» не только не налагает никакой обязанности исследования, но даже устраняет ее, потому что Он сказал: «исследуйте Писания», то есть, изучайте и узнавайте их подлинный смысл не для того, чтобы вечно заниматься исследованием, а чтобы прекратить всякое исследование. И хорошо сказал: «Увещевать некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, нежели Божие назидание в вере» ([1Тим1:3–4](#)). Хорошо сказал: «назидание Божие», – потому что Бог хотел даровать нам многое, но наш ум не объемлет величие Его домостроительства. Итак, то, что составляет величайшее лекарство для душ наших, должно совершаться при помощи веры. Наши исследования поэтому несообразны с домостроительством Божиим. А что устроится при помощи веры? То, что мы приемлем благодеяния Божия, соделываемся лучшими, ни в чем не сомневаемся, ни о чем не недоумеваем и совершенно успокаиваемся. Между тем то, что совершает и устроит вера, разрушает наша пытливость, возбуждая множество вопросов и ниспровергая веру. «Не занимались баснями, – говорит, – и родословиями бесконечными». И какой вред, скажешь ты, приносят эти родословия? Христос сказал, что чрез веру должно спастись; а они занимались исследованием и говорили, что это невозможно. Так как проповедание (учения) совершалось в настоящем времени, а исполнение того, что проповедовалось принадлежало будущему, то и нужна была вера; но они, будучи заняты точным соблюдением обрядового закона, противодействовали вере. Я думаю также, что Он, когда говорит: «баснями и родословиями», намекает здесь и на эллинов, потому что они тоже перечисляли своих богов.

3. Итак, не будем заниматься изысканиями. Ведь для того мы и называемся верными, чтобы несомненно верили тому, что нам сказано, чтобы мы ни в чем не сомневались. Если бы сказанное нам происходило от людей, тогда следовало бы заниматься исследованием его; но так как оно происходит от Бога, то нужно только благоговеть пред этим и верить. Если же не будем верить этому, то не будем убеждены и в том, что существует Бог. В самом деле, как ты можешь знать о том, что существует Бог, когда ты подвергаешь исследованию Его (слова)? Первый признак того, что ты знаешь Бога, состоит в том, чтобы ты верил сказанному им, не требуя ни объяснений, ни доказательств. Об этом знали даже эллины: они верили, говорят, богам, хотя эти последние говорили, не приводя никаких доказательств. Почему? Потому что они были потомками богов. Видишь

ли, что и эллины знали об этом? Но зачем я говорю о богах? Они точно так поступали с человеком, чародеем и волхвом, именно с Пифагором; (у них было выражение): он сказал (αὐτός ἔφη). И у них вверху храмов изображено было молчание, которое, перстом сдерживая уста и прижимая им губы, указывало всем проходящим, что они должны молчать. Неужели их верования до такой степени достойны уважения, а наши не столько, или даже заслуживают того, чтобы над ними смеялись? Но разве (такая мысль) не была бы признаком крайнего сумасшествия? Учение эллинов справедливо даже было бы подвергать исследованию, потому что в нем – противоречия, и недоумения, и спорные вопросы; а наше учение непричастно ничему этому. Их учение изобретено человеческою мудростью, а наше открыла нам благодать Св. Духа; первое – безумие и сумасбродство, а последнее – в собственном смысле учение мудрости. Там нет ни ученика, ни учителя, а все наравне занимаются исследованием; здесь, будет ли это учитель или ученик, всякий должен учиться у того, у кого нужно учиться, убеждаться, а не сомневаться, верить, а не умствовать. Верую прославились и древние, и без нее все развратилось.

Но зачем я говорю о предметах небесных? Если мы обратим внимание и на то, что находится на земле, то найдем, что и здесь все основано на вере, потому что ни торговля, ни ремесла, ни что-либо иное в этом роде не может без нее существовать. Если же здесь, где все исполнено лжи и обмана, она необходима, то тем более по отношению к предметам небесным. Поэтому будем держаться ее, постараемся приобрести ее; чрез это мы освободим нашу душу от всех губительных мнений, каково, например, учение о случае и о судьбе. Если ты будешь верить, что есть воскресение и суд, то будешь иметь возможность предохранить свою душу от всех этих (заблуждений). Веруй, что Бог правосуден, – и ты не будешь верить в судьбу, которая не руководствуется справедливостью, веруй, что есть Бог, Который промышляет обо всем, – и ты не будешь верить в судьбу, которая будто бы над всем господствует; веруй, что есть наказание и царство, – и не будешь верить в судьбу, которая отнимает у нас все, что принадлежите нам, и подчиняете нас необходимости и насилию. Тебе не нужно ни сеять, ни садить, ни сражаться, ни вообще делать что-либо: волею или неволею, исполнится, что определено тебе судьбою. Какая, наконец, нужда нам и в молитве? Для чего ты хочешь быть христианином, если существует судьба? Ведь ты не будешь подлежать обвинению. Откуда искусства? Неужели тоже от судьбы? Да, говорят; и такому-то человеку судьбою определено, трудясь, сделаться мудрым. Однако укажи мне такого человека, который бы достиг знания без трудов. Но ты не можешь указать.

Следовательно, знание зависит не от судьбы, а от трудов. Но отчего, говорят, такой-то человек, будучи преступным и злым, богат, хотя от отца и не получил наследства, а другой, до бесконечности трудясь, остается бедным? Впрочем, такими вопросами занимаются те, которые все основывают только на богатстве и бедности, а не на пороке и добродетели. Но здесь ты не то говори, а скажи: сделался ли кто-нибудь злым, несмотря на то, что ревностно старался (быть добрым), или добрым – живя в совершенной беспечности? Если судьба имеет такую силу, то пусть она покажет эту власть над тем, что важнее всего, – над добродетелью и пороком, а не над богатством и нищетою. Опять – почему, говорят, один страдает от болезни, а другой наслаждается здоровьем, один находится в славе, а другой в презрении? Почему у одного все идет согласно с его желанием, а у другого бесчисленные всюду препятствия? Откажись от веры в судьбу, и ты узнаешь – почему. Твердо веруй, что есть Бог Промыслитель, и ты будешь понимать это ясно. Но не могу, говоришь, потому что неустройство в положении дел (на земле) не дает возможности предполагать существование Промысла. Если все это зависит от Бога, то как я могу верить, что Бог, будучи благ, дает богатство развратнику, преступнику и корыстолюбцу, а человеку доброму – нет? Как мне верить? Верить нужно, соображаясь с тем, что бывает на деле. Хорошо; итак это зависит от судьбы. Руководствуется ли она справедливостью, или нет? Ты скажешь: она несправедлива. Кто же создал ее? Ужели Бог? Нет, скажешь, она ни от кого не произошла. Но как же она, не происшедши ни от кого, делает все это? Ведь это противоречит одно другому. Следовательно, вообще это – не Божие дело. Займемся поэтому исследованием вопроса: кто сотворил небо? Ты скажешь – судьба. Кто землю, кто море, кто времена года? Следовательно, если она в вещах бездушных учредила такой прекрасный порядок, такую стройность, то каким образом в нас, для которых и существует все это, допустила такое нестроение? Это было бы похоже на то, если бы кто-нибудь заботился о доме, желая сделать его удивительно хорошим, а о домочадцах своих не имел бы ни малейшего попечения. Кто сохраняет преемство времен года? Кто определил столь стройные законы природы? Кто дал порядок течению дня и ночи? Это выше той судьбы. Нет, говорят, это само собою произошло. Но каким образом такой порядок мог явиться сам собою? Откуда же, скажешь, эти богачи, наслаждающиеся здоровьем и пользующиеся славою, (которые получили богатство) – одни с помощью корыстолюбия, другие – путем наследства, третьи – посредством насилия. Почему же Бог попускает злым благоденствовать? Потому, что воздаяние по заслугам не здесь, а в

будущем веке. Поэтому ты мне там укажи что-нибудь подобное этому. Прежде дай мне, пока я еще здесь, говоришь ты; а там я ничего не стану искать. Но ты и не получаешь потому, что ищешь. Если ты, не испытав еще удовольствий, так сильно домогаешься их, что предпочитаешь их будущим благам, то тем более (ты стал бы искать этих последних), если бы ты вкусил чистейших удовольствий. Потому-то (Бог) показывает тебе, что (земные блага) ничтожны, что они составляют нечто безразличное; если бы они не были чем-то безразличным, то Он не дал бы их и тем. Скажи мне: разве не все равно – быть черным, или высоким, или небольшого роста? Так и богатство. Скажи мне: разве не в равной мере дано всем то, что нам необходимо, именно способность к добродетели, разделение духовных дарований? Если бы ты знал, каковы Божии благодеяния, то, пользуясь ими наравне с другими, ты не огорчился бы неравномерным распределением земных благ и, зная равномерное разделение первых, не домогался бы изобилия последних. Подобно тому как слуга, который, получая от господина пищу, одежду и кров и пользуясь всем прочим наравне с другими, потому только, что имел бы волоса на голове длиннее и ногти больше, стал бы думать, будто он имеет более, нежели другие, – таким же образом и тот (кто наделен земными благами) напрасно стал бы много думать о том, чем пользуется только до времени. Для того (Бог) и лишает нас (благ земных), чтобы охладить в нас страсть к ним и все наши желания отвратить от них, направить к благам небесным. А мы и этим не вразумляемся. Как отец, когда его дитя имеет какую-нибудь игрушку, которую ставит выше предметов необходимых, отнимает у ребенка игрушку, чтобы заставить его хотя бы поневоле обратиться к предмету важнейшему, так и Бог употребляет все меры, чтобы привести нас на небо. Но ты скажешь: почему Он позволяет богатеть злым? Потому что Он не очень заботится об них. А почему добрым? Этого Он не делает, а только попускает. Впрочем, теперь говорю об этом только слегка, имея в виду таких людей, которые не знают Писаний. Если бы вы хотели верить и внимать слову Божию, то мне не нужно бы было говорить того, что сказал я теперь, потому что из слова Божия мы все бы узнали. Но чтобы ты вполне убедился, что ничего не значат ни богатство, ни здоровье, ни слава, – укажу тебе на тех многочисленных людей, которые и могли бы разбогатеть, но не приобретают ничего, и могли бы наслаждаться здоровьем, но изнуряют свое тело, и могли бы пользоваться славой, но употребляют все меры, чтобы быть в презрении. Между тем, кто добр, тот никогда не стремится сделаться злым. Поэтому перестанем искать здешних благ, и будем стремиться к небесным. Таким образом мы можем и

получить их и будем в состоянии насладиться вечною пищею, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу с Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 2

[1 Тим.1:5–7](#). Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры, от чего отступив, некоторые уклонились в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают.:

Откуда произошли ереси. – Как нужно пользоваться законом. – Истинная слава. – Истинное удовольствие.

1. Ничто не приносит такого вреда человеческому роду, как пренебрежение дружеских отношений и малая заботливость о сохранении их; равно и наоборот – ничто не может дать такого хорошего направления, как старание поддерживать их всеми силами. На это самое указывая, Христос говорить: «если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им» ([Мф.18:19](#)); и еще: «и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» ([Мф.24:12](#)), Это послужило источником всех ересей. В самом деле, вследствие того, что люди не любят братьев своих, они завидуют тем, которые пользуются уважением, от зависти же происходит властолюбие, а от властолюбия проистекают ереси. Потому-то и Павел, сказав: «Увещевать некоторых, чтобы они не учили иному,» показывает путь, каким можно достигнуть этого. Что же составляет этот путь? Любовь. Подобно тому, как, когда он говорит: «конец закона – Христос» ([Рим.10:4](#)), то есть, исполнение, – первое соединяется с последним, так и эта заповедь имеет опорой любовь. Цель врачебного искусства – здоровье; поэтому, когда есть здоровье, тогда немного нужно заботы; и когда есть любовь, немного нужно заповедей. Но о какой любви говорит он? Об искренней, которая не ограничивается одними словами, но проистекает из душевного расположения и благомыслия и сострадания. «От чистого, – говорит, – сердца», то есть, из прямодушного обращения, или искренней дружбы. Ведь и нечистая жизнь производит расколы: «ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет» ([Ин.3:20](#)). Дружба бывает и между людьми злыми, например разбойники любят разбойников, и человекоубийцы человекоубийц; но это происходит не от доброй совести, а от злой, не от чистого сердца, а от нечистого, не от непритворной веры, а от притворной и лицемерной. Вера открывает нам то, что истинно, и от искренней веры рождается любовь, потому что тот, кто истинно верит в Бога, никогда не согласится удалиться от любви. «От чего, – говорит, – отступив, некоторые уклонились в пустословие.»

Хорошо сказал: «отступив», – потому что нужно искусство для того, чтобы прямо в цель направлять удары, а не мимо ее. Поэтому необходимо, чтобы они были управляемы Духом Святым; много есть причин, которые совращают с прямого пути, – между тем только одну цель нужно иметь в виду. «Желая, – говорит, – быть законоучителем». Видишь ли, есть и другая причина тому – властолюбие. Потому и Христос говорит: «вы не называйтесь учителями» ([Мф.23:8](#)), и опять апостол: «не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти» ([Гал.6:13](#)). Они, говорит он, домогаются почестей, и потому на истину не обращают внимания. «Не разумея, – говорит, – ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают» Здесь он обвиняет их в том, что они не знают ни цели закона, ни того, до какого времени должно было продолжаться его господство. Но отчего ты, если это происходило от неведения, называешь это грехом? Оттого, что они делали это не потому только, что хотели быть законоучителями, но и потому, что не имели любви; кроме того, и неведение отсюда получило свое начало. Действительно, когда душа предается предметам плотским, тогда притупляется ее пронизательность; а когда она уклонится от любви, тогда овладевает ею желание спорить и помрачается ее умственный взор. Тот, в ком укореняется привязанность к этим скоро преходящим (предметам), будучи упоен страстью, не может уже быть нелицеприятным судьей истины. «Не понимают, – говорит, – что утверждают» Вероятно, они рассуждали о законе и много говорили об очищениях и о других внешних обрядах. Вслед затем, оставив опровержение (их учения), – потому что оно не имело никакого значения, разве только служило сению и образом предметов духовных, – он обращается к тому, что было гораздо более приятным. К чему именно? Он восхваляет закон, называя законом десятословие. Между тем он исключает первые (обрядовые постановления) из последнего (закона), потому что если самые эти (предписания закона) наказывают преступников, и остаются для нас бесполезными, то тем более первые (обрядовые постановления). «А мы знаем, – говорит, – что закон добр, если кто законно употребляет его, зная, что закон положен не для праведника» ([1Тим.1:8, 9](#)). Он говорит, что (закон) хорош и нехорош. Как же это, скажешь ты, ужели он становится нехорошим оттого, что кто-либо не исполняет его, как следует? И тогда он остается хорошим; но сказанное им имеет такое значение: если кто исполняете его на деле, – выражение: «если кто законно употребляет его» здесь должно быть так понимаемо. Когда же изъясняют его на словах, а на деле преступают, это, значит, исполнять его не как следует. Исполняет его и этот, но не на собственную

пользу. Впрочем, и другое нечто можно сказать об этом. Что же именно? То, что если надлежащим образом будешь исполнять закон, то он приведет тебя к Христу. В самом деле, так как цель закона состоит в оправдании человека, а между тем он не в состоянии (этого сделать), то он приводит к Тому, Кто может (исполнить это). Впрочем, можно и иным образом исполнять закон, как следует, – именно, когда ты будешь соблюдать его от избытка (доброго расположения). Что же значить выражение – от избытка? Подобно тому, как говорят, что конь надлежащим образом употребляет удила, когда он не прыгает и не кусает, а просто носит их, как украшение, так и закон исполняет надлежащим образом тот, кто целомудренно живет не вследствие необходимости от буквы (закона). Итак, кто же будет надлежащим образом исполнять его? Тот, кто знает, что он не имеет в нем нужды. Кто достиг до такого нравственного совершенства, что исполняет закон не ради страха пред ним, а ради одной добродетели, тот правильно и непреткновенно исполняет его, то есть, когда кто-либо исполняет его как человек, который не боится его, а скорее с неодобрением обращает взор свой на положенные в нем наказания. С другой стороны праведником он называет здесь того, кто уже усовершенся в добродетели. Следовательно, тот хорошо исполняет закон, кто не нуждается в его руководстве.

2. Подобно тому, как первые начала грамоты преподаются детям, между тем тот, кто восполняет их не от них, а из других (источников), приобретает большую опытность в учении и гораздо лучше пользуется знанием, так и тот, кто выше закона, уже не руководится законом, потому что кто исполняет его не из страха, а по любви к добродетели, тот гораздо совершеннее исполняет его. Следовательно, неодинаково исполняет закон тот, кто боится наказания, и тот, кто ищет чести; неодинаково также – тот, кто находится под законом, и тот, кто выше закона. Надлежащим образом исполнять (закон) значит жить лучше, нежели предписывает законе, потому что тот хорошо исполняет и соблюдает закон, кто делает больше, чем то, что велит законе, – кто не нуждается в руководстве его. Закон по большей части запрещает зло; между тем не чрез это, но чрез добрые дела человек становится праведным. Поэтому те, которые воздерживаются от злых дел, как рабы, еще не выполняют цели закона; следовательно, он назначен для того, чтобы наказывать преступление. Таким образом, и те тоже исполняют закон, но потому только, что боятся наказания. «Хочешь ли не бояться власти? Доброе твори» ([Рим.13:3](#)). Поэтому можно сказать, что (закон) одним только преступным предвозвещает наказания; между тем, какую пользу может принести закон тому, кто творит (дела), заслуживающие венцов? Таким же образом и врач полезен тому, кто имеет

язвы, а не здоровому, не тому, кто находится в хорошем положении. «Но для беззаконных, – говорит, – и непокорливых, нечестивых и грешников» (1Тим.1:9). Беззаконными он называет иудеев, равно как и непокорными. «Закон, – говорит, – производит гнев» (Рим.4:15): это относится к тем, которые делают зло. Что же (должно относить) к тому, кто достоин чести? «Законом, – говорит, – познается грех» (Рим. 3:20). Каким образом это должно относить к праведнику? «Закон, – говорит, – положен не для праведника» (1Тим.1:9). Почему? Потому что он не подлежит наказанию, – потому что он не дожидается того, чтобы (закон) научил его тому, что нужно делать, – имея внутри себя наставляющую его благодать Св. Духа. Закон дан для того, чтобы страх и угрозы удерживали (от преступления). Между тем не нужна узда для смиренной лошади, и не нужно наставление тому, кто не имеет недостатка в наставнике. «Но для беззаконных, – говорит, – и непокорливых, нечестивых и грешников, для оскорбителей отца и матери» (1Тим. 1:9). И не остановился на этом, не удовольствовался одним общим указанием грехов, а перечислил грехи в частности, чтобы заставить стыдиться исключительного последования закону. Затем, исчислив частные виды грехов, он сказал об них и вообще, хотя и сказанного довольно было для того, чтобы удалить (от греха). О ком же он это говорит? Об иудеях, потому что они были отцеубийцами и матереубийцами, они были неправедны и скверны; на них намекает он, когда говорит: нечестивым и грешником. Если же они были таковы, то по необходимости дан был закон. В самом деле, скажи мне, разве они не часто поклонялись идолам? Разве не покушались побить камнями Моисея? Разве руки их не были исполнены убийства самых близких сродников? Разве не обличают их в этом постоянно пророки? Между тем, кто мудрствует о небесном, для того излишними становятся все эти (обличения). «Для оскорбителей, – говорит, – отца и матери, для человекоубийц, для блудников, мужеложников, человекохищников, (клеветников, скотоложников,) лжецов, клятвопреступников, и для всего, что противно здравому учению,» (1Тим.1:10). Хорошо сказал: «здравому учению», – потому что (все эти преступления) составляют болезнь души развращенной. «По славному благовестию, – говорит, – блаженного Бога, которое мне вверено» (1Тим. 1:11). Поэтому и ныне нужен закон для утверждения Евангелия; между тем для тех, кто верует в него, он не нужен. А благовестием славы он называет его не по другой какой причине, как ради тех, которые стыдятся гонений и Христовых страданий. Впрочем, отчасти и по другим причинам, отчасти и ради этого он называет (Евангелие) благовестием славы, показывая, что страдание Христа

составляет (Его) славу, или даже (может быть) он намекает на будущие (обетования). Хотя настоящее (наше состояние) исполнено стыда и поношения, за то будущее будет вовсе не таково: между тем благовестие относится к будущему, а не к настоящему времени. Почему же ангел говорил: «ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь;» ([Лук.2:11](#))? Потому что Родившийся имел в будущем соделаться Спасителем, потому что не вдруг после того, как родился, Он начал творить чудеса. «По славному, -говорит, – благовестию блаженного Бога». Славы: он говорит, здесь или о богочтении, или (выражает ту мысль), что если и в настоящем все исполнено славы Его, то тем более в будущем, когда, говорит, положены будут враги Его под ноги Его, когда ничто уже не будет сопротивляться Ему, когда праведники узрят все эти блага, которых ни око не видело, ни ухо не слышало, ни на сердце человеку не восходило. «Хочу, – говорит (Христос), – чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне» ([Ин.17:24](#)).

Научимся поэтому узнавать, каковы эти люди, – и ублажим их, помышляя о том, какими благами они будут наслаждаться, какой славы, какого света они соделаются участниками. Здешняя слава ничтожна и непостоянна, и если даже остается при нас, то остается только до смерти, а потом совершенно исчезает, потому что «не пойдет за ним, – говорится, – слава его» ([Пс.48:18](#)); а для многих она не продолжалась даже до смерти. Между тем о той славе нельзя думать ничего подобного, а совершенно напротив, она остается навсегда и никогда не будет иметь конца. Таково свойство вещей божественных, – они постоянны, не подвергаются ни переменам, ни разрушению. Слава тогда (будет зависеть) не от внешних, а от внутренних (предметов); именно эта слава будет состоять не в ризах многоценных, не в множестве прислуги, и не в колесницах, но, без всего этого, сам человек будет облечен славою. Теперь, если нет этого, то нет и славы, а там не так. В банях мы видим нагими и знатных, и незнатных, и даже преступных; и на торжищах многие нередко подвергались опасности, когда слуги их по какой-нибудь надобности оставляли их. А там славу свою (человек) будет иметь всегда при себе. И подобно тому, как ангелы, куда бы ни явились, имеют славу сами в себе, так и святые. Или еще лучше, как солнце не нуждается в одежде, не имеет надобности ни в чем другом, но как только является, вместе с ним открывается и блеск его славы, – так будет и тогда.

3. Будем поэтому стремиться к этой славе, досточтимее которой нет ничего; оставим ту, презреннее которой нет ничего. «Не хвались, – говорится, – пышностью одежд» ([Сир.11:4](#)), – это издревле внушаемо было

детям. Действительно, и плясун, и блудница, и актер одеваются в более светлые и многоценные ризы, нежели ты. И, кроме того, ты тщеславишься такою вещью, на которую если нападет моль, то лишит тебя доставляемого ею тебе удовольствия. Видишь ли, как непостоянна слава в настоящей жизни? Ты хвалишься такою вещью, которую черви производят и истребляют, – потому что, говорят, в Индии находятся какие-то насекомые, которыми приготавливаются эти ткани. Прибери, если хочешь, одежду, которая соткана из предметов горних, – чудное и светлое одеяние, ризу воистину золотую. Только это золото не принадлежит к числу металлов, которые выкопаны руками преступников, но рождается от добродетели. Облечемся в эту одежду, которую устроят не бедные люди и рабы, а сам Господь. Но ты скажешь, что одежда эта испещрена золотом. А какое это имеет к тебе отношение? Ведь все удивляются устроившему ее, а не тому, кто в нее облачается, – потому что, в самом деле, первый достоин удивления. Так, ведь, и относительно обыкновенной одежды мы удивляемся не дереву, на котором одежда развешивается в валяльне, но тому, кто трудится около нее, несмотря на то, что дерево носит ее и она развешивается на дереве. Подобно тому, как та развешивается не ради нужды, а для пользы самой же одежды, чтобы, как говорят, вытрясти из нее пыль и чтобы не ела ее моль, так и эта. Итак, не крайнее ли будет это безумие так много заботиться о том, что не имеет никакого значения, – придумывать для этого всевозможные средства, погублять собственное спасение, пренебрегать геенну, Богу досаждать, презирать Христа алчущего? Что еще кто скажет о драгоценных ароматах – индийских, аравийских, персидских, сухих и влажных, о мазях и благовониях, (приобретение) которых соединено с большими и бесполезными издержками? Зачем ты, жена, умащаешь тело свое, внутри исполненное нечистоты? Зачем разоряешь себя для вещи зловонной и поступаешь так, как если бы кто благовонную мазь бросал в грязь, или бальзамом стал обливать кирпичи? Есть, если хочешь, ароматы, есть благовонная мазь, которую ты можешь умастить душу и которая приносится не из Аравии, не из Эфиопии, и не из Персии, а с самого неба, – которая покупается не за золото, а добрым расположением воли и непритворною верою. Купи себе этого благовония, запах которого может наполнить собою всю вселенную. Он распространялся от апостолов: «Ибо мы Христово благоухание, – говорит, – для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь» ([2 Кор. 2:15, 16](#)). Что же значит это? Сказывают, будто свинья задыхается от благовония. И не только тела апостолов, но и самые их одежды источали воню духовного благоухания; такое истекало

благовоние от одежд Павловых, что они прогоняли демонов. Ужели это благовоние не было приятнее и полезнее всяких цветов, всяких пряных корней, всякой благовонной мази? Если оно прогоняло демонов, то чего еще другого оно не могло сделать? Будем поэтому готовить эту благовонную мазь; а готовится ее благодать Св. Духа посредством милостыни. Воню этого благоухания будем источать, когда отойдем туда, и привлекать ею к себе святых; и подобно тому, как здесь намащенные благовониями привлекают к себе всех и, когда войдет кто-либо источающий благоухание в баню или в церковь, или в какое-нибудь другое многолюдное место, то все приближаются к нему, всех привлекает он к себе, – так точно и в том мире, когда войдут туда души, от которых будет истекать воня благоухания духовного, то все будут объаты удивлением, все посторонятся. Даже здесь (к этой душе) ни демоны, ни какой бы то ни было порок не смеют подойти и пребывать с нею, потому что задыхаются. Будем поэтому окружать себя этим благоуханием. Одно благоухание распространяет об нас такое мнение, что мы изнежены; а другое – что мы мужественны и воистину достойны удивления, и дает нам великое дерзновение. Это благовоние не на земле произрастает, а рождается от добродетели; оно никогда не увядает, а всегда цветет; оно содействует достойными уважения тех, кто обладает им. Им помазуемся мы, когда принимаем крещение; тогда от нас истекает приятное благоухание; а чтобы и потом мы источали его, это зависит уже от нашего старания. Вот почему в древности священники и были помазуемы миром, чтобы показать в этом знамение добродетели, потому что священник должен источать приятное благоухание. Между тем нет ничего зловоннее греха. Посмотри, как описывает его природу пророк: «смердят, гноятся раны мои» (Пс.37:6). И действительно, грех хуже и зловоннее всякой гниющей язвы. В самом деле, скажи, что может быть зловоннее блудодеяния? Если ты не чувствуешь этого в то время, когда грех совершается, то подумай о том по совершению его, и ты увидишь тогда его зловоние, отвратительную нечистоту, скверну и мерзость его.

Таков вообще грех. Прежде чем он будет сделан, он еще доставляет некоторую приятность, а после того, как уже совершится, приятность проходит и исчезает, и на место ее являются горечь и печаль. Совершенно наоборот праведность: вначале она приносит труды, а под конец – удовольствие и успокоение. Там и удовольствие не бывает удовольствием оттого, что впереди ожидает стыд и наказание; а здесь опять и труд не в труд оттого, что есть надежда на награду. Скажи мне, что такое пьянство? Не доставляете ли оно удовольствие только в то время, когда пьешь?

Вернее же, даже и во время самого питья (оно не приносит удовольствия). Когда (человек) впадает в бесчувствие, и не видит никого из присутствующих, но становится хуже беснующегося, то какое уже тут удовольствие? Кроме того, и в самом блудодеянии нет никакого удовольствия. Когда душа, одержимая страстью, теряет сознание, то какое это удовольствие? Если это удовольствие, то и чесотка будет составлять удовольствие. Я называю истинным удовольствием то, когда душа не находится в страстном состоянии, в котором тело поработает ее себе и развлекает ее. Что за удовольствие скрежетать зубами, ворочать глазами, ощущать щекотание и воспламеняться больше, нежели прилично? Это состояние до такой степени далеко от того, чтобы быть удовольствием, что мы спешим поскорее избавиться от него, а потом, избавившись, скорбим. Если это – удовольствие, то не удайся от него, а продолжай наслаждаться удовольствием. Видишь ли, что здесь одно только название удовольствия? Между тем предлагаемые нами удовольствия не таковы, – напротив они воистину бывают приятны, они доставляют не исполненное жара наслаждение, но оставляют душу свободною и расточают радость и веселье. Таким удовольствием наслаждался Павел, который говорит: «я и тому радуюсь и буду радоваться» ([Флп.1:18](#)), – и еще: «Радуйтесь всегда в Господе» ([Флп. 4:4](#)). То (первое) удовольствие соединяется со стыдом и осуждением, оно совершается скрытно и исполнено бесчисленных неприятностей, а последнее от всего этого свободно. Будем поэтому стремиться к нему, чтобы получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 3

[1 Тим.1:12–14](#). Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что *так* поступал по неведению, в неверии; благодать же Господа нашего открылась *во мне* обильно с верою и любовью во Христе Иисусе.

Смиренномудрие ап. Павла. – О воздаянии добром за зло.

1. Мы видим, что смиренномудрие приносит великую пользу, но нигде его скоро не обретаем; правда, (мы встречаем) величайшую униженность; на словах, даже больше, нежели следует, но истинного смиренномудрия нигде не находим. Блаженный же Павел до того желал стяжать его, что повсюду измышлял много причин к тому, чтобы соделывать смиренною свою душу. И так как более всего должны трудиться те, – когда они желают стяжать смиренномудрие, – которые сознают, что совершили важные подвиги, то вероятно и он терпел великое (в этом отношении) насилие от сознания сделанного им добра, которое, подобно сильному течению воды, влекло его к надменности. Поэтому смотри, что он и здесь делает. Он сказал, что мне вверено благовествование славы Божией – благовествование, коего участниками не могут быть те, которые еще придерживаются закона. Он противопоставляет одно другому, и полагает между ними такое расстояние, что кто придерживается последнего, тот еще не достоин соделаться участником первого, – подобно тому, как если бы кто сказал, что тех, которые нуждаются в узах и наказании, нельзя еще причислить к сонму любомудрых. И так как он (прежде) превознес себя и сказал о себе много великого, то (теперь) в одно время и себя смиряет, и других увещевает то же самое сделать. Написав: «которое мне вверено» ([1Тим.1:11](#)), он немедленно смиряет самого себя, чтобы ты не подумал, что он говорил это вследствие гордости. Итак, смотри, какой он употребляет (оборот речи), чтобы поправить (прежде сказанное), когда присовокупляет и говорит: «Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение». Видишь ли, как всегда он скрывает свои заслуги, и все приписывает Богу, – впрочем, так, что чрез это не уничтожает свободы воли? Неверующий, вероятно, мог бы сказать: если все принадлежит Богу и мы сами от себя, ничего не привносим, но (Бог), подобно деревьям и камням, обращает нас от порока

к любомудрию, то почему Он сделал таким Павла, а Иуду нет? Поэтому, смотри, с каким благоразумием выражается, предотвращая такое возражение. «Которое, – говорит, – вверено мне». Это составляет его заслугу и честь, но не все принадлежит ему; смотри, что он (далее) говорит: «Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса», – это относится к Богу; затем опять указывает на то, что принадлежит ему: «что Он признал меня верным» – конечно, потому, что он желал сам от себя содействовать этому. «Определив, – говорит, – меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что [так] поступал по неведению, в неверии». Смотри, как он говорит и о том, что принадлежит ему, и о том, что принадлежит Богу; но Промыслу Божию приписывает больше, а то, что ему принадлежит, уничижает, впрочем, так, чтобы, как я прежде сказал, чрез это не уничтожить свободы воли? Что же значит: «давшего мне силу»? Послушай. Он подъял на себя великое бремя, и ему нужно было большое содействие свыше. Посуди, в самом деле, как трудно было устоять против ежедневных поруганий, укоров, наветов, опасностей, споров, порицаний, смертей и не придти в уныние, не пасть духом, не поколебаться и, несмотря на то, что отовсюду каждый день бросали в него целые тысячи стрел, стоять с твердым, бестрепетным видом! Это было выше человеческих сил, хотя и не зависело от одного содействия Божия, но и от свободной его воли. Что Бог избрал его, предвидев, каков он будет, – послушай, что говорит (сам Бог) еще прежде, нежели (апостол) приступил к проповеди: «ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми» ([Деян.9:15](#)), Подобно тому, как те, которые носят на войне царское знамя, обыкновенно называемое лавурон (λάβουρον)⁴, должны обладать великою силой и опытностью, чтобы не предать его врагам, так и те, которые носят имя Христово не только во время войны, но и во время мира, должны иметь много твердости, чтобы не предать его хульным устам, но мужественно держать и нести крест. Воистину великая нужна сила для того, чтобы носить имя Христово. Тот, кто говорит, или делает, или в мысли имеет что-нибудь недостойное, не носит Его имени и не имеет в себе Христа. Между тем тот, кто носит (это имя), торжественно шествует не чрез торжище, а чрез небеса; (при виде его) всех объемлет трепет, ангелы сопутствуют и удивляются ему. «Благодарю, – говорит, – давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего» Смотри – он благодарит Бога даже и за то, что принадлежит ему самому. За то, что он – избранный сосуд, он приносит Ему благодарность. Это же тебе принадлежит, блаженный Павел, потому что Бог нелицеприятен. Но я

благодарю, говорит, за то, что Он удостоил меня этого служения, потому что это составляет признак того, что Он считает меня верным. Подобно тому, как в доме управляющий не только бывает благодарен господину за его доверие, но и поставяет последнее признаком того, что (господин) считает его более достойным доверия, нежели других, так точно и здесь. Затем смотри, как он, описывая прежнюю свою жизнь, превозносит милость и человеколюбие Божие. «Который прежде был, – говорит, – хулитель и гонитель и обидчик». Он гораздо снисходительнее выражается даже тогда, когда говорит об иудеях, несмотря на то, что они и в это время оставались в неверии: «ибо свидетельствую им», – говорит, – «что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению» ([Рим.10:2](#)); а о себе говорит, что он был хулителем, и гонителем, и досадителем. Видишь ли его смирение, как он несамолюбив, какая у него смиренная душа? Он не довольствуется тем, что назвал себя хулителем и гонителем; а (показывает еще), что он делал это с особенным ожесточением. Я не только, говорит, в себе укреплял зло и не довольствовался тем, что сам был хулителем, но еще преследовал тех, которые хотели жить благочестиво. (Я довел) богохульство до величайшего неистовства. «Но помилован потому, что [так] поступал по неведению, в неверии».

2. Почему же и другие иудеи не были помилованы? Потому что они не по незнанию, а зная и очень хорошо понимая, делали то, что делали. Чтобы вполне убедиться в этом, послушай, что говорит евангелист: «из начальников многие уверовали в Него, но не исповедывали, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию» ([Ин.12:42–43](#)). И опять Христос говорит: «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу» ([Ин.5:44](#))? – и еще говорит (евангелист): «Так отвечали родители его, потому что боялись Иудеев; ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги» ([Ин.9:22](#)). Кроме того, и сами иудеи говорили: «видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним» ([Ин.12:19](#)). Ими всегда руководила страсть любоначалаия. И когда они сказали, что никто не «может прощать грехи, кроме одного Бога» ([Лк.5:21](#)), тогда (Христос) немедленно совершил то, в чем они поставляли признак (силы) Божией. Итак, все это происходило не от неведения. Где же был тогда Павел? Вероятно, скажет кто-либо, (он находился) у ног Гамалиила, который не имел ничего общего с этою мятежною толпою, так как Гамалиил был такой человек, который ничего не делал по честолюбию. Каким же образом Павел впоследствии является среди этой толпы? Он видел, что учение это распространялось и становилось господствующим, и что все последуют ему. При жизни Христа

(народ) иногда приходил к Нему, а иногда к учителям (иудейским). Когда же они совершенно отделились (от последних), тогда уже он, не как другие – из властолюбия, стал действовать так, как действовал, а из ревности. Зачем же он отправлялся в Дамаск? Он считал дело (христиан) пагубным, и боялся, чтобы проповедь не распространилась повсюду. А иудеи (поступали) не так. Они все делали не из заботливости о многих, а из властолюбия. Посмотри, что они говорят: «овладеют и местом нашим и народом» ([Ин.11:48](#)). Какой объял их страх? Человеческий. Нужно рассмотреть и то, каким образом (Павел), будучи столь сведущ в законе, ничего не знал, – потому что он сам говорит: «прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях» ([Рим.1:2](#)). Каким же образом ты не знал этого, будучи ревнителем отеческого закона, воспитавшимся у ног Гамалиила? Проводившие жизнь на реках и озерах, и мытари притекли (к Христу) и приняли Его; а ты, опытный в законе, Его преследуешь? Потому-то он и осуждает себя, говоря: «и недостойн называться Апостолом» ([1 Кор.15:9](#)). Потому-то он и сознается в неведении, которое происходило от неверия. Потому-то и говорит, что он был помилован. Что значит: «что Он признал меня верным»? То, что он не изменил Господу ни в чем, говорил, что все ему принадлежит, даже свое собственное называл Божиим, не присвоил себе славы Божией, – послушай, в самом деле, что говорит он в другом месте: «мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки» ([Деян.14:15](#)), – вот что значит: «Что Он признал меня верным». И опять в другом месте, «но я более всех их потрудился, – говорит: – не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» ([1 Кор.15:10](#)), и еще: «производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» ([Флп.2:13](#)). Сам он, по его словам, достоин был наказания, – потому что помилование дается именно таким (людям). И опять в другом месте говорит: «ожесточение произошло в Израиле отчасти» ([Рим.11:25](#)). «Но благодать, – говорит, – Господа нашего (Иисуса Христа) открылась во мне обильно с верою и любовью во Христе Иисусе». Что это значит? Чтобы ты, услышав слова: «помилован был», не остановился мыслью только на этом, он говорит: «я был хульником, и гонителем, и досадителем», и потому достоин наказания; но не наказан, потому что помилован. Но разве это только (ты получил), разве милосердие простиралось только до того, что ты не понес наказания? Нет, – но (ты получил) и другие многие и великие (благодаяния). Бог не только освободил нас от угрожавшего нам наказания, но и сделал нас праведными, и сынами, и братьями, и друзьями, и наследниками, и сонаследниками. Поэтому-то он и говорит: «благодать же открылась во

мне», выражая ту мысль, что дары эти превзошли (пределы) милосердия, потому что (так поступать) свойственно не милующему только, но и благоволящему и сильно любящему. Итак, сказавши много великого о человеколюбии Божиим, что (Бог) помиловал его, хотя он и был хулителем и гонителем и притеснителем, и не только не ограничился этим, но удостоил его еще других великих (благодетельств), (апостол) опять подтверждает то, (что сказано против) неверных, т. е. что (не следует) говорить, что свобода воли не существует, – прибавляя (следующие слова): «с верой и любовью, во Христе Иисусе». Со своей стороны, мы, говорит он, только одно принесли, именно – поверили тому, что Он может спасти.

3. Поэтому возлюбим Его (Бога) чрез Христа. Что значит чрез Христа? То, что Он нам приуготовил это, а не закон. Видишь ли, каких благ для нас виновником был Христос, а каких закон? И (апостол) не просто сказал: «умножилась» благодать, но: «преумножилась», – потому что действительно «преумножилась»⁵, когда тех, которые заслужили тысячу казней, она внезапно приводит к усыновлению. Вот опять (здесь предлог) «в» (ἐν) значит то же, что «чрез» (διὰ). Нам нужна не одна только вера, но и любовь, – потому что ныне есть много таких, которые веруют, что Христос есть Бог, однакож не любят Его и не поступают так, как следует любящим Его. В самом деле, как (они любят Его), когда все предпочитают Ему – деньги, рок, судьбу, предзнаменования, гадания, волхвование? Если же мы живем так, что оскорбляем Его, то, скажи мне, какая у нас к Нему любовь? Если кто имеет друга, к которому питает горячую, пламенную любовь, то пусть, по крайней мере, столько же любит Христа, пусть, по крайней мере, столько же любит Того, Кто предал Сына Своего за врагов Своих, без всякой с нашей стороны заслуги. Что я говорю – заслуги? За тех, которые совершили величайшие преступления, которые дерзнули без всякой причины на то, на что никогда не следовало решаться. Он после бесчисленных благодетельств и попечения о нас все-таки не отверг нас; напротив, предал за нас Своего Сына, именно в такое время, когда более всего мы совершили беззаконий. Между тем мы, получив столь великие (благодетельства), соделавшись друзьями Его и сподобившись чрез Него всех этих благ, не возлюбили Его даже так, как любим друзей своих. Какая же после этого остается для нас надежда? Может быть, вы трепещете от этих слов. О, если бы (привели вас в трепет) подобные поступки! Но как это возможно, скажешь ты, ужели мы в самом деле не любим Бога даже и так, как друзей своих? Как это возможно? Я попытаюсь объяснить это тебе; правда, я молю о том, чтобы сказанное мною оказалось не имеющим никакого основания, пустословием; но боюсь, чтобы мои слова не были

согласны с действительностью. Смотри же. Для друзей, которые действительно наши друзья, многие из нас часто терпят убыток; а для Христа никто не решается не только пожертвовать чем-нибудь, но и быть довольным тем, что кто имеет. За друга часто мы подвергаемся обидам и неприязни; а за Христа никто не согласится переносить неприязни, напротив, (всякий) говорит: люби даром, но не даром ненавидь. Друга, томимого голодом, мы никогда не презираем; а Христа, который приходит к нам каждый день – не за многим, а только за одним хлебом, мы даже не допускаем к себе, и это тогда, когда с нами случается зловонная отрыжка, когда мы пресыщены больше, чем следует, когда объедаемся, когда от нас пахнет вчерашним вином, когда предаемся излишним наслаждениям, при чем одни из нас дают подарки блудницам, другие тунеядцам, иные льстецам, иные уродам, полуумным и карликам: да, (люди) обращают себе в увеселение даже эти природные недостатки. Другьям, которые суть истинные наши друзья, мы не завидуем, и не сокрушаемся при виде их благополучия; а по отношению к Христу мы и от этой страсти несвободны. Наконец, всякий может заметить, что (у людей) дружба имеет больше силы, нежели страх Божий, так как даже лукавый и завистливый больше стыдится людей, чем Бога. Откуда это видно? Я скажу – откуда: человек, несмотря на то, что Бог видит все, что происходит у него в сердце, не перестает строить козни; между тем человек, если увидит человека, то считает себя погибшим и краснеет. Что еще сказать? К другу, который находится в несчастии, мы приходим и, если несколько замедлим, боимся, чтобы за это не подвергнуться нам осуждению; а на Христа, часто умирающего в узах, даже и не посмотрим. Да и к другьям, которые веруют (во Христа), мы приходим не потому, что они веруют в Него, а потому, что они нам друзья.

4. Итак, видишь ли, что ничто не делается из страха Божия или из любви к Богу, а все или по дружбе, или по привычке? Мы плачем и вздыхаем, когда видим друга отправляющегося в чужую сторону; мы рыдаем, когда видим его умершим, хотя знаем, что он не навсегда разлучился с нами и что снова будет нам возвращен при воскресении; а когда Христос каждый день удаляется от нас, или лучше, когда Христа мы каждый день отгоняем от себя, – мы не скорбим, напротив, оскорбляя Его, досаждая Ему, огорчая Его, делая неудобное Ему, мы даже и не думаем, что совершаем какое-нибудь преступление. Но это еще не было бы столь ужасным, если б мы только поступали с Ним, не как с другом. А я докажу, что мы поступаем с Ним, как с врагом. Каким образом? «Плотские помышления, – говорит Павел, – суть вражда против Бога» ([Рим.8:7](#)).

Между тем это мудрование постоянно присуще нам. Христа, Который желает придти к нам, как только Он приблизится к нашим дверям, мы прогоняем, – это именно делают злые дела, – мы оскорбляем Его каждый день своим любостыжанием и хищничеством. Хвалят человека, который пользуется доброю славою за то, что проповедует Христа и приносит пользу Церкви? И мы завидуем ему, потому что он совершает дело Божие; мы думаем, что завидуем ему, а между тем зависть наша обращается на Христа. Нет, – скажешь ты, – мы хотим, чтобы польза была от нас, а не от других, (следовательно, мы желаем этого) не для Христа, а для нас, потому что если – для Христа, то нам должно быть все равно, от нас ли это происходит, или от других. Скажи мне, если какой-нибудь врач, который имел бы сына, находящегося в опасности лишиться зрения, сам, не будучи в состоянии помочь ему, найдет другого (врача), который может это сделать, то ужели он отвергнет его? Ни в каком случае; напротив, он сказал бы так: все равно – от тебя, или от меня, только пусть будет ему польза. Почему так? Потому что он имеет в виду пользу не свою, а своего сына. Так и мы, если бы обращали внимание на то, что относится к Христу, то говорили бы так: чрез нас ли, или чрез кого иного, – только пусть совершается то, что может быть полезным: «притворно или искренно, – говорит (апостол), – Как бы ни проповедали Христа» (Флп.1:18). Послушай, что говорит Моисей тем, которые хотели возбудить в нем гнев, когда пророчествовали Елдад и Модад: «не ревнуешь ли ты за меня? о, если бы все в народе Господнем были пророками» (Числ.11:29)? Все это происходит от жажды славы. Итак, не врагам ли и неприятелям свойственно так поступать?

Сказал тебе кто-нибудь дурное слово? Ты возлюби его. Но как это возможно? Возможно, и очень возможно, если захочешь. Если ты любишь того, кто говорит о тебе хорошо, то это еще не составляет заслуги, – потому что ты делаешь это не для Господа, а для своей славы. Причинит тебе кто-либо вред? Ты сделай ему добро. Если же ты станешь делать добро тому, кто тебе сделал добро, то ты не совершишь еще ничего важного. Тебя обидели и причинили тебе великий убыток? Постарайся заплатить за это противоположными действиями. Да, умоляю вас, так расположим наши поступки. Перестанем делать зло врагам и ненавидеть их. Он (Христос) повелевает нам любить врагов, а мы враждуем и на Него самого, хотя Он любит нас. Да не попустит этого (Господь), говоришь ты. На словах все мы так говорим, а на деле не все так поступаем. До того ослепляет нас грех, что даже то, что не может быть терпимо в словах, бывает терпимо в поступках. Поэтому удалимся, хотя и поздно, от тех,

которые препятствуют и вредят нашему спасению, – чтобы получить нам то, что следует получить друзьям (Христовым). «Хочу, – говорит Он, – чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою» ([Ин.17:24](#)), которую да сподобимся все мы получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 4

[1 Тим.1,15–16](#). Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый. Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной.

Смиренномудрие ап. Павла. – Как нужно прославлять Бога.

1. Благодеяния Божии так велики и до того превосходят всякое человеческое ожидание и надежду, что часто даже им не верят. Действительно, (Бог) нам даровал то, о чем не помышлял, чего не ожидал ум человеческий. Поэтому апостолы много и говорят об этом, чтобы возбудить в нас веру в те дары, которые поданы нам от Бога. Подобно тому, как при (получении) великих благ, мы приходим в такое состояние, что, не доверяя себе, говорим: не сон ли это? – так и при (получении) даров Божиих. Что же было в них такого, чему едва можно было верить? То, что враги, грешники, те, которые не нашли оправдания ни в законе, ни посредством дел, вдруг при помощи одной веры должны были получить такие преимущества. Вот почему (апостол) много рассуждает об этом предмете и в послании к Римлянам, – много также и здесь. «Верно, – говорит, – всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый». Так как иудеи этим особенно увлекались, то он убеждает их не привязываться к закону, потому что без веры невозможно чрез него спастись. За это именно ратует (апостол), потому что казалось невероятным, чтобы человек, несмотря на то, что он всю предшествующую жизнь провел попусту и напрасно и истратил ее на злые дела, мог потом спастись чрез одну веру. Поэтому он и говорит: «верно слово». Впрочем, некоторые не только не верили, но и укоряли его, подобно тому, как и ныне делают язычники, говоря: «И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро» ([Рим.3:8](#)). Так как они слышали, что он говорил: «А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» ([Рим.5:20](#)), то, извращая наше (учение), проповедывали таким образом. Точно также, когда мы беседуем с ними о геенне, они возражают: как же это может быть достойно Бога? Если человек, схватив своего раба, во многом согрешившего пред ним, оставляет ему (его вину) и дает прощение, то ужели Бог будет наказывать навеки? И опять, когда говорим им о купели (крещения) и об оставлении грехов чрез нее, они возражают:

достойно ли Бога, что Он оставляет грехи тому, кто совершил бесчисленные преступления? Видишь ли развращение их ума, как он во всем обнаруживает свойственную себе страсть к спорам? Именно: если отпущение грехов – зло, то наказание – добро, и наоборот, если наказание – не добро, то добро – отпущение грехов; говорю так, соображаясь с их мнением; а по-нашему – хорошо то и другое. А почему, это покажу в другое время, так как теперь этого невозможно сделать. (Предмет этот), будучи глубоким и требующим подробного исследования, в свое время должен быть предложен вашей любви; пока же обратимся к предлежащему (вопросу). «Верно, – говорит, – слово». Каким образом оно верно? (Это видно) как из предыдущего, так и последующего. Смотри, как он предварительно приготавливает (своих слушателей), и потом, приготовив их, приступает к исследованию. Сказав, что его, богохульника и гонителя, помиловал (Бог), он имел в виду приготовить их. И не только, говорит, помиловал, но и соделал верующим: до такой степени, говорит, он, невозможно сомневаться в том, что Он помиловал меня. Ведь никто, видя узника, который живет в царских чертогах, не станет сомневаться в том, что он помилован; то же самое можно было видеть и на Павле. Поэтому он самого себя приводит в доказательство и не только не стыдится, называя себя грешником, но еще особенно радуется, так как чрез это он лучше всего мог показать великое чудо попечения Божия и то, что он сподобился столь великой милости. Почему же он, сказав в другом месте о себе: «по правде законной – непорочный» ([Флп.3:6](#)), здесь говорит, что он грешник и первый из грешников? Потому что в сравнении с тою праведностью, которой (причастниками) соделал нас Бог и которой поистине нужно искать, грешны даже те, которые были (праведны) в законе: «потому что все согрешили и лишены славы Божией» ([Рим.3:23](#)). Поэтому он не просто сказал: по правде, но: «по правде законной». Подобно тому, как человек, который приобрел много денег, хотя сам по себе и кажется богатым, однако по сравнению с сокровищами царскими оказывается весьма бедным, и первым бедняком, так и здесь, сравнительно с ангелами, люди – грешники, даже и праведные. Если же Павел, который по закону творил правду, есть первый грешник, то кто другой может быть назван праведным? Потому-то он говорит так не с тою целью, чтобы порицать свою жизнь, (признавая ее) бесчинной, – нет, – но, сравнивая одну (законную) праведность с другою (благодатною), показывает ничтожество (первой). И мало того, – но еще признает грешниками тех, которые стяжали законную праведность. «Но для того я, – говорит, – и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут верить в Него к

жизни вечной».

2. Видишь ли, как опять смиряет и уничижает себя, приводя иную, более унижительную причину? Сказав, что он помилован ради своего неведения; он указывает на то, что помилованный не очень (великий) грешник и не должен быть строго осуждаем; а, сказав, что он помилован для того, чтобы никто из согрешивших не отчаивался более, но был уверен, что и он то же самое получит, он представляет весьма великое и очень сильное (обвинение). Таким образом, когда (апостол) говорил: я первый из грешников, и хулителю, и гонителю, и досадителю, «и недостойн называться Апостолом» ([1 Кор.15:9](#)) и тому подобное, то и тогда ничего не сказал в такой степени унижительного (для себя). Поясним это примером. Представим себе многолюдный город, которого все жители были бы люди злые – одни меньше, другие больше, однако все достойны осуждения; но в числе этих многих один кто-нибудь больше всех заслуживал бы осуждение и наказание, и был человек, испытавший все виды преступлений. Если бы, положим, кто-нибудь сказал, что царь хочет простить их всех, то они не так легко поверили бы этому известию, пока не увидели бы, что самый преступный из всех их получил прощение: тогда уже не оставалось бы никакого сомнения. То же самое говорит и Павел, – что Бог, желая уверить людей в том, что Он все им прощает, помиловал того, кто более всех согрешил. Если я, говорит он, получил прощение, то пусть никто уже не усомнится относительно других. Это – то же, что обыкновенно всякий говорит: если Бог этого простил, то Он уже не накажет никого другого. Чрез это (апостол) показывает, что он не заслуживал прощения, но ради спасения других первый сподобился его. Поэтому пусть никто, говорит он, не сомневается в спасении, когда я спасен.

И заметь смиренномудрие этого блаженного. Он не сказал: да покажет во мне долготерпение, но – «все долготерпение» как бы говоря так: ни над кем другим (Бог) не явил больше Своего долготерпения, как надо мною, и не обрел другого такого грешника, который нуждался бы во всем Его милосердии, во всем Его долготерпении, а не отчасти, подобно тем, которые только отчасти согрешили. «В пример тем, – говорит, – которые будут веровать в Него к жизни вечной», то есть, для ободрения, для поощрения их. Но так как (апостол) сказал нечто великое о Сыне, и что Он показал такую любовь, то, чтобы не подумал кто-нибудь, что Отец лишен ее, он потом воссылает и Ему славу, и говорит: «Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь» ([1Тим.1:17](#)). За это, говорит, не только Сына, но и Отца прославляем. Итак, спросим еретиков: вот (апостол), говоря об Отце,

сказал: единому Богу: ужели Сын – не Бог? И единому нетленному: ужели Сын не нетленен? И ужели (Сын) сам не имеет того, что в будущей жизни нам дарует? Да, говорят они, Сын – и Бог, и нетленен, но не таков, каков Отец. Что ты говоришь? Ужели не таков, ужели по существу Он менее совершен? Следовательно, и нетление в Нем менее совершенно? Что же значат (выражения) – более и менее совершенное нетление? Нетление ведь есть не что иное, как только освобождение от тления. Правда, слава может быть больше и меньше, но нетление не бывает ни больше, ни меньше, подобно тому, как и здоровье не может быть ни меньше, ни больше, потому что всякая вещь должна или истлеть, или вовсе не подлежать тлению. Так что же, скажешь, ужели и мы в такой же мере будем нетленны? Нет, нисколько. Почему? Потому что Он (Отец) имеет это по природе, а нам это дано отвне. Так, может быть, таково же (нетление) и Сына? Нисколько; напротив и Он (имеет нетление) по природе. В чем же различие? В том, что Отец, говорят, не произошел (ἐγένετο) таким ни от кого другого, а Сын от Отца. И мы то же исповедуем. И мы не отвергаем, что Сын нетленно рожден от Отца. За это, говорят, мы прославляем Отца, что Он родил таким Сына. Не видишь ли, что отец особенно тогда прославляется, когда сын совершает великие дела? То, что принадлежит сыну, относят к отцу. Поэтому, так как Он родил сильного, и такого же, каков сам, то слава Сына не больше, чем слава Отца, потому что (Он родил) самобытного, самодовольного и не лишенного могущества. А слова – «Царю веков» сказаны и о Сыне: «через Которого и веки сотворил» ([Евр.1:2](#)); то же самое и здесь. У нас отделяют одно от другого, именно устройство и творение, и один устроит, работает и трудится, а другой повелевает. Почему так? Потому что (у нас) устроитель занимает низшее место. Но там вовсе не так. Там не принадлежит одному господство, а другому – устройство. Поэтому, когда я слышу: «через Которого и веки сотворил», то не отнимаю у Отца творческой силы. Равным образом, когда слышу, что Отец есть Царь веков, то не отнимаю у Сына господства. Это столько же относится к одному, сколько и к другому, потому что обоим принадлежит и то, и другое. Отец сотворил (все) тем, что родил зиждителя – Сына; царствует Сын потому, что Он – Господь всех тварей. Не за награду Он делает, как бывает у нас, и не из повиновения другому, как делают другие, но по свойственной Ему благодати и человеколюбию. Что же? Казался ли когда-либо (таким) Сын? Никто не может того сказать. Итак, что же значит: «нетленному, невидимому, единому премудрому Богу!» А это что значит, когда (апостол) говорит: «ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись»

([Деян.4:12](#)), и опять: «и нет ни в ком ином спасения» ([Деян.4:11](#))? «Честь и слава, – говорит, – во веки. Аминь». Честь и слава воздается не словами. Поэтому, так как и Он почтил нас не словами, а самым делом, то и мы воздадим Ему честь самым делом. При этом честь (которую Бог почтил нас) имеет для нас значение; а та (которую воздаем Ему) для Него ничего не значит, потому что Он не нуждается (в чести) от нас, между тем мы нуждаемся (в чести) от Него.

3. Таким образом, если мы будем воздавать Ему честь, то чрез это себе самым доставим честь. Подобно тому, как человек, который открывает глаза для того, чтобы видеть солнечный свет, себе самому доставляет чрез это пользу, удивляясь красоте этого светила, а не ему что-нибудь дает, потому что не делает его чрез это более светлым, напротив оно остается тем же самым, – так точно, и даже гораздо больше (бывает, когда обращаемся) к Богу: кто с удивлением взирает на Бога и воздает Ему честь, тот снискивает самому себе спасение и получает величайшую пользу. Каким образом? Таким, что, усвоив себе добродетель, сподобляется от Него славы: «Я прослаблю, – говорит Он, – прославляющих Меня» ([1 Цар.2:30](#)). Но каким же образом, спросят, Он прославляется, если Он ничего не приемлет от славы, нами воздаваемой? Таким же, как говорится о Нем, что Он терпит голод и жажду: все наше Он присвоит Себе, чтобы, по крайней мере, этим привлечь нас, – и почести, и обиды, чтобы, хотя этим внушить нам страх; а мы, несмотря даже на это, не приближаемся к Нему.

Прославим же Бога, превознесем Бога и в теле, и в духе нашем. Как же, скажешь, можно прославлять в теле? И как в духе? Духом называется здесь душа, противопоставляемая телу. Как же прославляет кто-либо (Бога) в теле? И как в душе? В теле прославляет тот, кто не предаётся блуду, кто не упивается, кто не пресыщается, кто не печется о внешнем украшении, кто настолько показывает заботливости о себе, насколько это нужно только для здоровья, кто не прелюбодействует, равно как и та, которая не намащует себя благовониями, не расписывает красками своего лица, которая довольна тем видом, каким наделил ее Бог и ничего не прибавляет к тому искусственного. В самом деле, отчего, скажи мне, ты прибавляешь от себя нечто к тому, что создано совершенным от Бога? Неужели для тебя мало того, что сотворил (Бог)? Следовательно, ты, (считая себя) искуснейшею художницею, принимаешься исправить дело Божие? Этого ты не имеешь в виду, но ты украшаешь себя и наносишь оскорбление Творцу для того, чтобы привлечь к себе бесчисленных любовников? Что же мне делать, скажешь ты? Ведь и я не желаю того, но

принуждена поступать так ради моего мужа. Обыкновенно не бывает любимую та, которая того не желает. Тебя создал Бог благообразною для того, чтобы и чрез это возбудить в нас удивление к Себе, а не для того, чтобы Ему мы наносили оскорбление. Не такими воздавай Ему за это дарами, но целомудрием и скромностью. Бог создал тебя благообразною для того, чтобы чрез это умножить для тебя подвиги скромности. Не в одинаковой ведь степени (трудно) сохранять целомудрие той, которая во всех возбуждает любовь к себе, и той, к которой никто не чувствует расположения. Слышишь ли, что говорит Писание об Иосифе? Что он был «красив станом и красив лицом» ([Быт.39:6](#)). Какую пользу приносит нам то, когда мы слышим, что Иосиф был красив? Ту, что мы еще больше удивляемся его красоте и скромности. Бог создал тебя благообразною? Зачем же ты безобразишь себя? Подобно тому, как если бы кто стал намазывать грязною тиною золотую статую, так поступают те, которые употребляют притирания. Ты испещряешь себя землею, то красною, то белую. Но ты скажешь, что безобразные справедливо так поступают? Для чего, скажи мне? Для того ли, чтобы скрыть свое безобразие? Но они напрасно трудятся. Когда, скажи мне, искусство и изысканность превзошли природу? И зачем вообще печалиться по причине безобразия, когда оно не заключает в себе ничего зазорного? Послушай, что говорит один мудрец: «не хвали человека за красоту его и не имей отвращение к человеку за наружность его» ([Сир.11:2](#)). Поэтому больше удивляйся Богу, искуснейшему художнику, а тому (кто имеет красивую наружность, не удивляйся) несколько, потому что случившееся не им устроено. Скажи мне, какая польза от красоты? Никакой, напротив (от нее) большие споры, величайшие огорчения, опасности и подозрения. В самом деле, не столь красивую никто и не подозревает, а красивая, если только не отличается особенною, необыкновенною скромностью, сейчас же делается предметом дурной славы, и даже муж обращается с нею недоверчиво; а что может быть тягостнее этого? И не столько испытывает он наслаждение при виде (ее красоты), сколько терпит огорчение от своей подозрительности. Да и наслаждение вследствие привычки теряет свою силу, когда самая душа приобретает славу нерадивой, рассеянной, своевольной, когда она содельвается завистливой, когда исполняется великой гордости, – потому что ко всему этому особенно приводит нас красота. Между тем мы не находим, чтобы та, которая не столь красива, имела в себе столько препятствий (вести жизнь добродетельную). И псы на нее не нападают, но подобно агнице, при которой постоянно находится пастырь, она пасется в совершенном спокойствии; ни один волк ее не тревожит и не производит

на нее нападения. Не то вредно, что одна красива, а другая – нет. Вредно то, что одна блудодействует, несмотря на то, что она некрасива, а другая зла. Скажи мне, в чем состоит достоинство глаз? В том ли, что они влажны, подвижны, круглы и голубые, или в том, что они остры и проницательны? Я утверждаю последнее, и это очевидно из следующего. В чем заключается достоинство светильника? В том ли, что он ярко светит и освещает весь дом, или в том, что он красиво сделан и имеет круглый вид? Конечно, в первом, сказали бы мы, потому что последнее свойство не имеет для нас никакого значения, и мы ищем первого. Поэтому мы и говорим всегда служанке, которой поручено это: ты худо приготовила светильник. Таким образом, назначение светильника состоит в том, чтобы светить. Так и глаз, будет ли он такой или иной, ничего не значит, только бы он вполне удовлетворительно выполнял свое назначение; равным образом он называется дурным, когда слабо видит и не имеет надлежащего устройства, потому что и о людях, которые открытыми глазами ничего не видят, мы говорим, что у них дурные глаза. Мы называем дурным все то, что не выполняет того, что ему нужно выполнять. И вот в чем заключается недостаток глаз. В чем же состоит достоинство носа, скажи мне? В том ли, чтобы он был прямой, заострен с обеих сторон, и имел соответственную соразмерность, или же в том, чтобы он был способен к обонянию, мог скоро воспринимать (впечатления) и передавать их мозгу? Последнее для каждого очевидно. Будем продолжать изыскание, и на примерах объясним дело. Скажи мне, какие клещи, какие сосуды мы назовем хорошо устроенными, те ли, которые хорошо могут захватывать вещь и хорошо держать ее, или те, которые красиво выделаны? Очевидно, что первые. А зубы – какие мы назовем хорошими? Острые и легко раздробляющие пищу, или те, которые красиво расположены? Очевидно, что первые. И вообще, если по всему телу нашему станем мысленно проводить это исследование, то найдем, что все в нем здорово и хорошо, как скоро всякий член в нем правильно исполняет свойственное ему отправление. Так и всякий сосуд, всякое животное, всякое растение мы называем хорошим не за его вид или цвет, но за его служение. Так и из слуг мы называем хорошим того, который приучен к службе, а не того, который красив и изнежен. Видишь ли, каким образом можешь сделаться красивою? Итак, когда мы в одинаковой степени пользуемся величайшими и достойными удивления (благами), то ни в чем мы не терпим обиды. А именно: благообразны ли мы или нет, мы все одинаково видим этот мир, солнце, луну, звезды, одинаково вдыхаем в себя воздух, одинаково пользуемся водой, пищею. И если нужно сказать что-либо достойное удивления, так именно то, что

неблагообразные бывают здоровее благообразных. В самом деле, эти последние, чтобы сохранить свою красоту, не посвящают себя трудам, но проводят время в праздности и неге, отчего особенно ослабевает деятельность их членов; а первые ведут себя просто и смело и, так как они не имеют о своей наружности никакой заботы, то употребляют все время на труды.

Итак, прославим Бога; превознесем Его в теле нашем, не станем украшать себя, – потому что это лишняя и бесполезная забота; не будем приучать своих мужей к тому, чтобы они любили одну только наружность. Если ты будешь так украшать себя, то он, привыкши к этому, (взирая) на твое лицо, легко может быть прельщен распутством. Напротив, если ты научишь его любить благонравие и скромность, то он не скоро впадет в прелюбодеяние, потому что у блудницы он не найдет этого, но найдет противное тому. Итак, не приучай его прельщаться смехом, ни свободными телодвижениями, чтобы ты чрез это не приготовила яда для самой себя. Учи его находить удовольствие в скромности; а это ты можешь сделать тогда, когда ты скромно будешь держать себя. В самом деле, если ты сама легкомысленна и сладострастна, то как можешь завести с ним благопристойную речь? Кому не покажешься ты странной и смешной? Каким поэтому образом мы можем превозносить Бога в теле своем? Когда будем упражняться в добродетели, украшать душу свою, по отношению к которой это не запрещается. Тогда прославляем Бога, когда мы во всех отношениях бываем праведны; за то и сами будем прославлены в тот день, и при том не в такой мере, но гораздо больше. «Ибо думаю, – говорит (апостол), – что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» ([Рим.8:18](#)), – которую да сподобимся мы все получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 5

1 Тим. 1:18–19. Преподаю тебе, сын мой Тимофей, сообразно с бывшими о тебе пророчествами, такое завещание, чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин, имея веру и добрую совесть, которую некоторые, отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере.

Каких следует избирать священников. – Против тех, которые недостойно или однажды только в год приступают к причащению Св. Таин.

1. Звание наставника и священника весьма важно и достойно удивления, и воистину Божеское указание потребно для того, чтобы для этого был избран человек достойный. Так и было в древности; так бывает и ныне, когда мы, без человеческого пристрастия, совершаем избрание, когда не взираем ни на что житейское, ни на дружбу, ни на вражду. Хотя мы и не в такой степени причастны Духу, но довольно доброго намерения для того, чтобы привлечь на себя рукоположение Божие. Так и апостолы не были причастны Духу, когда избрали Матфея, но, предоставив дело молитве, причислили его к лику апостолов, – они не взирали на дружбу человеческую. Так должно бы совершаться это и теперь у нас. Но мы, достигнув до крайней степени нерадения, пропускаем без внимания и то, что вполне очевидно. Если же мы не усматриваем очевидного, то как Бог откроет нам неизвестное? Если в малом, говорит Он, вы не были верны, то кто поручит вам великое и истинное? Между тем в то время, так как ничто не совершалось по человеческому (пристрастию), то и священники поставляемы были чрез пророчество. Что значит – чрез пророчество? По (внушению) Святого Духа. Пророчество состоит не в том только, чтобы предсказывать будущее, но и (в том, чтобы узнавать) настоящее; так и Саул открыт был чрез пророчество, когда скрывался между сосудами, потому что Бог открывает праведным (свою волю). Пророчеством тоже были слова: «отделите Мне Варнаву и Савла» (Деян.13:2). Так был избран и Тимофей. Но здесь (апостол) говорит о многих пророчествах, (разумея), быть может, то (пророчество), по которому он принял его, когда обрезал, и когда рукоположил, как и сам, пиша к нему, говорит: «Не неради о пребывающем в тебе даровании» (1 Тим.4:14). Итак, чтобы возбудить его к ревности и заставить трезвиться и бодрствовать, он напоминает ему об избравшем и рукоположившем его, говоря как бы так: тебя избрал Бог, Он вверил тебе (Церковь); не по человеческому избранию ты сделался

(служителем веры): не скорби же, не посрами Божественного избрания. Потом, так как он дал ему здесь заповедь, и она была очень трудна, то что говорит?

«Преподаю тебе, сын мой Тимофей, такое заветование». Дает ему заповедь, как сыну, как родному. (Он говорит ему) не повелительно, не деспотически, не с властью, но отечески: «сын (мой) Тимофей». А выражение: «преподаю» показывает, что нужно точно хранить (преданное), и что оно не от нас произошло: не мы стяжали его, но Бог нам даровал, и не только – это, но и веру и благую совесть. Следовательно, что Он даровал нам, то мы должны хранить. Если бы Он (Господь) не пришел, то не было бы ни самой веры, ни чистой жизни, которую мы из детства приобретаем. Апостол как будто так говорит: не я завещаю тебе, но Тот, Кто избрал тебя. Слова: «сообразно с бывшими о тебе пророчествами» такой именно имеют смысл. Внимай им, будь им послушен. Что же ты заповедуешь, скажи? «Чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин» Они избрали тебя на то, на что избрали; проходи добрую службу воина. Сказал: «добрую», потому что есть и злая служба воина, о которой он говорит: ""Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию» ([Рим.6:19](#)). Они проходят службу воина под (властью) мучителя, а ты под (властью) царя. Но почему он называет службою воина это дело? Чтобы показать, что воздвигнута сильная брань вообще против всех, и особенно против учителя, что нам нужно крепкое оружие, именно трезвенность, бодрствование, неусыпная бдительность, что мы должны быть готовы на кровавые битвы, что (мы должны) ополчиться и не имет ни малейшей изнеженности. «Чтобы ты воинствовал, – говорит, – согласно с ними». Подобно тому, как в войсках не все одинаковым образом исполняют службу, но в различных чинах, так и в Церкви один занимает место учителя, другой – ученика, третий – ничего несведущего, между тем ты занимаешь первое место. Потом, чтобы кто не подумал, что этого достаточно, что говорит он? «Имея веру и добрую совесть». Учитель должен сначала научить самого себя. Подобно тому, как военачальник, если бы он прежде не был отличным воином, не был бы никогда и военачальником, так и учащихся. Об этом (апостол) говорит и в другом месте: «дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» ([1 Кор.9:27](#)). «Имея, – говорит, – веру и добрую совесть» – для того, чтобы ты мог таким образом управлять другими. Слыша это, не будем пренебрегать наставлениями тех, которые больше нас, несмотря на то, что мы учителя. Если Тимофей, с которым мы все не должны сравнивать себя, принимает наставления и учится, и при том тогда, когда

он сам был уже в звании учителя, то тем более мы (должны так поступать). «Которую, – говорит, – некоторые, отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере». И справедливо, – потому что, когда жизнь становится достойною осуждения, тогда возникает и такое же учение. И можно видеть многих, которые ниспали от этого в бездну грехов, и совратились в язычество. Чтобы не терзаться страхом будущего, они стараются убедить себя в душе, что все наши (угрозы) ложны. И от веры некоторые уклоняются потому, что, умствуя, все подвергают исследованию, а умствование производит кораблекрушение, вера же есть в некотором смысле надежный корабль.

2. Итак, уклоняющиеся от этого неизбежно должны потерпеть кораблекрушение, и это (апостол) указывает нам на примере: «Таковы, – говорит, – Именей и Александр» ([1Тим. 1:20](#)). И примером их он вразумляет нас. Видите ли, что и в те времена были люди, которые превратно учили, много доискивались, уклонялись от веры, все подвергали исследованию посредством своих умствований? Человек, претерпевший кораблекрушение, остается нагим и лишенным всего; равным образом и тот, кто отпал от веры, ничего более уже не имеет, негде ему стать, на чем утвердиться. Он не ведет такой жизни, из которой мог бы извлечь какую-нибудь пользу, потому что к чему служит остальное тело, когда повреждена голова? Если вера без жизни ничто, то тем более – наоборот (жизнь без веры). Если Бог для нас оставляет без вниманья свое, то тем более мы должны забывать для Него о своем. Вот что происходит, когда кто-либо отпадает от веры: он нигде не останавливается, но плавает туда и сюда, пока опять не погрузится в пучину. «Которых, – говорит, – я предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать». Видишь ли, что исследование вещей Божественных посредством умствований есть хула? И справедливо, – что имеет общего с ними человеческое умствование? Но как же сатана научает их не хулить? Ведь если он учит других не хулить, то тем больше следовало бы ему (научить этому) самого себя. Если же он доньше не может научить этому себя, то (не может) и других. (Апостол) не сказал: да научит их не хулить, но: «чтобы они научились не богохульствовать». Не он совершает это, но это бывает следствием (его действий). Подобным образом и в другом месте (апостол) говорит о соблудившем: «предать сатане во измождение плоти не с тою целью, чтобы спасти тело, чтобы дух был спасен» ([1 Кор.5:5](#)). То есть, это (сказано) безлично. Каким же образом происходит это? Подобно тому, как палачи, будучи сами исполнены бесчисленных преступлений, вразумляют других, так и здесь (то же самое говорится) о лукавом демоне. Но для чего ты сам не наказал их, как Вариуса, как Кифа – Ананию, но предал их

сатане? Не для того, чтобы подвергнуть их наказанию, но чтобы научить их. Впрочем, он и сам имел власть (наказывать), например, когда говорит: «Чего вы хотите? с жезлом придти к вам» ([1 Кор.4:21](#))? и опять: «но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть» ([2 Кор.13:7](#)); и еще: «к созиданию, а не к разорению» ([2 Кор.13:10](#)). Итак, отчего он призывает сатану для наказания? Чтобы со строгостью наказания соединить более сильный упрек; или лучше, неверующих (апостолы) сами научали, а отступников предавали сатане. Но почему Петр сам (наказал) Ананию? Потому что и Анания был неверующим, и еще испытующим. Итак, чтобы неверующие знали, что они не могут утаиться, для этого их наказывали сами (апостолы); между тем тех, которые уже знали об этом и потом отступали (от веры), они предавали сатане, показывая, что они (отступившие) не своею силою, но их попечением были охраняемы, и что они предаваемы были (сатане), как скоро впадали в гордость. Подобно тому, как поступают цари, когда поражают врагов собственными руками, а (преступников из) своих подданных предают палачам, так и здесь. Отсюда открывается, что это совершалось вследствие попечения со стороны апостолов; при том немаловажным было иметь возможность повелевать диаволу: чрез это становилось очевидным, что диавол покоряется и, даже против воли, подчиняется апостолам. Таким образом это также не мало содействовало проявлению благодатных дарований. А как он предавал (виновного сатане), послушай. «В собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа» ([1 Кор.5:4](#)). Следовательно, (виновного) тотчас извергали из общего собрания, отлучали от стада, он оставался одиноким и нагим, предавался волку. Подобно тому, как облако показывало еврейский стан, так Дух – Церковь. Поэтому, кто был извергаем из нее, тот сгорал (в огне); а извергаем был из нее (виновный) по суду апостолов. Так и Господь предал Иуду сатане, – «И после сего куска вошел в него сатана» ([Ин.13:27](#)). Можно, впрочем, сказать и то, что тех, кого они желали исправить, не наказывали сами, а неисправимых сами подвергали наказанию; или, если не так, то чтобы быть более страшными, они предавали (виновных) другим (для наказания). Так и Иов был предан сатане, но не за грехи, а для большего прославления своего.

3. Много подобного бывает и теперь. Именно, так как священники не знают всех грешников и людей, недостойно причащающихся святым тайнам, то Бог часто делает это, и предает их сатане. Когда случаются болезни, когда наветы, когда скорби и несчастья, когда постигают тому подобные (бедствия), – то это происходит от этой причины. И это

открывает нам Павел, говоря так: «От того многие из вас немощны и больны и немало умирает» ([1 Кор.11:30](#)). Как же это, скажешь, когда мы приступаем (к тайнам) однажды в год? В том и состоит все зло, что не чистотою помыслов, а расстоянием времени ты измеряешь свое достоинство, приступая (к тайнам), и это считаешь признаком благочестия, что не часто приступаешь к ним, не зная того, что приступать недостойно, – хотя бы это случилось однажды, – значит оскорблять (святыню), а приступать достойно, хотя бы и часто, спасительно. Не в том состоит дерзость, что часто приступают, но в том, что (приступают) недостойно, хотя бы даже кто-либо один раз во всю жизнь сделал это. А мы до того бываем бессмысленны и жалки, что, в течение всего года, совершая тысячу беззаконий, нисколько не заботимся о том, чтобы освободиться от них, а думаем, что довольно и того, если мы не часто дерзаем приступать к телу Христову с оскорблением для Него, не помышляя о том, что и распинатели Христовы распяли Его только один раз. Ужели грех становится меньше от того, что случился только однажды? И Иуда предал (Христа) однажды. Что же? Разве это спасло его? И отчего мы измеряем это дело расстоянием времени? Пусть чистая совесть составляет для нас то время, в которое мы должны приступать, (к тайнам). Ничего большего не содержит в себе таинство, совершаемое в Пасху, пред тем, которое совершается теперь. Оно одно и то же; та же благодать Духа; оно есть всегда пасха. Знают это те из вас, которые посвящены в тайны. И в пятницу, и в субботу, и в воскресный день, и в день мучеников – совершается одна и та же жертва. «Ибо всякий раз, – говорит, – когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете» ([1 Кор.11:26](#)). Он не ограничил жертвы пределом времени. Итак, отчего же, скажешь, тогда называется пасхою? Оттого, что тогда пострадал за нас Христос. Поэтому никто не должен приступать иначе к первой, и иначе к последней (жертве). Одна в них сила, одно достоинство, одна благодать, одно и то же тело; не более свято одно, чем другое, и последнее не ниже первого. И вы тоже знаете это, потому что не видите тогда ничего необыкновенного, кроме этих мирских завес, и блистательного, многолюдного собрания.

Впрочем, эти дни имеют некоторое преимущество в том отношении, что от них ведет начало спасительный для нас день, так как в этот день заклан был Христос, кроме же того, по отношению к таинствам, они не имеют никакого преимущества. Когда ты приступаешь даже к чувственной пище, ты моешь свои руки, полощешь рот; а, намереваясь приступить к духовной пище, ты не обмываешь своей души, но приходишь, будучи

исполнен нечистоты? Как, скажешь ты? Разве сорокадневные посты недостаточны для того, чтобы очистить нас от тяжкого бремени грехов? Какая же от этого бывает польза, скажи мне? Если бы кто, намереваясь положить куда-либо благовонную мазь, очистил для этого место, и потом, вскоре после того, как поместил ее туда, прибавил бы к ней навозу, то ужели не уничтожилось бы благоухание? Так бывает и с нами. В то время, когда мы приступали (к таинству), мы были, насколько позволяли нам наши силы, достойны его, а потом опять оскверняем себя. Какая же нам от того польза? Это мы говорим даже о тех, которые могут очистить себя в течение сорока дней. Не будем же, умоляю вас, пренебрегать нашим спасением, чтобы не был напрасен труд наш. Человек, отвратившийся от своего греха, и опять возвращающийся к нему и поступающий по-прежнему, «как пес возвращается на блевотину свою» ([Притч.26:11](#)). Если так мы будем поступать, если так будем внимательны к себе, то мы сможем сподобиться будущих наград, которые да получим все благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 6

[1 Тим.2:1–4](#). Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины.

Христианин должен быть выше всех. – Великое зло – проклинать ближнего. – Следует молиться за врагов.

1. Священник есть как бы общий отец целой вселенной; поэтому прилично ему заботиться обо всех, подобно тому, как заботится Бог, Которому он посвятил себя. Поэтому говорит апостол: «прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления». Отсюда проистекают два блага: с одной стороны, чрез это разрушается ненависть, которую мы питаем к внешним (непринадлежащим к Церкви), – потому что никто не может питать враждебных чувств к тому, о ком творит моление, с другой – и они становятся лучше, отчасти потому, что за них возносят молитвы, отчасти и потому, что они отлагают ожесточение против нас. Подлинно ничто столько не содействует успеху учения, как то, чтобы любить и быть любимым. Подумай также о том, что значило для тех, которые злоумышляли, наносили побои, изгоняли, умерщвляли (христиан), – услышать, что те, которые переносят такие страдания, возносят к Богу прилежные молитвы за причиняющих им (эти страдания)!

Видишь ли, в какой степени, согласно с желанием (апостола), христианин должен быть выше всех? Подобно тому, как к малым детям несколько не уменьшается (отеческая) любовь, хотя бы даже дитя, взятое на руки, ударило своего отца по лицу, так и мы несколько не должны уменьшать нашей любви к внешним, хотя бы мы и переносили от них удары. Что же значит: «прежде всего»? Значит – при ежедневном богослужении. И это знают посвященные в таинства, – как бывает у нас каждый день, и вечером, и утром, как мы творим молитву за весь мир, за царей и за всех, которым вверена власть. Но, может быть, скажет кто-либо, что он заповедал (молиться) не за всех, а за верных. Какое же значение будут иметь тогда его слова: «за царей»? Тогда еще не было царей благочестивых, напротив, долгое время преемственно следовали нечестивые за нечестивыми. Кроме того, чтобы это не показалось лестью,

он сказал сначала: за всех, а потом: за царей. Если бы он сказал: только за одних царей, тогда, может быть, кто-либо заподозрил бы его в этом. При том, так как было естественно, что душа христианина, слыша это, могла придти в недоумение и не согласиться с этим наставлением, – что при совершении таинств должно приносить молитвы за язычника, – то посмотри, что он говорит и какие предлагает выгоды, чтобы хотя таким образом склонить ее к принятию его внушения. «Да тихое, – говорит, – и безмолвное житие поживем» – т. е. их спасение доставляет нам безмятежность, – подобно тому, как ж в послании к Римлянам, убеждая их повиноваться начальникам, говорит: «не только из *страха* наказания, но и по совести» ([Рим.13:5](#)). Ведь Бог учредил власти для общей пользы. И разве не было бы ни с чем несообразно, если бы в то время как другие выступают в поход и облакаются в оружие с тою целью, чтобы мы пребывали в безопасности, сами мы за тех, которые подвергаются опасностям и несут бремя военной службы, не творили даже молитв? Таким образом, это вовсе не составляет лести, а делается по требованию справедливости. В самом деле, если бы они не избежали опасности и не имели успеха на войнах, то по необходимости и наши дела тогда пришли бы в замешательство и нестроение; тогда, – после того как они потерпели бы поражение, – и нам самим следовало бы идти на войну, или бежать и повсюду скитаться. Они составляют, говорит он, как бы некоторого рода оплот, поставленный впереди, который охраняет спокойствие пребывающих внутри. «Молитвы, – говорит, – моления, прошения, благодарения», – потому что нужно благодарить Бога и за те блага, которые посылаются другим, например, за то, что Он солнце сияет на злых и благих и дождит на праведных и неправедных. Видишь ли, что он соединяет и связывает нас друг с другом не только посредством молитвы, но и посредством благодарения? Ведь кто обязан благодарить Бога за блага, ниспосланные его ближнему, тот обязан и любить его, и быть к нему дружески расположенным. А если нужно благодарить за то, что ниспосылается ближнему, то тем более – за то, что совершается с нами самими, и в тайне, и по нашему желанию, и против нашей воли, – и за то, что кажется нам даже неприятным, потому что Бог все устрояет к нашему благу.

2. Итак, пусть каждая наша молитва содержит в себе благодарение. Если же нам заповедуется приносить молитвы за ближних, не только за верных, но и за неверных, то подумай, какое великое зло проклинать братьев. Что говоришь ты? Он заповедует тебе молиться за врагов, а ты ужели станешь проклинать брата? Не его проклинаешь ты, а самого себя,

потому что ты навлекаешь на себя гнев Божий, произнося эти нечестивые слова: «так покажи ему, так сотвори ему, порази его, воздай ему». Этих (слов) должны избегать ученики Христовы – кроткие и смиренные. Пусть из уст, сподобившихся такого таинства, не исходит ничего горького; пусть язык, приобщившийся тела Господня, не произносит, ничего неприятного. Будем хранить его в чистоте, не будем произносить им проклятия. Если не наследуют царства оскорбители, то тем больше те, которые проклинают, потому что кто проклинает, тот непременно наносит и оскорбление. А оскорбление и молитва удалены друг от друга, – следовательно, молитва находится тоже в великом расстоянии (от проклятия), потому что осуждение и молитва тоже находятся в великом (друг от друга) расстоянии. Ты молишь Бога о том, чтобы Он был милостив к тебе, – и (в то же время) проклинаешь другого! Если ты не прощаешь, то и тебе не будет прощено; а ты не только сам не прощаешь, но еще просишь Бога, чтобы и Он не прощал? Видишь ли, до какого ты дошел озлобления? Если не прощается тому, кто сам не прощает, то, как может быть прощено тому, кто еще просит Господа, чтобы и Он не прощал? Не ему (ближнему своему) вредишь ты, а себе самому. Каким образом? Таким, что если молитва, которую ты приносишь сам за себя, и могла бы быть услышана, то теперь она никогда не будет услышана, потому что ты приносишь ее скверными устами. Воистину такие уста скверны и нечисты, исполнены всякого зловония и всякой нечистоты. Тебе следовало бы трепетать ради своих грехов, и употреблять все усилия (чтобы получить прощение) в них, а ты приходишь к Богу с тою целью, чтобы возбудить Его против брата? Разве ты не боишься, не заботишься сам о себе? Разве не видишь, что ты делаешь? Подражай, по крайней мере, детям, которые ходят в училище. Они, когда видят, что от товарищей их требуют отчета в том, чему они выучились, и за леность всех подвергают взысканию, что каждого из них порознь испытывают со всею строгостью и наказывают розгами, тогда они умирают от страха, и, если даже кто-нибудь из соучащихся с ними наносил им бесчисленные удары, они не думают гневаться, – потому что душою их овладевает страх, – и не дерзают жаловаться учителю, на одно только обращают внимание, как бы придти и удалиться оттуда без наказания, с нетерпением ожидают, как бы настало это время, и, когда выйдут, – подвергшись ли наказанию или не подвергшись, – от радости им уже и в ум не приходит гневаться. А ты, стоя (на молитве) и сокрушаясь о своих грехах, ужели не содрогаешься, припоминая (грехи) других людей? И как ты (дерзаешь) просить об этом Бога? Ведь когда ты призываешь правосудие Божие на своего ближнего, тогда этим самым увеличиваешь

тяжесть своих грехов, и не позволяешь Ему дать прощение и тебе в твоих (грехах). Если ты хочешь, скажет Он, чтобы Я был строгим исследователем проступков, сделанных против тебя, то, как ты просишь о снисхождении к тому, в чем ты согрешил против Меня? Научимся поэтому быть когда-нибудь христианами! Если мы не умеем молиться, – что удобно и весьма легко, – то остальное как мы узнаем? Научимся молиться, как христиане. Язычникам свойственны такие молитвы, иудеям приличествуют такого рода моления. А молитвы христианина имеют противоположные свойства: (в них надлежит) просить о прощении, забвении того, в чем (другие) против нас согрешили. «Злословят нас, – говорит (апостол), – мы благословляем; гонят нас, мы терпим» ([1 Кор. 4:12](#)). Послушай, что говорит Стефан: «Господи! не вмени им греха сего» ([Деян.7:60](#)). Не только не проклинал, но еще молился; а ты не только не молишься, но еще проклинаешь. Поэтому насколько он достоин удивления, настолько ты преступен. Кому удивляемся мы, – скажи мне, – тем ли, за кого он молился, или тому, кто молился? Конечно – последнему. А если мы (судим таким образом), то тем более Бог. Хочешь ли поразить врага? Молись за него, но молись не с этой мыслью – не для того, чтобы он понес наказание: оно придет само собою, но ты не с этою целью делай. Кроме того, этот блаженный (Стефан) переносил все без вины, и между тем молился (за своих врагов); а мы многое по заслугам терпим от своих врагов. Если же тот, кто страдал невинно, не дерзал не молиться (за своих врагов), то какого наказания заслуживаем мы, когда, по заслугам подвергаясь страданию, не только не молимся, но и проклинаем? Ты думаешь, что наносишь раны (своему врагу), а на самом деле обращаешь меч сам на себя, потому что не позволяешь Судье быть снисходительным и к твоим грехам, стараясь возбудить в Нем гнев к другим. «Ибо каким судом судите, – говорит Он, – таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» ([Мф.7:2](#)). Итак, будем снисходительны, чтобы и мы таким (образом) же обрели Бога.

3. Я желаю, чтобы вы не только слушали это, но и соблюдали. Между тем ныне только одни слова сохраняются в памяти, а может быть, даже и того нет, так что, когда разойдемся, если кто-нибудь из не бывших здесь спросит, о чем мы говорили, то одни вовсе ничего не скажут, другие – знающие скажут только содержание того, о чем мы беседовали, – что не нужно быть злопамятным, нужно даже молиться (за врагов), – и потом прекратят речь обо всем том, что было говорено (потому что не в состоянии припомнить), третьи припомнят немного, лишь кое-что. Поэтому умоляю вас, если вы не получаете никакой пользы от того, что

говорится, то не будьте прилежны к слушанию. Какая в самом деле от этого польза? Получается только большее осуждение и более тяжкое наказание за то, что, несмотря на бесчисленные увещания, пребываем в одном и том же положении. С этою именно целью Бог дал нам определенную молитву, чтобы мы не просили ни о чем житейском, ни о чем человеческом. Вы, верные, знаете, о чем надобно молиться, – каким образом всякая молитва становится общою для всех. Но там не говорится, скажут, что нужно молиться и за неверных. (Вы так говорите) потому, что не знаете силы молитвы, ни ее глубины, ни тех сокровищ, которые в ней сокрыты. А если кто внимательно разберет ее, то найдет, что в ней содержится и это. Когда молящийся говорит: «да будешь воля Твоя, яко на небеси и на земли» ([Мф.6:10](#)), – не о чем другом он молится, а именно об этом. Каким образом? Таким, что на небе нет ни одного неверного, нет ни одного согрешающего. Если бы здесь (речь) была только об одних верных, то эти слова не имели бы смысла, потому что если бы одни верные должны были исполнять Его волю, а неверные нет, то воля Его уже не исполнилась бы (на земли) так, как на небе. Но что (мы говорим здесь)? Как на небе, говорим мы, нет ни одного грешника, так и на земле пусть не будет ни одного; но во всех, говорим мы, укорени страх Твой и всех людей сделай ангелами, хотя они и наши враги и супостаты. Разве не видишь, сколько раз каждый день произносится хула против Бога? Сколько раз Ему наносят оскорбление не только неверные, но и верные, не только словами, но и делами? Что же Он? Погасил ли за это солнце? Остановил ли течение луны? Разрушил ли небо? Поколебал ли землю? Иссошил ли море? Уничтожил ли источники вод? Смешал ли воздух? Нисколько, а совершенно напротив. Он воссиявает солнце, ниспосылает дождь, подает плоды, ежегодно посылает пищу богохульникам, несмысленным, презренным, гонителям, и это не день, не два, не три, а в течение всей их жизни.

Подражай Ему и ты; поревнуй Ему по мере человеческих сил. Ты не можешь воссиять солнца? По крайней мере, не злословь. Не можешь послать дождя? По крайней мере, не укоряй. Не можешь дать пищи? По крайней мере, не досаждай. Довольно будет с твоей стороны и этих даров. Бог оказывает благодеяния твоим врагам делом, а ты совершай их, по крайней мере, словом, – молись за врага; таким образом, ты уподобишься Отцу твоему, который на небесах. Тысячу раз уже я беседовал с вами об этом, – и не перестану беседовать; только бы вышла какая-нибудь польза. Мы от своих слов не приходим в оцепенение, не утомляемся и не тяготимся; только бы вы не давали повода думать, что тяготитесь, слушая

нас. А подает повод думать, что тяготится, тот, кто не исполняет того, что ему говорят. Кто исполняет, тот всегда готов слушать, как человек, которого не укоряют, а хвалят. Таким образом, это происходит не от чего-либо другого, как оттого, что не исполняют того, что им говорят; от этого тягостным становится и тот, кто об этом говорит. Если, например, кто-нибудь исполняет дела милосердия, а другой заводит речь о милостыни, то он не только не оскорбляется, слушая его, но даже радуется, потому что слышит, как провозглашают и превозносят его заслуги. Таким же образом и мы. Так как у нас нет ничего общего с забвением обид, и это не исполняется нами, то по этой причине нам кажется неприятным, когда зайдет об этом речь; а когда были бы у нас дела, тогда и слова не огорчали бы нас. Итак, если вы не хотите, чтобы мы были для вас тягостны и несносны, – поступайте следующим образом: исполняйте на деле то (что мы вам заповедуем). Мы не перестанем говорить вам об одном и том же до тех пор, пока не станете исполнять этого. Мы поступаем так преимущественно из участия и любви к вам; а кроме того еще и потому, что нам самим угрожает опасность. Ведь трубач должен трубить, хотя бы и никто не выходил на сражение, – для того только, чтобы исполнить свой долг. Поэтому и мы действуем так не с тою целью, чтобы на вас навлечь большее наказание, а для того, чтобы самим избавиться от него. Кроме того, нас побуждает к этому и любовь к вам, – разрывается наша утроба, и нас снедает печаль, когда случается что-либо подобное. Но да не попустит этого (Бог). Для того, о чем мы говорили ныне, не требуется издержек, не требуется траты денег, не требуется дальнего путешествия, – нужно только захотеть, нужно слово, нужно намерение. Будем поэтому хранить уста наши, оградим их дверью и запором, чтобы не говорить ничего неугодного Богу. Это для нас самих (будет полезно), а не для тех, за кого мы будем молиться. Мы всегда так думаем, что тот, кто благословляет своего врага, благословляет себя самого, и кто проклинает его, проклинает себя, и кто молится за врага, молится за себя, а не за него. Когда мы будем поступать таким образом, тогда будем иметь возможность в самом деле достигнуть этого совершенства и получить обещанные блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 7

[1 Тим.2:2–4](#). Дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины.

Три вида войны. – Увещание к милостыне. – Ничтожество денег.

1. Если (апостол) желает, чтобы прекратились общественные брани и распри и смятения, и с этою целью заповедует священнослужителю творить молитвы за царей и за правителей, то тем более частные лица должны исполнять это. Три есть самых страшных вида войны. Один вид составляет обыкновенная война, когда на наших воинов нападают иноплеменники; второй, когда даже во время мира мы враждуем друг против друга; третья, когда каждый ратует с самим собою. Последний вид войны опаснее всех, потому что первый вид, то есть война с иноплеменниками, никогда не может принести нам большого вреда. В самом деле, что (она может сделать), скажи мне? Она может заколоть, убить, но душе нимало не причиняет вреда. Но и второй (вид), если мы не пожелаем того, не может повредить нам, потому что, хотя бы другие и враждовали против нас, мы можем оставаться спокойными, – послушай, что говорит пророк: «за любовь мою они враждуют на меня, а я молюсь» ([Псал.108:4](#)); и еще: «Долго жила душа моя с ненавидящими мир» ([Пс. 119:6](#)). Но третьего (вида войны) мы избегаем не без труда. Когда наше тело восстает против души, и возбуждает сильные страсти, вооружает против нее плотские удовольствия, гнев, зависть, тогда невозможно, не положив конца этой брани, получить обетованные блага, и тот, кто не утишит этого смятения, неизбежно должен пасть и получить раны, которые рождают смерть в геенне. Поэтому каждый день требуются с нашей стороны особенная заботливость и старание, чтобы не возгоралась в нас эта война и чтобы возгоревшаяся не продолжалась, но была усмирена и подавлена. В самом деле, какую тебе принесет пользу то, что вселенная будет наслаждаться глубоким миром, если ты будешь вести брань сам с собою? Надобно иметь этот мир. Если будем иметь его, то ничто внешнее не может нам причинить вреда. Впрочем, не мало содействует этому и общественный мир. Поэтому и говорит он: «дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную». Если же кто, когда царствует мир, находится в смятении, то он очень несчастный человек. Видишь ли, что он говорит о

том мире, который я поставляю на третьем месте? Поэтому, сказав: «дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную», он на этом не остановился, но присовокупил: «во всяком благочестии и чистоте». Но невозможно пребывать в благочестии и чистоте, если не будет водворен этот мир. В самом деле, когда пытливые умствования колеблют нашу веру, тогда какой может быть мир? Когда (тревожит нас) дух нечестия, тогда какое может быть спокойствие? Итак, чтобы ты не подумал, что он просто говорит об этой жизни, которую ведут вообще все люди, он, сказав: «дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную» присовокупил: «во всяком благочестии и чистоте». Тихое и безмолвное житие могут вести и язычники, и ты можешь встретить людей необузданных, невоздержных и пресыщающихся наслаждениями, которые ведут такую жизнь. Поэтому, чтобы ты знал, что он не об этой жизни говорит, он и присовокупляет: «во всяком благочестии и чистоте» – потому что жизнь эта исполнена и наветов, и распри, когда душа ежедневно бывает уязвляема от смятения, которое происходит в помышлениях. А что он хочет говорить об этой жизни, – это видно как из того, что он присовокупил слова («во всяком благочестии и чистоте»), так и из того, что он сказал не просто: «в благочестии», но присовокупил еще: «во всяком». Говоря таким образом, он, как кажется, требует таких правил благочестия, которые не только содержались бы в учении веры, но и находили бы себе подтверждение в самом образе жизни, – потому что благочестия надобно искать как в том, так и в другом. Иначе какая будет польза, если кто, будучи благочестив по вере, станет вести нечестивую жизнь? А что можно самой жизнью соделаться нечестивым, послушай этого блаженного, как он опять в другом месте говорит: «Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются» ([Тит.1:16](#)), и еще: «тот отрекся от веры и хуже неверного» ([1 Тим.5:8](#)), и еще: «называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником», таковой не почитает Бога ([1 Кор.5:11](#)) и еще: «А кто ненавидит брата своего» ([1 Ин.2:11](#)) «тот не познал Бога» ([1 Ин.4:8](#)). Видишь ли, сколько видов нечестия? Поэтому он и говорит: во всяком благочестии и чистоте. Не один только прелюбодей бесчестен, но можно назвать бесчестным и корыстолюбца, и невоздержного, – потому что и эта страсть не слабее плотского вожделения. Поэтому кто не обуздывает ее, называется человеком невоздержным, – за то именно и называют их невоздержными, что они не обуздывают страстей. Поэтому я назову невоздержным и гневливого, и завистника, и сребролюбца, и пронырливого, и всякий, кто пребывает в грехе, невоздержен, бесчестен и нечестив. «Ибо это хорошо и угодно

Спасителю нашему Богу», говорит (апостол). Что это значит? То есть, Богу приятно, и Он желает того, чтобы молились за всех, так как Он хочет, чтобы «все люди спаслись и достигли познания истины».

2. Подражай Богу. Если он хочет, чтобы все люди спаслись, то, очевидно, что обо всех нужно и молиться; если Он пожелал, чтобы все спаслись, то и ты пожелай того же; а если желаешь этого, то молись, так как таким людям свойственно молиться. Видишь ли, как Он всеми средствами убеждает душу в том, что нужно молиться и о язычниках? И указывая на пользу, которая из этого проистекает, он говорит: «дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную», и – что гораздо важнее этого – это и Богу угодно, мы через это делаемся подобными Ему, когда желаем того же, чего и Он. Этого достаточно для того, чтобы склонить даже зверя. Итак, не бойся молиться за язычников: и Он (Бог) этого хочет. Бойся только проклинать других, потому что этого Он не хочет. А если надобно молиться об язычниках, то очевидно и об еретиках, потому что обо всех людях надобно молиться, а не преследовать их. Это и по другой причине достойно одобрения, – по той, что мы с ними одной природы. Кроме того, Бог одобряет и благосклонно приемлет нашу взаимную любовь и благодушие друг к другу. Впрочем, если сам Господь хочет дать им спасение, то какая, скажешь, нужда в молитве с моей стороны? Это много пользы приносит и им, и тебе; их располагает к любви, и тебя не допускает до ожесточения; и это имеет силу привлечь их к вере, так как много таких людей, которые вследствие раздоров между собою отступали от Бога. Это он называет теперь спасением от Бога, сказав: «чтобы все люди спаслись» – потому что это и есть воистину спасение, а без него другое (спасение) ничего великого не составляет, носит только имя и название спасения. «И достигли познания, – говорит, – истины». Какой истины? Именно – веры в Него. Так как еще прежде Он сказал: «чтобы они не учили иному», то, чтобы на них (иноверцев) не стал кто-либо взирать, как на врагов, и не заводил по этому поводу с ними ссоры, он говорит: «чтобы все люди спаслись и достигли познания истины». Потом, сказав это, он присовокупил: «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками» ([1 Тим.2:5](#)). Он сказал: «и достигли познания истины», выражая этим то, что вселенная еще не достигла истины. Потом сказал еще: «Ибо един Бог», выражая ту мысль, что не много (богов), как некоторые думают. Сказал, что (Бог) послал и Ходатая, Сына, показывая, что Он хочет, чтобы все получили спасение. Что же? Ужели Сын не Бог? Напротив, Он есть совершенный Бог. Как же он говорит: «един»? По противопоставлению с идолами, а не с Сыном, потому что он рассуждал

об истине и заблуждении. Ходатай должен приобщаться обеим сторонам, по отношению к которым он ходатай; ходатаю свойственно, обладая тем, что принадлежит обеим сторонам, по отношению к которым он ходатай, приводить их ко (взаимному) общению. Если же принадлежащее одной стороне он имеет, а с другою разобщен, то он уже не ходатай. Следовательно, если Он не причастен природе Отца, то Он не ходатай, но разобщен (с Ним). И подобно тому, как Он соделался причастником природы человеческой, потому что пришел к людям, так точно Он причастник и природы божественной, потому что пришел от Бога. Так как чрез Него соединялось два естества, то Он должен был быть близким к обоим естествам. Подобно тому, как какое-либо место, занимающее средину (между двумя местностями), прикасается к каждой из них, так и соединяющий между собою два естества должен быть причастником обоих естеств. Следовательно, подобно тому, как Он соделался человеком, так и был Бог. Будучи (только) человеком, Он не соделался бы ходатаем, потому что Ему надлежало беседовать и с Богом. Равным образом, будучи (только) Богом, Он не был бы ходатаем, потому что Его не приняли бы те, для которых Он служил ходатаем. И подобно тому, как в ином месте говорит он: «Один Бог Отец и один Господь Иисус Христос» ([1 Кор.8:6](#)), так и здесь: один и один. Не полагает двоих, потому что он беседовал о многобожии, и для этого, чтобы кто-нибудь числа два не привел в доказательство многобожия, он употребил (выражение): «един и один». Видишь ли, с какою великою осмотрительностью употребляет слова Писания? Один и один составляют – два; но мы не скажем этого, несмотря на то, что размышление внушает это. Здесь ты не говоришь: один и один составляют два; а между тем говоришь то, к чему не приводит размышление (именно): если родил, то и пострадал. «Ибо един Бог, – говорит, – един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех. Таково было в свое время свидетельство» ([1 Тим.2:5, 6](#)). Что же? Ужели и за язычников, скажи мне? Да, – и, несмотря на то, что Христос умер и за язычников, ужели ты не согласишься молиться (за них)? Так почему же, скажешь ты, они не уверовали? Потому что не захотели, а с Его стороны сделано все. Об этом свидетельствует Его страдание, говорит (апостол). Он пришел, говорит он, чтобы свидетельствовать об истине Отца, и заклан был; поэтому не только Отец свидетельствует о Нем, но и Он об Отце. «Я пришел, – говорит Он, – во имя Отца Моего» ([Ин.5:43](#)), и еще: «Бога не видел никто никогда» ([Ин.1:18](#)), и еще: «да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» ([Ин.17:3](#)), и еще: «Дух (есть) Бог» ([Ин.4:24](#)).

Следовательно, Он свидетельствовал даже до смерти. А слова: «в свое время» означают: в надлежащее время. «Для которого я поставлен проповедником и Апостолом, – истину говорю во Христе, не лгу, – учителем язычников в вере и истине» ([1Тим.2:7](#)).

3. Поэтому, если Христос пострадал за язычников, и я избран учителем языков, то почему ты не молишься за них? Хорошо (он поступает) в настоящем случае, что, после того как показал, что заслуживает доверие, говорит: «Для которого я поставлен проповедником» т. е. избран, – потому что (прочие) апостолы весьма мало положили на это труда. Потом присовокупил: «учителем язычников в вере и истине». Опять: в вере; но ты не думай, услышав (выражение): «в вере», что в этом скрывался обман, потому что он говорит: «и истине». А если это истина, то не ложь. Видишь ли обильно излитую благодать? У иудеев не были приносимы за них (за язычников) молитвы, а ныне благодать распростерлась (и над ними). Поэтому он сказал о себе, что он избран и учителем языков, – намекал на то, что благодать разлилась повсюду во вселенной. «Предавший Себя, – говорит, – для искупления». Каким же образом это, когда Он был предан Отцом? Следовательно, это было делом Его благодати. Что значит: искупление? Он намеревался наказать их, и между тем не сделал этого; они должны были погибнуть, но за них Он предал Сына своего и послал нас – проповедников, чтобы мы проповедывали о кресте. Этого достаточно было для того, чтобы привлечь всех и чтобы показать любовь Христову. Воистину велики и неизреченны (благодетельные), которые Бог оказал нам! Он принес Себя в жертву за врагов, за ненавидящих Его и отвращающихся от Него. Чего кто-нибудь другой не сделал бы ни для своих друзей, ни для своих детей, ни для братьев, то Господь сделал для рабов, при том Господь, Который (по природе) не был таков, каковы рабы, но Бог, – для людей, и таких людей, которые не заслуживали одобрения. Если бы они заслужили одобрение, если бы они были благоугодны Ему, то не так было бы это достойно удивления. Между тем ныне это особенно поражает всякий ум, что Он умер за таких неблагодарных и несмысленных. Чего люди не делают для своих единоплеменников, то Бог сделал для нас; и мы, пользуясь плодами такой любви, еще притворяемся и не любим Христа.

Он принес Себя в жертву за нас; а мы презираем Его, когда Он нуждается даже в необходимой пище, – и не посещаем Его, когда Он болен, или наг. Какого гнева, какого наказания, какой геенны это достойно? Ведь если не что-нибудь другое, то ужели одно то, что Он благоволил присвоить Себе человеческие страдания и говорить: алчу,

жажду, – не было в силах обратить всех (к Нему)? Но, увы, как сильна власть денег, или лучше сказать, как велико развращение тех, которые добровольно поработились им! Не они имеют великую силу, но мы слишком слабы и поработаны им, – мы презренны и земляны, мы плотские, мы бессмысленны; подлинно не в них содержится великая сила. Что они могут сделать, скажи мне, будучи глухими и бесчувственными? Если даже диавол, скверный демон, который так зол и во всем производит расстройство, ничего не значит, то какую силу имеют деньги? Если увидишь серебро, то представляй себе, что это – олово. Но ты не можешь? В таком случае подумай то, что есть истина, именно, что это – земля, потому что и в самом деле земля. Но ты не убеждаешься и этим доказательством? Помысли о том, что и мы погибаем, что многие из тех, которые стяжали его, не получили от него почти никакой пользы, что бесчисленное множество людей, которые тщеславились им, соделалось прахом и пеплом, что и теперь они подвергаются ужаснейшему наказанию, становясь гораздо беднее тех, которые проводили жизнь среди скудели и стекла, и часто те, которые покоятся на ложах из слоновой кости, бывают более достойны сожаления, нежели те, которые лежат на навозе. Оно услаждает взор? Но много есть других вещей, которые еще больше могут услаждать взор. Так, и цветы, и чистый воздух, и небо, и солнце гораздо больше приносят наслаждения. Кроме того, оно имеет на себе много ржавчины, вследствие чего многие даже утверждали, что оно черно; и это можно видеть на (серебряных) изображениях, которые почернели; между тем в солнце нет ничего черного, ни в небе, ни в звездах. И в этих цветках гораздо больше приятности, чем в цвете (серебра). Следовательно, не цвет услаждает нас, а любостяжание и несправедливость; это услаждает душу, а не серебро. Отвергни любостяжание от души, и тогда увидишь, что то, что кажется теперь драгоценным, будет презреннее грязи. Отвергни страсть эту. Так и томимые горячкой, хотя бы увидели грязную лужу, стремятся к ней как к чистому источнику; между тем вполне здоровые часто не чувствуют жажды и к чистой воде. Отвергни болезнь, и увидишь вещи в таком виде, в каком они существуют. И чтобы ты знал, что я не лгу, я могу указать тебе многих, которые таким образом поступили. Потуши огонь, и увидишь, что эти вещи менее ценны, чем цветы. Золото хорошо; но оно хорошо (когда издерживается) на милостыню для вспоможения бедным, а не для бесполезного употребления, не для того, чтобы ему лежать внутри (кладовой), или быть зарыту в земле, или чтобы им обвешивать руки, ноги и голову. Не для того оно найдено, чтобы при посредстве его мы связывали

узами (существа созданные) но образу Божию, но чтобы разрешали связанных. На это и употребляй золото: разрешай связанного, чтобы ты не связал той, которая разрешена от уз. Для чего, скажи мне, ничтожную вещь ты предпочитаешь всему на свете? Разве от того, что оно золото, оно не составляет оков? Разве вещество делает оковы? Будет ли это золото, или железо – все равно, кроме того, что первое тяжелее последнего. Но что делает для нас эту вещь легкою? Тщеславие, и то, что все смотрят на связанную (золотыми) оковами, хотя этого и следовало бы больше стыдиться. А (чтобы убедиться), что это истина, свяжи и оставь ее в пустыни, где никого нет, кто бы смотрел: тогда почувствует она тяжесть этих уз, – и со скорбью станет смотреть на них. Побоймся, возлюбленные, чтобы не услышать нам этих страшных слов: «свяжите ему руки и ноги» ([Мф.22:13](#)). Зачем же ты, жена, причиняешь себе это (зло)? Ни один узник не связывается по рукам и ногам; а ты зачем обвязываешь даже голову? Разве не довольно связать руки и ноги? Зачем опутываешь шею бесчисленным множеством цепей? Я оставляю без внимания заботы по этому поводу, страх, беспокойство и споры с мужем, когда случится недостаток в этих вещах, – и смерть, которой подвергаются, если что-нибудь из этих вещей пропадет. Разве это удовольствие, скажи мне? Чтобы другой услаждал свои взоры, ты подвергаешься и узам, и заботам, и опасностям, и огорчениям, и ежедневным спорам. Разве это не заслуживает всякого обличения и осуждения? Поэтому не будем, умоляю вас, не будем больше так поступать. Разрешим всякий союз неправды, раздробим алчущему хлеб, будем исполнять и все прочее, что может даровать нам дерзновение пред Богом, чтобы мы сподобились получить обещанные блага о Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 8

[1 Тим. 2:8–10](#). Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения; чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию.

Где нужно молиться. – О приличном убранстве. – Об одеждах девственников.

1. «И, когда молишься, – говорит Христос, – не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» ([Мф.6:5–6](#)). Как же Павел говорит: «Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения». Но эти слова не противоречат вышеприведенным, – нет, – а напротив, совершенно согласны с ними. Как и каким образом? Сначала надобно сказать о том, что значат слова: «войди в комнату твою», и почему Он заповедует это, когда нужно молиться на всяком месте и неужели нельзя молиться ни в церкви, ни в другой какой-нибудь части дома, а только в одной клетке? Итак, какой смысл имеют эти слова? Внушая здесь, что надобно избегать тщеславия, Христос говорит: совершай молитвы не просто только тайно, но и сокровенно. Подобно тому, как в изречении: «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» ([Мф.6:3](#)) Он говорит не просто о руках, а представляет с особенною силою необходимость избегать тщеславия, так точно и здесь Он намекает на то же самое.

Итак, не местом ограничил Он молитву, а заповедал только одно, – что не нужно быть тщеславным. А Павел говорит так, (чтобы показать) отличие от иудейских молитв. Посмотри, в самом деле, что он говорит: «на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки». А этого у иудеев нельзя было делать, потому что им не было позволено ни прибегать к Богу в каком-нибудь другом месте, ни приносить жертвы, ни совершать богослужение; а нужно было отовсюду по вселенной собираться в одно место, и в храме совершать все очищения. Апостол дает

противоположное этому увещание и, освобождая от этой необходимости, говорит, что наши (обычай) не таковы, каковы у иудеев. Подобно тому, как обо всех он повелевает приносить молитвы (потому что за всех умер Христос, и для всех, говорит он, я проповедую), так равным образом (научает), что молиться везде хорошо; следовательно, замечание это относится не к месту, а к тому, каким образом нужно молиться. Молись, говорит, везде; на всяком месте воздевай преподобные руки, – это одно только требуется. Но что значит: «преподобные»? Чистые. А что значит: чистые? Конечно, не водою вымытые, а чистые от любостяжания, убийств, хищения, язв. «Без гнева и сомнения». А это что значит? Разве кто-либо гневается во время молитвы? Значит без злопамятства. Пусть душа молящегося будет чиста и свободна от всякой страсти, пусть никто не приступает к Богу с враждою, пусть никто не приступает с негодованием и размышлением. Что значит – «без сомнения»? Послушаем. Значит, что не нужно несколько сомневаться в том, что мы будем услышаны. «И «все, чего ни попросите в молитве с верою, – говорит (Христос), – получите» ([Мф.21:22](#)); и еще: «когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого» ([Мк.11:25](#)). Вот что значит – без гнева и сомнения. Как же, спросит кто-нибудь, я могу быть уверен в том, что получу просимое? Если ты не просишь ни о чем несогласном с тем, что Он готов тебе дать, если (не просишь) ни о чем таком, что недостойно царя, если ни о чем житейском, если (просишь) одних только духовных (благ), если приступаешь без гнева, если имеешь чистые, преподобные руки; а преподобные руки – те, которые творят милостьню. Если таким образом приступаешь, то, во всяком случае, получишь просимое. «Итак если вы, – говорит, – будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный» ([Мф.7:11](#)). Размышлением он здесь называет сомнение. Равным образом, говорит он, хочу, чтобы и женщины приступали к Богу без гнева, без сомнения, чтобы имели чистые руки, чтобы не следовали своим вожделениям, не грабили и не были корыстолюбивы. Какая, в самом деле, будет польза, если она сама не грабит, а делает это через мужа? Впрочем, от женщин Павел требует нечто большее. Что же именно? «В приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, – говорит он, – не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию». Что он называет «в приличном одеянии»? То есть – платье, которое со всех сторон прикрывало бы их благопристойно, было бы прилично, но не изысканно; первое прилично, а последнее неблагопристойно. Что же скажешь ты на

это? Ты приходишь молиться Богу, и между тем окружаешь себя золотыми украшениями и головными уборами? Разве ты пришла плясать? Или принять участие в брачном пире? Разве ты явилась на торжественное шествие? Там уместны золотые украшения, там головные уборы, там дорогие платья. А здесь ничего этого не нужно. Ты пришла просить, молиться о грехах своих, молитву приносить о своих преступлениях, умолять Господа, чтобы склонить Его к милосердию. Зачем же украшаешь себя? Этот наряд неприличен для той, которая молится. Как можешь ты вздыхать? Как можешь плакать? Как можешь усиленно молиться, будучи одета в такой наряд? Если и будешь плакать, то слезы твои покажутся достойными смеха для того, кто будет видеть их, – потому что плачущей не следует носить золота. Это лицемерие и притворство. И в самом деле, как же не лицемерие, когда та же самая душа, от которой родилось и это великолепие и тщеславие, та же самая (душа) и слезы проливает? Удали от себя все это притворство. Над Богом нельзя смеяться. Это свойственно актерам и плясунам, которые проводят дни свои на сцене; а честной женщине все это неприлично. «Со стыдливостью, – говорит, – и целомудрием».

2. Итак, не подражай блудницам. Они посредством такого наряда привлекают к себе многих любовников, и через это многие часто навлекали на себя дурное мнение и не получали никакой пользы от этого украшения, потому что многим чрез такое мнение нанесли вред. Подобно тому, как распутная женщина, хотя бы и пользовалась славою целомудренной, не будет иметь никакой пользы от этой славы, когда Тот, Кто судит тайное, в свое время приведет все в известность, так и целомудренная женщина, если она своим нарядом успеет приобрести славу (женщины) дурного поведения, не получит никакой пользы от своего целомудрия, потому что многие через эту славу были приведены к гибели. Но отчего же я буду страдать, скажет иная, если другой станет подозревать меня? Ты подаешь повод к тому своим нарядом, взглядом, движениями. Поэтому Павел так много говорит об одежде и о стыде. А если он отвергает то, что служит только признаком богатства, именно золото, жемчуг и многоценные ризы, то не гораздо ли больше (отвергает) то, что (служит признаком) излишней суетности, – притирания, подкрашивание глаз, жеманную походку, изнеженный голос, влажный взгляд, исполненный всякого блуда, изысканность, с какою накидывают на себя покрывало или надевают платье, искуснейшим образом устроенный пояс, вычурную обувь? На все это он указывает, говоря: «в приличном одеянии», равно как и словами: «со стыдливостью», – потому что все это

свойственно бесстыдству и неблагопристойности. Будьте, умоляю вас, снисходительны ко мне, потому что слово мое не с тою целью содержит в себе вполне явное обличение, чтобы уязвить или опечалить вас, но чтобы удалить от стада все чуждое ему. Если он запрещает это замужним женщинам, живущим в роскоши и богатстве, то тем более тем, которые посвятили себя девству. Но какая, скажут, девственница возлагает на себя золотые украшения? Какая головные уборы? И обыкновенное платье может быть до такой степени изысканно, что даже эти (украшения) становятся ничтожны в сравнении с ним. Ведь и недорогое платье может быть наряднее того, которое обшито золотом. В самом деле, когда платье имеет слишком яркий цвет, и когда оно с особенною заботливостью прикреплено поясом около груди, как это бывает у тех, которые пляшут на сцене, так что оно ни раздается в ширину, как бы поднимаясь вверх, ни стягивается до того, чтобы казаться слишком узким, но занимает средину между тем и другим, и около груди образует множество складок, – то ужели оно не гораздо больше может прельстить, чем всевозможные шелковые платья? Что, когда (при этом) обувь, будучи черного цвета, издает необыкновенный блеск и оканчивается острием, и изящным своим видом уподобляется картине, так что не слишком поднимает вверх подошву ноги? Что, если ты, хотя не украшаешь лица притираниями, однако вымываешь его с необыкновенным старанием и вниманием и полагаешь кругом чела повязку, которая гораздо белее твоего лица, а потом сверху набрасываешь (черное) покрывало, так чтобы черный цвет при белом был заметнее? Что скажешь об этом беспрестанном поворачивании глаз? Что – о поясе и о повязке на груди, которую при опоясывании то скрывают, то показывают наружу, потому что и (грудь) оставляют часто открытою для того, чтобы видна была искусная отделка пояса, между тем как кругом всей головы полагают покрывало? А руки, подобно трагическим актерам, так старательно закрывают, что подумаешь, будто платье приросло к ним. Что сказать о походке и о прочих движениях, которые больше всякого золота могут пленять смотрящих на это? Убоимся, возлюбленные, чтобы и нам не услышать того же, что пророк говорил еврейским женщинам, которые заботились о наружном украшении: «и вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос – плешь» ([Ис.3:23](#)). Таким образом, это сильнее может привлекать, нежели золотые украшения, равно как и многие другие вещи, которые искусно устроятся для того, чтобы на них смотрели и чтобы взирающие пленялись ими. Не малый это грех, напротив, очень большой и может прогневать Бога, может погубить весь подвиг девства.

3. Христос твой Жених: зачем привлекаешь к себе любовников – людей? Он осудит тогда тебя за прелюбодеяние. Отчего не украшаешь себя украшением, которое Ему нравится, которое Ему приятно, – стыдливостью, целомудрием, честностью, благопристойною одеждою? А это платье свойственно распутным женщинам и позорно. Мы уже не можем различать распутных женщин и девственниц. Смотри, до какого посрамления они довели себя! Девственница должна быть чужда изысканности, одеваться просто и как случится. А она рачительно занимается бесчисленными (предметами) внешнего украшения. Положи конец этому безумию, женщина; обрати эту заботливость на душу, на внутреннее благообразие. Это внешнее благолепие препятствует внутреннему соделаться хорошим. Кто заботится о нем, тот пренебрегает внутренним; равно как и тот, кто презирает его, переносит всю свою заботливость на внутреннее. Не говори мне: увы! я надеваю изношенную одежду, дешевую обувь, покрывало, которое ничего не стоит; какое тут щегольство? Не обольщай самое себя. Можно, как я сказал, больше принаряжать себя в этой одежде, нежели в иной, – больше в изношенном платье, нежели в приносившем к телу и красиво устроенном по образу, который приличествует бесстыдству, и светло блестящем. Ты мне это говоришь; но что скажешь Богу, Который знает мысль, с какою ты это делаешь? Но ты поступаешь так не ради распутства. Так ради чего? Чтобы возбуждать удивление? И ты не стыдишься, не краснеешь, когда хочешь возбуждать удивление таким образом? Но, скажешь, я надеваю это платье так себе, и вовсе не по этой причине. Знает Бог, что ты говоришь к нам. Разве мне будешь ты давать отчет? Тому, Кто присутствует при всем, что ни происходит у нас, и Кто тогда будет оценивать, Тому, пред Кем все явно и открыто. Для того и мы ныне говорим это; чтобы не заставить вас подвергнуться такой ответственности. Убоимся, чтобы и вас не упрекал (Господь) в том, в чем упрекал через пророка еврейских женщин: пришли явиться предо Мною «и выступают величавою поступью и гремят цепочками на ногах» (Иса.3:16). Вы взяли на себя великий подвиг, для которого нужна борьба, а не щегольство, – где нужно сражаться, а не вести жизнь, исполненную неги. Разве не видишь кулачных бойцов и борцов? Разве они заботятся о походке и наружном украшении? Нисколько. Но все это, оставив без внимания и надев на себя платье, пропитанное маслом, они имеют в виду только наносить и отражать удары. Дьявол стоит, скрежеща зубами, всячески стараясь погубить тебя; а ты не перестаешь заниматься этими сатанинскими нарядами. Я не хочу говорить ничего о голосе, о том, как многие стараются дать ему известное выражение, – о

благовониях и о прочих предметах роскоши. Потому-то и смеются над нами светские женщины. Погибла честь девства. Никто не уважает девственницу так, как следует уважать ее, потому что они сами довели себя до того, что их стали пренебрегать. Разве не следовало бы, чтобы они так были почитаемы в Церкви Божией, как будто с неба пришедшие? Между тем ныне их презирают, – ради их самих, а не ради тех, которые умнее их, – потому что когда увидит та, которая имеет мужа и детей и управляет домом, что ты, будучи обязана пригвоздиться ко кресту, больше, нежели она, занимаешься этими нарядами, то ужели она не посмеется над тобою? Ужели она не станет презирать тебя? Разве не видишь; сколько здесь старания, сколько забот? Скучностью одежды ты препобеждаешь ту, которая наряжается в дорогие платья, потому что больше заботишься о нарядах, нежели та, которая возлагает на себя золотые украшения. Что прилично тебе, того ты не ищешь, а к тому, что тебе не прилично, стремишься, между тем как тебе надлежало бы творить дела благие. Оттого девственницы стали пользоваться меньшим уважением, нежели женщины, живущие в мире, что не являют дел, достойных девства. Это говорим мы не ко всем, или лучше сказать – и ко всем, именно – к виновным, чтобы они образумились, и к невинным, чтобы они вразумляли первых. Но смотрите, чтобы это порицание не перешло в дело. Мы сказали это не с тем, чтобы огорчить, а чтобы исправить вас и чтобы могли похвалиться вами. О, если бы мы все творили угодное Богу и жили во славу Его, и чрез это сподобились получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 9

[1 Тим. 2:11–15](#). Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием»..

Женщинам не подобает говорить в церкви. – Как нужно воспитывать детей.

1. Великой стыдливости требует блаженный Павел от женщин, великой степенности. Поэтому обращает (внимание) не только на внешний их вид и одежду, но и на голос. Что же именно говорит? Жена в безмолвии да учится. Что это значит? То, что, по его словам, жена не должна говорить в церкви; то же самое сказал он и в послании к Коринфянам: «ибо неприлично жене говорить в церкви» ([1 Кор.14:35](#)). Почему же? Потому что закон, говорит он, подчинил их (власти мужа). И опять в другом месте: «Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих» ([1 Кор. 14:35](#)). Но тогда женщины вследствие такого наставления хранили молчание; между тем ныне (замечается) между ними великий шум, великий крик, громкий разговор, и при том нигде в другом месте столько, как здесь. Всякий может увидеть их всех разговаривающими больше здесь, нежели на площади, нежели в банях. Как будто пришедши сюда для того, чтобы провести досужное время, они ведут разговор о предметах бесполезных. От этого все приходит в расстройство, и они не хотят даже понять того, что не иначе могут они научиться чему-нибудь полезному, как только храня молчание. В самом деле, когда мы приготавливаем к произнесению слово, и между тем никто не внимает тому, что говорится, то какая отсюда может быть польза? Поэтому он говорит, что женщине надлежит до того быть молчаливою, что она не должна говорить в церкви не только о житейских, но и о духовных предметах. В этом состоит для нее приличие, в этом стыдливость, это может украсить ее больше всякой одежды. Если таким образом она будет вести себя, то она будет иметь возможность совершать молитвы с великой благопристойностью. «А учить жене не позволяю». «Не позволяю», – говорит он. Какую связь имеют здесь между собою (эти слова)? Очень тесную. (Апостол) беседовал о безмолвии, о степенности, о стыдливости; сказал: не хочу, чтоб они говорили. Итак, желая отнять у них всякий повод

к разговорам, говорит: пусть они и не учат, но пусть ведут себя так, как прилично учащимся, потому что, таким образом, чрез молчание, они покажут и покорность. Вообще многоречив род их, поэтому (апостол) всеми мерами старается обуздать их: «Ибо прежде создан Адам, – говорит, – а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление». Какое, однако, это имеет отношение к нынешним женщинам? Очень большое, говорит: мужеский пол наделен большим преимуществом, он создан прежде. А в другом месте еще выше ставит его, когда говорит: «и не муж создан для жены, но жена для мужа» ([1 Кор.11:9](#)).

Для чего он говорит это? Для того чтобы на основании многих причин предоставить первенство мужу. Мужчина, говорит он, должен иметь первенство, во-первых, потому (что он прежде создан), во-вторых, на основании того, что случилось впоследствии времени. Учила некогда жена мужа, и все ниспровергла, и сделала его виновным в преслушании. Бог за то и подчинил ее, что она во зло употребила власть, или, лучше сказать, равночестие: «и к мужу твоему, – говорится, – влечение твое» ([Быт.3:16](#)); прежде же этого (события) не было сказано этих слов. Каким же образом Адам не был прельщен? Следовательно, он не преступил заповеди; если не был прельщен? Внимательно слушай. Жена говорит: «змей обольстил меня» ([Быт.3:13](#)); между тем Адам не говорит: жена прельстила меня, но: «она дала мне от дерева, и я ел» ([Быт.3:12](#)). Не одно и то же значит быть обольщенным от единоплеменной и сродной себе, и – от зверя, раба, подчиненного; поэтому последнее собственно есть обольщение. Итак, только в сравнении с женою (апостол) говорит о нем, что он не прельстился, потому что она была обольщена от раба и подчиненного, а он от свободной. Опять не об Адаме сказано: «И увидела, что дерево хорошо для пищи» ([Быт.3:6](#)), но о жене, и что она ела и дала мужу своему. Таким образом, он преступил (заповедь) не потому, что был увлечен страстью, а только повинувшись жене. Учила однажды жена, и все ниспровергла. Поэтому (апостол) говорит: да не учит. Но как это относится к другим женщинам, если одна сделала это? И очень (относится), потому что пол этот немощен и легкомыслен. С другой стороны, здесь говорится вообще о всем (женском) поле: он не сказал, что Ева прельстилась, но: жена, – а это имя скорее относится ко всему вообще полу, нежели к ней одной. Итак, что же? Ужели ради нее весь женский пол сделался преступным? Подобно тому как об Адаме сказал (апостол): «подобно преступлению Адама, который есть образ будущего» ([Рим.5:14](#)), так и здесь говорит: преступил (заповедь) женский пол, а не мужеский. Итак, что же? Ужели он не наследует спасения? Напротив, наследует,

говорит. Какое же именно? Спасение чрез детей. Он не об одной Еве говорил: «если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием». В какой вере? В какой любви? В какой святости с целомудрием? Он как бы так говорил: вы, женщины, не сокрушайтесь о том, что пол ваш подпал осуждению; Бог даровал вам другое средство спасения, именно – воспитание детей, так что вы можете заслужить спасение не только сами чрез себя, но и через других. Смотри, сколько возникает вопросов по поводу одного и того же предмета. «Жена, прельстившись, – говорит, – впала в преступление». Какая жена? Ева. Следовательно, она спасется чрез рождение детей? Нет, не это говорит (апостол), а то, что спасется весь женский пол. Разве она не была виновною? Конечно, была; но хотя виновной была Ева, однако спасется весь женский пол чрез рождение детей. Отчего не ради собственной добродетели? Разве это (рождение детей) лишает (силы прочие добродетели)? При том, какое отношение имеет это к девам? Какое к неплодным? Какое к вдовам, которые прежде, нежели начали рожать, лишились мужей? Разве они погибли, разве им не остается ни малейшей надежды? Между тем больше всех восхваляются девы. Итак, что же он хочет сказать?

2. Некоторые говорят, что подобно тому, как от создания (мира) весь женский пол находился в состоянии зависимости вследствие того, что случилось с первой женщиною, – Ева была создана второю и находилась в состоянии зависимости, потому, говорят, и весь женский пол должен находиться в состоянии зависимости, – так и здесь потому самому, что (Ева) совершила преступление, и весь женский пол сделался преступным. Но это не имеет никакого основания. Там все совершалось по воле Божией, а здесь было следствием греха жены. Поэтому сказанное им имеет такой смысл: подобно тому, как все люди умирают ради одного, потому что один согрешил, так и весь женский пол сделался преступным потому, что женщина совершила преступление. Впрочем, пусть она не скорбит. Бог дал ей немалое утешение, именно – рождение детей. Но это есть (дело) природы, – скажешь ты. И то (произошло от влияния) природы; ей даровано не только то (что зависит от природы), но и то, что относится к воспитанию детей. «Если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием», то есть, если после рождения сохранят себя в любви и чистоте. В том не малая, но весьма великая будет состоять для них награда, что они воспитали ратоборцев Христу. Святинею он называет праведную жизнь, а целомудрием пристойность. «Верно слово» (1Тим. 3:1) – относится к тому (о чем говорим), а не к – «если кто епископства желает». Так как по этому поводу возникало сомнение, то он и говорит:

«верно слово», что отцы и матери могут пожать плоды добродетели своих детей, когда хорошо воспитают их. Но что, если она сама будет бесчестна и исполнена бесчисленных пороков? Ужели воспитание детей принесет ей какую-либо пользу? Не будет ли более вероятным, что она воспитает их подобными себе? Он это говорит о добродетельной, а не о всякой, что она получит за то великую награду и воздаяние.

Слушайте это, отцы и матери: воспитание детей для вас не останется без награды. И далее он говорит то же самое: «известная по добрым делам, если она воспитала детей» ([1 Тим.5:10](#)). Между прочим, и это поставляет на вид. Подлинно, немаловажное дело посвятить Богу детей, данных от Бога. Если они положат под здание твердые опоры и основания, то будут иметь великую награду; тогда как, наоборот, за нерадение подвергнутся наказанию. Так и Илий погиб чрез своих детей, потому что ему надлежало вразумлять их; он, правда, и вразумлял, но не так, как следовало бы. Ему не хотелось огорчать их, и он и их, и себя погубил. Слушайте это, отцы. Воспитывайте детей своих в наставлении и поучении Господнем с великим тщанием. Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких (усилиях) возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое и юность. Поэтому если в начале и с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях; напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим же им делать того, что приятно и вместе с тем вредно, не будем угождать им, потому что они дети; но преимущественно будем их сохранять в целомудрии, – тут более всего возможен вред юности. Об этом мы особенно должны заботиться, к этому мы особенно должны быть внимательны. Скорее будем брать для них жен, чтобы они, имея чистое и нерастленное тело, соединялись с невестами. Такая любовь особенно бывает пламенна. Кто был целомудренным до брака, тот тем более останется таким после брака. Напротив, кто до брака научился любодействовать, тот и после брака станет делать то же самое. «Блуднику, – говорится, – сладок всякий хлеб» ([Сир.23:23](#)). Для того и возлагаются на головы венцы, – в знак победы, что они, не будучи побеждены, вступают в брачный чертог, – что они не были одолены похотью. Если же кто, увлеченный сладострастием, предался блудницам, то для чего после этого он имеет и венец на главе, когда он побежден? Это будем им внушать, этим будем их вразумлять, устрашать, угрожать, делая то одно, то другое. Нам вверен важный залог – дети. Будем же заботиться об них и употребим все меры, чтобы лукавый не похитил их у нас.

Между тем теперь у нас все происходит наоборот. Мы употребляем всевозможные усилия для того, чтобы поле было хорошим и чтобы вверить его благонадежному человеку, и погонщика ослов и мулов, и надзирателя, и поверенного мы отыскиваем самого искусного; а на то, что для нас всего дороже, именно – чтобы поручить сына человеку, который бы мог сохранить его в целомудрии, не обращаем внимания, несмотря на то, что это сокровище ценнее всех прочих и ради него приходят остальные. Об имуществе для них мы заботимся, а об них самих – нет. Видишь ли, какое безумие? Прежде образуй душу сына твоего, а имущество он уже после получит. Если душа у него нехороша, то он не будет иметь ни малейшей пользы от денег; и наоборот, если ей дано правильное образование, то бедность нисколько не повредит ему. Хочешь ли оставить его богатым? Научи его быть добрым. Таким образом, он может и состояние умножить; если же и не умножить его, то, по крайней мере, он ничем не будет хуже людей зажиточных. Между тем, если он будет злой, то, хотя бы ему были оставлены тобою бесчисленные сокровища, ты не оставил хранителя (этих сокровищ), а сделал его несчастнее тех, которые впали в самую крайнюю бедность. Действительно, для детей, не получивших правильного воспитания, бедность лучше богатства, потому что первая, даже помимо их воли, удерживает их в пределах добродетели, между тем последнее, хотя бы даже кто и желал того, не позволяет вести жизни целомудренной, но увлекает, ниспровергает и вводит в бесчисленное множество преступлений. Вы, матери, больше всего смотрите за дочерьми: попечение это для вас нетрудно. Наблюдайте за тем, чтоб они сидели дома; а, прежде всего, учите их быть благочестивыми, скромными, презирать деньги и не слишком заботиться о нарядах. Так и в замужество отдавайте их. Если так образуем их, то вы спасете не только их, но и мужа, который возьмет ее, и не только мужа, но и детей, и не одних детей, но и внуков. Если корень будет хорош, то и ветви будут лучше развиваться, – и за все это вы получите награду. Поэтому все будем так делать, как (прилично) заботящимся о благе не одной души, но многих чрез одну. Дочь, при вступлении в брак, должна так выходить из отеческого дома, как борец из места состязаний, то есть, она должна знать в точности всю науку, помощью которой могла бы, подобно закваске, все смешение возвести к собственной красоте. И сыновья опять в такой степени должны быть скромны, чтобы, скорее всего можно было узнавать их по их благонравию и целомудрию, и чтобы они заслужили великую похвалу и от людей, и от Бога. Пусть они научатся обуздывать чрево, воздерживаться от лишних издержек, быть расчетливыми, нежно любящими, пусть они научатся

повиноваться власти. Таким образом, они могут доставить родителям великую награду. Тогда все будет ко славе Божией и нашему спасению, о Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 10

[1 Тим.3:1–4](#). Если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью.

Об епископстве. – Каков должен быть епископ. – О добрых примерах. – Почему язычники не принимают веры.

1. Намереваясь перейти к речи о епископстве, (апостол) показывает вообще, каков должен быть епископ, не относя своего увещания собственно к Тимофею, но беседуя с ним, как бы со всеми, и чрез него наставляя всех. Что же он говорит? «Если кто епископства желает», я не порицаю такого, говорит, так как это – дело управления. Если кто имеет такое желание, и при том домогается не одного начальства и власти, но (и исполнения обязанностей свойственных) управлению, то я не порицаю его: «доброго дела желает», говорит. Так и Моисей желал этого, но не одной только власти, – и при том желал в такой степени, что слышал (следующие слова): «кто поставил тебя начальником и судьей над нами?» ([Исх.2:14](#)). Кто, таким образом, желает, пусть желает. Епископство называется так потому, что представляет собою надзор над всеми (παρά τῶ ἐπί σκ ολεῖν ἅπαντας). «Но епископ должен, – говорит, – быть непорочен, одной жены муж». Говорит это, не поставляя в качестве закона, как будто без этого ему нельзя было сделаться епископом, а только полагая предел неумеренности, потому что у иудеев позволено было вступать во второй брак, и в одно время иметь по две жены. «Брак у всех да будет честен» ([Евр.13:4](#)). А некоторые полагают, что сказанное здесь значит, что он должен быть мужем одной жены. «Непорочен». Сказавши: «непорочен», он назвал всякую добродетель. Таким образом, если кто сознает себя виновным в каком-нибудь преступлении, то он нехорошо делает, желая такого звания, от которого он удалил себя своими поступками, потому что такому следует не повелевать, а повиноваться. Начальник должен быть светлее всякого светильника и вести жизнь безукоризненную, так чтобы все смотрели на него и по его жизни устроили свою собственную жизнь. И не без причины (апостол) поступает так, преподавая такое наставление. Но так как и он сам намеревался поставлять епископов, касательно чего он

делает увещания и в послании к Титу, и так как, по всей вероятности, многие могли желать этого сана, то он по этому поводу и заповедует это. «Трезв», – говорит, то есть, он должен быть прозорливым, со всех сторон иметь тысячу глаз, – должен быть проницательным и не помрачать умственного своего взора. Действительно, много есть таких случайностей, которые не дают ясно видеть, как совершаются дела, потому что и скорби, и заботы, и бесконечные занятия, и многое другое накапливается со всех сторон.

Итак, (епископ) должен быть неусыпно бодрствующим, имеющим попечение не только о своих делах, но и о том, что касается других, – он должен бодрствовать, пламенеть духом и, так сказать, дышать огнем, в большей мере нести труды и обязанности, нежели полководец, который день и ночь обходит войско, – обо всем иметь заботу и попечение. «Целомудрен, благочинен, страннлюбив». Так как и многие из подчиненных имеют такие качества (в этом отношении и они должны быть равны начальникам), то (апостол), показывая преимущества епископов, прибавил: «учителен». От подчиненного уже этого не требуется; но требуется более всего от того, кому вверена эта должность. «Не пьяница». Не о том говорит здесь, кто упивается вином, но о человеке дерзком и заносчивом. «Не бийца». Здесь идет речь не о тех, которые бьют руками. Что же значит: «не бийца»? Так как есть люди, которые безвременно возмущают совесть братьев, то, мне кажется, он здесь намекает на них. «Не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью». Если, таким образом, человек, связанный узами брака, заботится о мирских делах, а епископ не должен заботиться о мирских делах, то как он говорит: «единой жены мужу»? Некоторые полагают, что здесь он указывает на такого епископа, который был бы свободен от брачных уз. А если не это (должно здесь разуметь), то – что он, имея жену, может жить, как будто, не имея ее. Он справедливо в этом случае делает уступку, как бы покоряясь господствующему обычаю того времени. Всякий, кто захочет, имеет возможность из этого сделать надлежащее употребление. Подобно тому, как богатство с трудом открывает вход в царство небесное, и между тем часто люди богатые входили в него, – так точно и брак. Впрочем, что ты говоришь, скажи мне? Беседуя о епископе, сказал, что он должен быть не пьяницею, но гостеприимным, между тем как надлежало бы сказать что-нибудь более важное. Отчего, например, не сказал, что епископ должен быть ангелом, не быть подверженным ни одной человеческой страсти, не указал тех великих

требований, о которых говорил Христос и которые обязаны исполнять далее подчиненные, – что нужно распять себя и постоянно в руках держать свою душу, о чем и Христос говорил: «пастырь добрый полагает душу свою за овцы» ([Ин.10:11](#)), и опять: «и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» ([Мф.10:38](#)), но сказал: не пьяница! Благие можно иметь надежды, если в этом нужно наставлять епископа. Отчего ты не сказал, что он должен отрешиться от земли? Но даже того ты не заповедал епископу, что заповедал мирянам. Что же он говорить к последним? «Итак, умертвите земные члены ваши» ([Кол.3:5](#)), и опять: «ибо умерший освободился от греха» ([Рим.6:7](#)), и еще: «Но те, которые Христовы, распяли плоть» ([Гал.5:24](#)). И Христос говорит тоже: «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» ([Лк.14:33](#)). Итак, почему он не сказал этого? Потому что таких немного можно было найти, между тем много требовалось епископов, которые бы предстоятельством в отдаленных городах.

2. Поэтому, так как впоследствии могли возникать наветы против Церкви, то (апостол) до этой причине говорит об умеренной добродетели, а не об этой возвышенной и выпяченной, потому что многим свойственно – быть трезвенным, честным, целомудренным. «Детей, – говорит, – содержащий в послушании со всякою честностью» – потому что следует на самом себе показать пример. В самом деле, кто поверит, что покорит себе чужого тот, кто сына своего не умел держать в зависимости? «Хорошо управляющий домом своим». Так говорят и внешние, что хороший домоправитель (ὁ οἶκος οὐκις ὁς), в скором времени может сделаться хорошим правителем дел общественных (πολιτικὸς ὁς). И Церковь есть то же самое; что малый дом, и подобно тому, как в дому находятся дети, жена, слуги, и над всеми возвышается своею властью муж, так и в Церкви не иное что, а то же самое: есть дети, жены, слуги. Если же предстоятель Церкви имеет соучастников своей власти, то и там муж имеет соучастницей жену. Но здесь должно заботиться о пропитании вдовиц и девственников? И там тоже муж имеет на своем попечении рабов, дочерей. Впрочем, вообще домом управлять легче. Поэтому как может управлять делами церковными тот, кто и дом свой нехорошо устроил? После этого, сказав: «ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией» ([1Тим.3:5](#)), присовокупляет: «не из новообращенных» («νεοφύτων»), по буквальному значению – новонасажденного ([1Тим.3:6](#)), разумея здесь не того, кто был бы юн возрастом, а новооглашенного: «Я, – говорит, – насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог» ([1 Кор.3:6](#)). Следовательно, он сказал это, желая указать

на этого последнего (новооглашенного). Иначе, что препятствовало сказать: не юному? Но почему же он сам, скажешь, поставил (епископом) Тимофея, несмотря на то, что он был молод, о чем и свидетельствует, говоря к нему: «Никто да не пренебрегает юностью твоею» ([1 Тим.4:12](#))? Потому что знал, что он (Тимофей) обладал многими добродетелями, что он достиг великого совершенства в жизни; и, зная об этом, говорит к нему в послании: «ты из детства знаешь священные писания» ([2 Тим.3:15](#)). А что он соблюдал строжайший пост, это видно из следующих слов: «употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» ([1 Тим.5:23](#)), – кроме многого другого и об этом писал к нему. Поэтому, если бы он не знал о столь великих его добродетелях, то и не писал бы и не поручил бы (столь высокого служения) ученику. Итак, в виду того, что в то время многие из язычников обращались и крестились, (апостол) и говорит: новокрещенного, то есть, новооглашенного, не вдруг возводите на высоту власти. Если он прежде, нежели сделается учеником, вдруг будет поставлен учителем, то впадет в высокомерие; если, не научившись повиноваться, займет место начальника, то сделается надменным. Потому и прибавил: «чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом», какому тот подвергся за свою гордость.

«Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую» ([1Тим.3:7](#)). Справедливо: он мог подвергаться поношению с их стороны, – и, вероятно, потому самому он и сказал: «одной жены муж», хотя в другом месте говорит: «Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я» ([1 Кор.7:7](#)), то есть, в воздержании. Итак, чтобы не увеличить затруднений этому делу, если бы потребовал более совершенной жизни, он отыскал не столь возвышенную добродетель. Нужно ведь было в каждом городе поставить предстоятеля. Послушай, что он пишет к Титу: «чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал» ([Тит. 1:5](#)). Но что, если имеющий хорошее свидетельство и пользующийся добрым мнением на самом деле не будет таким? Конечно, (здесь можно предвидеть) великие затруднения, потому что едва ли могут люди праведные заслужить себе у врагов хорошее мнение. Впрочем, в настоящем случае он не одно это выставляет на вид. Он не сказал: надлежит ему иметь свидетельство, но: «Надлежит ему также иметь доброе свидетельство», то есть – между прочим и это, а не одно только это. Но что, если без всякого основания станут о нем говорить худо, из ненависти, особенно потому, что они язычники? Нет, того не бывает, потому что человека безукоризненной жизни и они уважат. Каким же образом, скажешь ты? Послушай, что он

говорит о самом себе: «в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах» ([2 Кор.6:7–8](#)). Не жизнь его порицали, а проповедь; поэтому и сказал: при порицаниях На них (апостолов) клеветали, что они льстецы и обманщики, – ради их проповеди, – и это делали потому, что не могли ни в чем укорить их жизни. В самом деле, почему никто не сказал об апостолах, что они любодееи, нечестивцы и корыстолюбцы, но – льстецы, что относилось к одной только проповеди? Не потому ли, что они вели жизнь безукоризненную? Очевидно, потому. Поэтому и мы так должны жить; и тогда и об нас никто не станет худо говорить, хотя бы это был наш враг или неверный. Кто ведет праведную жизнь, тот и у них становится достойным уважения: истина и врагам заграждает уста. Каким же образом он может впасть в сеть? Когда часто и в те же самые будет впадать грехи, в какие и они. Если он будет таким, то диавол скоро поставит ему и другую сеть, и они скоро умертвят его. Если же должно иметь свидетельство от врагов, то тем более от друзей. А что действительно тому, кто ведет жизнь непорочную, нельзя услышать о себе худых отзывов, послушай, что говорит Христос: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» ([Мф.5:16](#)). А если, скажешь ты, он будет оклеветан и случайно подвергнется несправедливому обвинению? Может и это случиться. Но в таком случае не должно его избирать из среды других, потому что это внушает большие опасения. «Надлежит ему, – говорит, – также иметь доброе свидетельство» Пусть, поэтому, поступки ваши будут светлы. Подобно тому, как никто не назовет солнца темным, даже сам слепой, потому что он стыдится идти против общего мнения, так и совершенно праведного никто не станет порицать. Правда, язычники часто клеветали на них ради их верований, но праведной их жизни не порицали, напротив вместе с другими удивлялись и приходили в изумление.

3. Будем поэтому жить так, чтобы не хулилось имя Божие. Не будем ни гоняться за человеческою славою, (ни вести себя так) чтобы о нас составилось дурное мнение, но будем соблюдать надлежащую меру и в том и в другом. «В котором вы, – сказано, – сияете, как светила в мире» ([Флп. 2:15](#)). На то, ведь, и поставил Он нас, чтобы мы были подобны светилам, чтобы мы соделались учителями других, чтобы мы стали закваскою, чтобы мы обращались как ангелы с людьми, как мужи с малыми детьми, как духовные с людьми душевными, чтобы и те получили пользу, чтобы мы соделались семенами, чтобы приносили обильный плод. Не были бы нужны слова, если бы жизнь наша сияла в такой степени; не были

бы нужны учителя, если бы мы творили дела благие. Никто не остался бы язычником, если бы мы были христианами, как следует. Если бы мы соблюдали заповеди Христовы, если бы мы благодушно переносили обиды и насилия, если бы мы, будучи укоряемы, благословляли, если бы, терпя оскорбления, воздавали добром, то никто не был бы столь диким, чтобы не обратиться к истинной вере (τῆ εὐσεβείᾳ), если бы так все вели себя. И чтобы вы узнали это (укажу пример): один был Павел, и столько людей привлек к себе. Если бы мы все были такими, то сколько вселенных мы обратили бы? Теперь христиане многочисленнее язычников. Между тем, когда другим искусствам один может научить сто отроков, здесь, несмотря на то, что есть много учителей и что их гораздо больше, нежели учеников, никто не присоединяется. Учащиеся взирают на добродетели наставников и, если видят, что и мы того же желаем, того же ищем, (чего и они), то есть, почестей и власти, то как они могут почувствовать уважение к христианству? Они видят жизнь порочную, души земные, (видят) что мы столько же пристрастны к деньгам, как и они, и даже еще больше, перед смертью так же, как и они, трепещем, боимся бедности наравне с ними, в болезнях, как и они, ропщем, одинаково любим власть и силу и, мучась сребролюбием, стараемся уловить благоприятный случай. Итак, ради чего они станут веровать? Ради знамений? Но их уже больше нет. Ради жизни праведной? Но она уже погибла. Ради любви? Но ее и следа нигде не видно. Вот почему мы дадим отчет не только в своих грехах, но и в гибели других людей. Итак, по крайней мере, теперь воспрянем, станем бодрствовать, покажем на земле житие небесное, будем говорить: «Наше же жительство – на небесах» (Флп.3:20), и на земле станем совершать подвиги. Но и у нас, скажет иной, были великие мужи. Каким образом я стану веровать этому, – может возразить язычник? Я не вижу, чтоб вы делали то же самое, что они делали. Если нужно об этом рассуждать, то и мы, скажут они, имеем великих философов, по своей жизни достойных удивления. Но ты покажи мне другого Павла или Иоанна; а ты не в состоянии сделать этого. Как после этого не станет (язычник) смеяться над такими нашими речами? Как ему не остаться в своем неведении, когда он видит, что мы любомудрствуем только на словах, а не на деле? Ведь теперь за один обол каждый готов и убить, и быть убитым. За клочок земли ты заводешь бесконечные тяжбы, а за смерть сына все приводишь в смятение. Я уже оставляю без внимания все другое, над чем следует проливать слезы, именно – гадание, прорицание, наблюдение примет, судьбу, изображения, повязки, ворожбу, припевания, чародейство. Воистину велики эти (преступления) и достаточны, чтобы возбудить гнев

Божий, потому что даже после того, как Он послал Сына своего, мы дерзаем совершать это. Что же остается нам делать? Ничего больше, как только плакать. Ведь едва меньшая часть мира спасается. Но погибающие радуются, слыша, что не они одни будут терпеть это, но вместе со многими другими. И чему тут радоваться, когда за самую радость они будут наказаны? Не думай, что там так бывает, как здесь, – что если имеешь соучастников в несчастье, то получаешь утешение. Откуда это видно? Я объясню тебе. В самом деле, скажи мне: если бы кто, будучи приговорен к сожжению, увидел, что вместе с ним сжигают и его сына, и обонял смрад, от его тела истекающий, – то ужели бы он не умер? Конечно, и почему так – я скажу тебе. Если те, которые не подвергаются мучениям, взирая на то, что совершается, приходят в оцепенение и теряют присутствие духа, то тем более испытывают это те, которые переносят те же страдания. И не удивляйся, – послушай, что говорить один мудрец: «и ты сделался бессильным, как мы! и ты стал подобен нам» ([Ис.14:10](#)). Человеческой природе свойственно сострадание, и мы сокрушаемся о несчастьи других. Скажи мне: ужели отец, видя, что и сын его наравне с ним терпит наказание, находит в этом утешение, или же напротив – увеличение своих страданий? Или муж, видя жену? Или человек – человека? Разве не больше мы тогда сокрушаемся? Да, – скажешь ты; но там нет таких страданий. Знаю это и я. Но будут другие, более жестокие. Тогда будет плач безутешный, когда все станут смотреть друг на друга, когда все будут терзаться. Скажи мне, разве те, которых изнуряет голод, получают утешение оттого, что их горе разделяют с ними другие? Или (какое утешение в том), если сын, или отец, или жена, или внуки подвергнутся одинаковому наказанию? Или, если видим друзей в несчастье, то ужели находим в этом утешение? Нет, нет; напротив, еще более усиливается наша скорбь. Кроме того, есть бедствия, которые, по самой жестокости своей, не приносят утешения, хотя и бывают общи всем. Например, положим, лежит кто-нибудь в огне, и другой – также. Каким образом они будут утешать друг друга? Скажи, прошу тебя: если когда мы страдали сильною горячкою, то ужели не исчезала тогда для нас всякая тень утешения? Без сомнения, – так. Когда несчастье одолевает нас, тогда душа не находит уже больше средства утешать себя. Или не видишь, сколько те, которые лишились мужей своих, могут насчитать других жен, которые претерпели то же самое? И между тем скорбь их от этого нисколько не уменьшается. Не будем же питать себя такою надеждою, но будем искать единственного утешения в том, чтобы принести покаяние во грехах и держаться доброго пути, ведущего на небо, чтобы мы могли получить царство небесное,

благодарью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 11

[1 Тим.3:8–10](#). Диаконы также *должны быть* честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести. И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, *допускать* до служения.

Обязанности диаконов. – Как нужно пользоваться деньгами.

1.Сказавши о епископах и начертав их образ, и показав, что они должны иметь и чего избегать, (апостол) опускает чин пресвитеров и переходит к диаконам. Почему так? Потому, что невелико расстояние между пресвитерами и епископами. И первые получили тоже дар учительства и также суть предстоятели Церкви, – поэтому то же самое, что он сказал о епископах, применимо и к пресвитерам. Первые одним только (правом совершать) рукоположение выше последних, и в этом одном заключается их видимое преимущество перед пресвитерами. «Диаконы также». То есть, и им должно иметь то же самое. Что же это именно? Быть непорочными, целомудренными, гостеприимными, кроткими, не сварливыми, не сребролюбцами. А что он сказал: «также», желая видеть их такими, на это он указывает, когда говорит дальше: «честны, не двоязычны» то есть непронырливым и нехитрым. Действительно, ничто столько не делает человека бесчестным, как пронырство, и ничто столько не приносит вреда в Церкви, как хитрость. «Не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести». Этим вот он показывает, что такое значит – быть непорочным. Смотри, впрочем, что и здесь он говорит: не из новообращенных. Выражение: «и таких надобно прежде испытывать», то же значит, что сказанное им об епископах; таким образом он показывает (внутреннюю) связь, потому что тут нет ничего среднего. Поэтому употребил он и там выражение: не новообращенных. Не безрассудно ли, в самом деле, в частном доме вновь купленному рабу не прежде поручать какую-либо домашнюю работу, чем он, вследствие долговременного испытания, представит доказательства своего расположения, а в Церкви Божией извне вошедшего тотчас поставлять в числе знатнейших? Женам, т. е. диакониссам, «*должны быть* честны, не клеветницы⁶, трезвы, верны во всем.» ([1Тим.3:11](#)). Некоторые полагают, что это сказано просто о женщинах; но это несправедливо. Что, в самом деле, он мог иметь в виду, вставляя в середину своей речи несколько слов о женщинах? Говорит он здесь о таких женщинах, которые облечены

званием диаконисс. «Диакон должен быть муж одной жены» ([1Тим.3:12](#)). Это прилично было сказать и о женщинах диакониссах, так как это (звание) весьма нужно, полезно и достойно уважения в Церкви. «Диакон, – говорит он, – должен быть муж одной жены». Видишь ли, что и от диаконов он требует той же самой добродетели? Хотя они по сану и не равны епископу, однако должны быть так же непорочны, так же чисты. «Хорошо управляющий детьми и домом своим. Ибо хорошо служившие готовят себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса» ([1Тим.3:12–13](#)). Везде он говорит об управлении детьми, чтобы прочие не имели повода к соблазну. «Ибо хорошо служившие, – говорит, – готовят себе высшую степень, то есть совершенство и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса». Он как бы так говорит: те, которые показали себя трезвенными в низших (степенях), скоро достигнуть и остальных.

«Сие пишу тебе, надеясь вскоре придти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» ([1Тим.3:14–15](#)). Чтобы, делая наставление касательно таких предметов, не повергнуть чрез это ученика в скорбь, (апостол) говорит: не потому я пишу это, что уже больше не приду к тебе; напротив, я приду; если же случится, что я замедлю, то, говорит, ты не сокрушайся об этом. Таким образом, он пишет это к Тимофею с тою целью, чтобы облегчить скорбь его, а к прочим – чтобы воздвигнуть их (от недеятельности) и сделать более ревностными, так как его присутствие, хотя бы оно было только обещано, могло сделать много. Впрочем, не удивляйся тому, что (апостол), все предвидя духом, обнаруживает незнание, когда говорит: «надеюсь вскоре придти к тебе, если замедлю», – потому что это свойственно незнающему. Так как он водился Духом и по своей воле ничего не делал из того, что делал, то, вероятно, и этого он не знал. «Чтобы, – говорит, ты знал, как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (Следовательно, храм этот) не таков, каким был прежний, иудейский. Этим объемлются вера и проповедь, потому что истина есть столп и утверждение Церкви. «И беспрекословно, – говорит, – великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе» ([1Тим.3:16](#)). То есть, домостроительство нашего спасения. Не говори мне о звонцах, ни о святом святых, ни о первосвященнике: Церковь есть столп вселенной. Помысли о тайне, – овладеет тобою трепет: это и тайна, и великая, и благочестия тайна, и непререкаемая, и не подлежит изысканию, так как она выше всякого сомнения. Так как (апостол), беседуя о священниках, ничего не

сказал такого, что говорится в книге Левит, то он возводит к другому предмету и говорит: «Бог явился во плоти», то есть, говорит, Творец был видим во плоти. «Оправдал Себя в Духе». Этим он говорит, что премудрость была оправдана от сынов своих, или – что (Иисус Христос) не поступал лживо, как сказано и пророком: «потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его» ([Ис.53:9](#)). «Показал Себя Ангелам» ([1 Тим.3:16](#)).

Следовательно, и ангелы вместе с нами увидели Сына Божия, а прежде Его не видели. Поистине, великая тайна. «Проповедан в народах, принят верою в мире». По всей вселенной слышали о Нем и уверовали в Него. На это указывает и пророк, когда говорит: «Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их» ([Пс.18:4](#)). Не подумай, что это просто слова, не имеющие никакого значения. Нет, они не таковы, напротив – исполнены сокровенного смысла. Вознесся во славе, то есть, на облаках. «Сей Иисус, – сказано, – вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо». ([Деян.1:11](#)). Обрати внимание на благоразумие блаженного Павла. Желая наставить тех, которые сподобились диаконского сана, чтобы они не предавались слишком вину, он не сказал: не (должно) упиваться, но: «Не пристрастны к вину». И справедливо, – потому что если входившие в святилище вовсе не прикасались к вину, то тем более им не следовало этого делать. Вино, говорит он, производит помешательство и, если даже не причиняет опьянения, ослабляет крепость сил души и приводит ее к рассеянности. Заметь, что он везде домостроительство нашего спасения называет тайною. И справедливо, – потому что она не всем людям известна; вернее же сказать даже ангелам не была открыта; иначе как она бы открылась чрез Церковь? Поэтому говорит: «И бесспорно – великая благочестия тайна». И подлинно она велика, – потому что Бог соделался Человеком и человек Богом, явился человек безгрешный, человек вознесся, был проповедан в мире; с нами увидели Его ангелы. Следовательно, это тайна. Не будем поэтому открывать тайны, не будем повсюду разглашать о ней, будем жить сообразно с достоинством этой тайны. Те, которым доверяются тайны, в некотором смысле – великие люди. Если бы царь вверил нам какую-нибудь тайну, то, скажи мне, ужели бы мы не почли этого признаком великого к нам благоволения? Между тем ныне Бог вверяет нам Свою тайну, – и мы, как будто не великое, сделано для нас благодеяние, остаемся неблагодарны к Благодетелю. Вострепещем (сознавая), что мы остаемся нечувствительны к этому благодеянию. Это тайна, которую все узнали, или, лучше сказать, которую прежде не все знали, а ныне всем она

сделалась известною.

2. Соделаемся поэтому заслуживающими доверия хранителями тайны. Он вверил нам столь великую тайну, а мы Ему не вверяем даже стяжаний наших. Между тем как Он сам говорит: положите их у Меня, никто не будет в состоянии похитить их, ни моль, ни разбойник не нанесет им вреда, и обещает воздать во сто крат больше, – мы не слушаем. Если бы мы у кого-нибудь положили на хранение наше имущество, то назад не получили бы ничего больше. Напротив мы должны были бы чувствовать благодарность, если бы обратно получили все, что положили. Между тем здесь, – если бы даже вор похитил – говорит: Мне это вмени в вину; не скажу тебе: унес вор, или моль поела. Здесь Он воздает сторицею, и там еще кроме того дарует жизнь вечную, – и несмотря на то никто не полагает на хранение (своих стяжаний). Но Он слишком медленно, скажешь, воздает мне. Это именно и служит величайшим признаком Его щедрости, что не здесь, в этой тленной жизни, Он воздает нам; лучше же сказать, и здесь воздает сторицею. В самом деле, скажи мне: разве не здесь оставил Павел свой резец? Или трость и уду Петр? Или мытницу Матфей? Разве не вся вселенная была открыта пред ними больше, нежели пред царями? Разве не к их ногам полагали все свои стяжания? Разве не их делали распорядителями и властелинами всего? Разве не им поручали даже свои души? Разве не всецело поставляли себя в зависимость от их воли? Разве не все записывались в число их рабов? Да и ныне, разве мы не видим, что происходит много подобного? В самом деле, часто многие, (происходя) из низкого и малоуважаемого звания, только с мотыгой в руках, и не будучи даже обильно наделены необходимою пищею, имея одно имя монаха, более всех прославились и пользовались почетом у царей. Разве это маловажно? Но помысли, что это составляет прибавку; а главное уготовано в будущем веке. Презирай стяжания, если хочешь приобрести стяжания. Если желаешь обогатиться, сделайся бедным. Таковы-то чудные дела Божии. Не хочет Он, чтобы ты был богат вследствие собственных усилий, но по Его милости. Мне это предоставь, говорит Он, а ты заботься о духовном, чтобы ты узнал и Мое могущество; убегай рабства и ига стяжаний. Ты беден до тех пор, пока ты привязан к ним; когда станешь пренебрегать ими, сделаешься вдвойне богатым – и потому, что они со всех сторон будут стекаться к тебе, и потому, что не будешь нуждаться в том, в чем (нуждаются) многие. Ведь быть богатым не значит приобрести много, но не нуждаться во многом, так что если предстоит нужда, то и царь ничем не отличается от нищего. В том и состоит бедность, что мы нуждаемся в других. Такими образом и царь по этой

причине может быть назван нищим, поскольку он нуждается в подданных; Но не таков Тот, Кто пригвоздился ко кресту: он ни в чем не имеет нужды; для пропитания Ему достаточно рук. «Нуждам моим, – говорит (апостол), – и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» ([Деян.20:34](#)). Это говорил тот, кто в другом месте сказал: «мы нищи, но многих обогащаем» ([2 Кор.6:10](#)), – тот, кто в Листрах был сочтен за Бога. Если хочешь приобрести мирские блага, – ищи неба. Если желаешь насладиться настоящим, – презирай его.

«Ищите же прежде Царства Божия и, и это все приложится вам» ([Мф.6:33](#)). Зачем ты удивляешься тому, что маловажно? Зачем жаждешь того, о чем даже говорить не стоит? До каких пор ты будешь оставаться бедным? До каких пор нищим? Воззри на небо, помысли о том богатстве, которое там обретается, посмейся над золотом, научись, какое из него нужно делать употребление. Мы пользуемся им только в настоящем, только в настоящей жизни, которая расплывчата, как песок, или лучше, что капля в сравнении с беспредельною пучиною, то настоящая жизнь в сравнении с будущим. Это не составляет приобретения, а одно только пользование; это не составляет истинного обладания: иначе отчего, когда ты находишься при смерти, другие берут все, что у тебя находится, (не взирая на то), хочешь ли ты этого или не хочешь, и сами опять передают другим, а эти опять третьим? Все мы пришельцы. Владельцем дома, можете быть, больше бывает тот, кто нанимает дом. Часто, когда первый умрет, последний остается и более продолжительное время пользуется домом. Если же последний (пользуется им) за известную плату, то и первый за плату, так как он созидал, трудился, устроил. Владение существует только по имени, а на самом деле мы все владетели чужого. То только нам принадлежит, что туда предпосылаем. А то, что здесь находится, не наше, но тех, которые живут, или лучше, даже тогда, когда живем, оно уходит от нас. То только нам принадлежит, что составляет душевные наши подвиги, именно – милостыня и человеколюбие. А прочее и у внешних называется внешним, так как существует вне нас. Постараемся поэтому сделать это внутренним достоянием. Мы не имеем возможности, взяв с собою деньги, отойти, но можем отойти, взяв милостыню. Ее и будем больше всего предпосылать туда, чтобы уготовать себе жилище в вечных обителях.

3. Название денег происходит от употребления, а не от обладания; и самое имущество состоит в пользовании, а не в господстве. В самом деле, скажи мне: скольким владельцам принадлежало каждое поле, и скольким еще будет принадлежать? Есть одна весьма мудрая поговорка, – не надобно

ведь пренебрегать и народными поговорками, когда они заключают в себе какую-нибудь мудрую мысль. О поле, говорят, скольких ты имело (господ), и скольких еще будешь иметь! То же самое должно сказать и о домах, и о деньгах. Одна только добродетель способна сопутствовать нам, одна только добродетель переходит в будущую жизнь. Поэтому освободим себя и погасим в себе пристрастие к деньгам, чтобы воспламенить в себе желание небесного. Ведь не могут, эти два стремления совмещаться в одной душе. «Ибо или одного, – говорится, – будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» ([Мф.6:24](#)). Видишь ли ты, скажи мне, мужа, который имеет многочисленную свиту, гордо идущего по площади, одетого в шелковые одежды, разъезжающего на коне, вытягивающего шею? Не изумляйся, но смейся над ним. Подобно тому, как ты смеешься, когда, видишь детей, изображающих в играх начальников, так смейся и здесь. Ничем не отличается одно от другого; первое далее бывает приятнее, потому что есть следствие детского возраста и сопряжено с величайшим простодушием. Здесь смех и удовольствие. А там человек становится смешным и исполненным бесстыдства. Прославь Бога за то, что Он избавил тебя от такого зрелища и такой надменности. Если захочешь, то ты, который ходишь по земли, будешь выше того, который восседает на колеснице. Каким образом? Таким, что тот телом немного поднялся от земли, душою же прильнул (к земле): «прилипла, – сказано, – плоть моя к костям моим» ([Пс.101:6](#)); а ты умом носишься на небе. Но он имеет многочисленную прислугу, которая очищает ему дорогу? Так чем же больше ему почета, нежели коню? Что может быть неразумнее того, чтобы разгонять людей, чтобы прошло свободнее животное? Но разъезжать на коне почетно? Однако и слуги принимают в этом участие. Между тем есть и такие, которые до того бывают ослеплены, что, без всякой надобности, заставляют прислужников, чтобы они шли позади их. Что бессмысленнее этого? Хотят приобрести известность чрез коней, драгоценные одежды и спутников. Что ничтожнее такой славы, которая состоит в конях и прислуге? Если ты добродетелен, – не ищи ничего такого: носи свой собственный наряд и не украшай себя присутствием других. Это могут иметь и люди бесчестные, порочные, и невежды, и все, обильно наделенные богатством. На лошадях ездят и шуты, и плясуны; и пред ними тоже идет слуга. И, несмотря на то, они остаются шутами и плясунами, и не становятся более достойными уважения чрез лошадей и слуг. Когда у таких людей нет в душе никакой добродетели, тогда напрасно и без пользы мы стали бы прилагать что-нибудь извне. И подобно тому как полуразрушенная стена или истлевшее тело, что бы ты

ни приставил к ним, они остались бы безобразными и истлевшими, так и здесь, душа не получает никакой пользы от внешних благ, но остается такою же, как прежде, хотя бы ты окружил ее бесчисленными золотыми украшениями. Не будем же удивляться всему этому, оставим временное и прилипимся к лучшему, духовному, к тому, что действительно содействует нас достойными уважения, чтобы мы сподобились получить будущие блага (о Христе Иисусе, Которому слава во веки веков. Аминь).

Беседа 12

1 Тим.4:1–5. Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением. Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою.

Еретики, постоянно заблуждаясь, впадают в погибель. – Манихеи, энкратиты, маркиониты. – Когда идоложертвенное бывает нечисто. – Против корыстолюбцев.

1. Как держащиеся веры утверждают, как бы на некотором безопасном якорю, так напротив те, которые отпали от веры, не могут ни на чем остановиться, но, постоянно блуждая туда и сюда, наконец, впадают в бездну погибели. И это (апостол) уже показал, сказавши, что некоторые уже претерпели кораблекрушение в вере. И теперь говорит то же самое: «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским». О манихеях, энкратитах, маркионитах и обо всех сборищах говорит он это, – что в последние времена некоторые отступят от веры. Видишь ли, что вина всех последующих зол есть отступничество от веры? Но что значит: «ясно»? Очевидно, ясно, бесспорно, так что вовсе не остается места сомнению. Не удивляйся, говорит он, если теперь отступившие от веры придерживаются иудейских заблуждений. Будет время, когда даже те, которые соделались причастниками веры, будут творить (дела) более достойные осуждения, подавая губительные советы не только касательно пищи, но и касательно браков, и всех тому подобных (предметов). Не об иудеях он говорит, – какое отношение к ним могут иметь выражения: «в последние времена», и: «отступят некоторые от веры»? – но о манихеях и их главных вождях. Он назвал их духами лживыми, – и справедливо, потому что, побуждаемые этими последними, они проповедовали (такое учение). Что значит: «через лицемерие лжесловесников»? То, что они лживо проповедуют не по неведению, и не потому, что не знают, напротив они знают истину, а притворяются лжецами, «сожженных в совести своей», то есть, будучи порочной жизни. Почему же именно об этих только еретиках говорит он? Христос предсказал и о других, когда говорил: «ибо

надобно придти соблазнам» ([Мф. 18:7](#)). В другой раз Он предвозвестил о них в притче о сеянии пшеницы и произрастании плевел. Но подивись и Павлову пророчеству. Он прежде времени, в которое имело совершиться это, указал и самое время. Не удивляйся поэтому, если теперь, когда полагается начало веры, некоторые покушаются вводить такие губительные верования, – потому что некоторые отступят от веры и спустя долгое время после того, как она утвердится. «Запрещающих, – говорит, – вступать в брак и употреблять в пищу». Отчего же он не сказал и о других ересях? Он и на них указывает, когда говорит: «духам обольстителям и учениям бесовским». Он не хотел преждевременно посеять эти (зablуждения) в душах людей, но указывает на то, что уже получило начало, именно (на заблуждения) касательно пищи. «Что Бог сотворил, – говорит, – дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением». Отчего он не сказал: и неверным? Каким же образом (мог он сказать): и неверным, когда они, повинувшись своим законам, воздерживаются от этого? Итак, что же? Ужели сластолюбие не воспрещено? И очень. Почему же так, если что-либо и создано для того, чтобы служить пищею? Потому что и хлеб создан, между тем воспрещена неумеренность; и вино создано, между тем воспрещена неумеренность. В настоящем случае он заповедует отказываться от наслаждения не потому, что оно нечисто, а потому, что оно при неумеренности расслабляет душу. «Ибо всякое творение Божие хорошо, – говорит, – и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением». Если создание Божие, то и добро: «все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» ([Быт.1:31](#)). Выражением: «творение Божие» он обозначает вообще все, что может быть употреблено в пищу, и таким образом уже ниспровергает заблуждение тех, которые вводят несотворенную материю и говорят, что из нее произошло все прочее. Итак, если (все) добро, то что значат слова: «освящается словом и молитвою»? Ведь очевидно, что, будучи нечистым, освящается. Не так нужно понимать эти слова. Здесь он говорит против тех, которые считали некоторые роды пищи чем-то скверным. Поэтому он и высказывает две главные мысли: во-первых, что нет ни одного создания, которое было бы скверно; и, во-вторых, что если бы что-нибудь и было скверно, то ты имеешь против этого врачество: осени знамением (креста), возблаговари, воздай славу Богу, и всякая нечистота исчезнет.

Неужели и идоложертвенное, скажешь ты, может быть таким образом очищено? Да, когда ты не знаешь, что это идоложертвенное; а если знаешь и, несмотря на то вкусишь, то соделаешься нечистым, не потому, что это идоложертвенное, а потому что, получив заповедь не приобщаться к

демонам, ты чрез это вошел с ними в общение. Следовательно, оно не по природе своей нечисто, но становится таким вследствие твоего произволения и преслушания. Что же? Ужели и свиное мясо не есть нечисто? Нисколько, когда вкушаешь его с благодарением, с крестным знамением; равным образом и все прочее не бывает нечистым. Нечисто произволение, которое не благодарит Бога. «Внушая сие братиям, будешь добрый служитель Иисуса Христа, питаемый словами веры и добрым учением, которому ты последовал» (1Тим.4:6). «Сие»: что же именно? То, о чем (прежде) говорил, – что тайна великая, что удаляться от яств – дело бесовское, что пища очищается словом Божиим и молитвою. «Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии» (1Тим.4:7). «Внушая сие», – говорит. Видишь ли, что здесь нисколько он не обнаруживает власти, а только снисхождение? «Внушая», – говорит он. Не сказал: приказывая, не сказал: заповедуя, но: «внушая», то есть, как бы советуя, предлагай это и заводи речь о вере. «Питаемый», говорит, – указывая на постоянное внимание к такого рода предметам.

2. Подобно тому, как мы каждый день употребляем эту пищу, так, говорит, будем всегда принимать и слово о вере, всегда им питаться. Что значит – «питаемый»? Пережевывая, постоянно повторяя одно и то же, всегда поучаясь одному и тому же: ведь предлагается не обыкновенная пища. «Негодных же и бабьих басен отвращайся». О каких (баснях) он здесь говорит? Об иудейских вычислениях и наблюдениях? И их называет баснями? Да, или потому, что они измышленны, или потому, что несвоевременны. Что благовременно, то полезно; что безвременно, то не только не полезно, но и вредно. В самом деле, представь себе: если бы человек на двадцатом году жизни прильнул к сосцам кормилицы, то до какой степени он был бы смешен из-за несвоевременности (поступка)? Видишь ли, как он называет их и негодными, и бабьими? (И называет так) частью потому, что они уже устарели, частью потому, что составляют препятствие для веры. Действительно, подчинять страху душу, которая соделалась выше всего этого, свойственно нечистым правилам. «Упражняй себя в благочестии», то есть, в вере чистой и жизни праведной, – потому что в этом состоит благочестие. Следовательно нам нужно упражняться в нем. «Ибо телесное, – говорит, – упражнение мало полезно» (1Тим.4:8). Некоторые полагают, что это сказано о посте. Но с этим нельзя согласиться: (пост) составляет не телесное, а духовное упражнение. Если бы он был телесным упражнением, то питал бы тело. Если же он истощает, утончает и иссушает тело, то, значит, не составляет телесного (упражнения). Следовательно, не о телесном упражнении говорит он.

Итак, нам нужно духовное упражнение. Первого рода упражнение не приносит выгоды и только несколько пользы доставляет телу, а упражнение в благочестии приносит плод и в будущей жизни: и здесь и там доставляет утешение. Верно слово. То есть, истинно, что как здесь, так и там. Смотри, что он везде вводит это (выражение): не имеет нужды в особенном приготовлении, а выражается прямо, – потому что он обращает речь свою к Тимофею. Следовательно, и здесь мы пребываем в добром уповании. Действительно, тот, кто не знает за собой никакого преступления и творит бесчисленные добрые дела, радуется и в настоящей жизни. Напротив, человек порочный не только там, но и здесь несет наказание, постоянно живя в страхе, ни на кого не смея взглянуть с дерзновением, трепеща, бледнея, томясь. Разве не таковы корыстолюбцы, воры, которые не уверены в том, чем владеют? Разве прелюбодеи и человекоубийцы не ведут самой тягостной жизни, с недоверчивостью взирая на самое солнце? Неужели это жизнь? Нет, это скорее тяжкая смерть. «Ибо мы для того, – говорит, – и трудимся и поношения терпим, что уповаем на Бога живаго, Который есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных» ([1Тим.4:10](#)). Как бы так говорит: ради чего мы изнуряем себя, если не ожидаем будущих благ? Ради чего все поносят нас? Разве не такие бедствия, говорит, мы перенесли? Разве не оскорбления, не клевету и не другие бесчисленные несчастья? Неужели все это мы напрасно переносили? Если бы мы не уповали на живого Бога, то зачем бы нам и подвергаться этому? Если здесь Он спасает неверных, то тем более там спасет верных. О каком спасении говорит он? О небесном. «Который, – говорит, – есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных» То есть, обнаруживает великую заботливость о верных. До сих пор он говорит о земном. Но каким образом, спросишь ты, Он есть Спаситель верных? Если бы Он не был Спаситель, то ничто не воспрепятствовало бы давно погибнуть тем, против которых все ратуют. Здесь (апостол) возбуждает Тимофея к перенесению опасности, чтобы он не падал духом, имея в Боге столь сильного помощника, и не нуждался в содействии других, но охотно все переносил с мужеством. Так и алчущие житейских благ, надеясь получить прибыль, решаются на многое. Итак, наступают уже последние времена. «В последние времена, – говорит, – отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак». Итак, что же, спросишь ты? Разве мы не возбраняем вступать в брак? Нисколько, мы не возбраняем тем, которые желают этого, но не желающих вступать в брак уговариваем хранить девство. Иное дело

возбранять, и иное – оставлять каждого господином своей воли. Тот, кто возбраняет, делает это без всякого ограничения; а тот, кто советует хранить девство, как нечто более возвышенное, не воспрещает вступать в брак, но уговаривает пребывать в девстве. «Запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением». Прекрасно сказал: «познавшие истину». Следовательно, прежние (запрещения) имели другое значение, так как нет ничего нечистого по природе, но становится таким вследствие убеждения приемлющего. И в самом деле, для чего многие яства были им запрещены? Для искоренения в них излишнего пресыщения. Но если бы он сказал: не ешьте во избежание пресыщения, то они не приняли бы этого; между тем ныне обращает им это в закон необходимости, чтобы вследствие большого опасения они скорее воздерживались. Всякому известно, что рыба более нечиста, нежели свиное мясо, – и, несмотря на то, им не было запрещено употребление ее. А насколько губительно было для них пресыщение, послушай, что говорит Моисей: «И утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога» ([Втор.32:15](#)). Есть впрочем, и другая причина. Именно, чтобы они, будучи приведены в стеснительное положение, наконец, обратились к волам и стали закалывать овец, он не без основания, ради Аписа и тельца, возбранил употребление всего прочего: этот последний нечист, неприятен, отвратителен и скверен.

3. Это проповедуй, этому поучайся: выражение – «питаемый словами веры» такое именно имеет значение. Не только других наставляй, говорит, но и сам упражняйся в этом: «Питаемый, – говорит, – словами веры и добрым учением, которому ты последовал». «Негодных же и бабьих басен отвращайся». Почему он не сказал: воздерживайся от таковых, но: «отвращайся»? Через это он показывает, что окончательно нужно избегать их. Именно слова его имеют такой смысл: даже не принимай на себя труда когда-либо вступать в разговор с ними, но только своим заповедуй это. Действительно невозможно, чтобы состязающийся с развращенными имел когда-либо успех, кроме того случая, когда предвидим какой-либо вред оттого, что мы, будто по (сознанию) нашей немощи, отказываемся от собеседования с ними. «Упражняй себя в благочестии», то есть, к жизни чистой, самому лучшему поведению. Тот, кто занимается телесными упражнениями, даже и не во время состязаний, как ратоборец все делает, от всего воздерживается, вступает в борьбу, переносит тяжелый труд. Обучай себе к благочестию, говорит. «Ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей

и будущей». И для чего, спросишь ты, упоминает он здесь о телесном упражнении? Для того чтобы чрез сравнение показать превосходство духовных подвигов, – потому что первое (телесное упражнение), будучи соединено с большими трудами, не приносит ни пользы и ничего такого, о чем стоило бы говорить, а последнее (духовные подвиги) приносят неизменную и обильную (пользу): подобным образом и (женщинам) заповедует он: «украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию.» ([1 Тим.2:9, 10](#)). «Слово сие верно и всякого принятия достойно. Ибо мы для того и трудимся и поношения терпим». Павел переносил оскорбления, а ты негодуешь, принимая обиды? Павел трудился, а ты желаешь пресыщаться? Но и он, если бы пресыщался, не получил бы столь великих благ. Если мирских стяжаний – и временных, и тленных – никогда не приобретают люди без трудов и пота, то тем более духовных. Без сомнения, скажешь ты; но часто многие получали их по наследству. Но если и получают их таким образом, то сбережение и сохранение их не обходится без трудов, напротив, (и при этом) нужно трудиться и изнуряться не менее тех, которые приобретают их посредством труда. Между тем, я не говорю уже о том, что многие, после трудов и различных неудач, были обмануты в своих ожиданиях, при самом входе в пристань, потому что налетал откуда-то ветер и производил крушение, когда близко было осуществление надежды (на получение) благ. А у нас ничего такого не бывает, – сам Бог дает обетования и «надежда не постыжает» ([Рим.5:5](#)). Разве вы сами, которые занимаетесь житейскими делами, не знаете того, сколь многие после бесчисленных трудов не пользовались их плодами или потому, что часто смерть преждевременно похищала их, или вследствие перемены обстоятельств, или по причине случившейся с ними болезни, или по наущению клеветников, или по другой какой-либо причине (многое ведь случается в делах человеческих), которая оставляла их с пустыми руками?

Как, спросит кто-либо? Разве не видишь тех, которые имели успех, и без больших трудов стяжали великие блага? Какие блага? Деньги, дома, столько-то десятин земли, толпу рабов и кучи серебра и золота? Это ли называешь благами? И не совестишься, не стыдишься ты – человек, которому дана заповедь любомудрствовать о небе, а между тем ты алчешь земных стяжаний и называешь благами то, о чем не стоит даже говорить ни одного слова? Если это – блага, то конечно и тех, которые стяжали их, следует называть благими. Да и каким образом не благ тот, кто имеет нечто благое? Итак, что же, скажи мне? Если стяжавшие их бывают жадны

к приобретению, похищают, то ужели назовем их благими? Если богатство есть благо и между тем оно накапливается вследствие корыстолюбия, то чем более оно будет возрастать, тем более послужит причиной того, что владеющего им будут считать благим. Ужели после этого и корыстолюбец благ? Если же богатство есть благо и умножается вследствие корыстолюбия, то тот будет лучше, кто больше, таким образом, приобретет. Замечаешь ли противоречие? Но если он не будет корыстолюбив, скажешь ты? А каким же образом это может случиться? Страсть эта пагубна, и невозможно разбогатеть тому, кто не делает несправедливости. На это и Христос указывает, говоря: «приобретайте себе друзей богатством неправедным» ([Лук.16:9](#)). Но что, скажешь ты, если кто-нибудь от отца получил наследство? Он получил собранное неправдою. Ведь без сомнения не от Адама предок его был богат, но, конечно, многие другие прежде него являлись на свет, и между многими мог найтись такой, который незаконно похитил и воспользовался тем, что принадлежало другим. Итак, что же? Неужели Авраам, скажешь ты, имел неправедно приобретенное богатство? И что (сказать) об Иове, который был непорочен, праведен, истинен, богобоязлив, который удалялся от всякой злой вещи? Богатство их состояло не в золоте, не в серебре, не в зданиях, а в скоте; иначе говоря, – богатство это было от Бога. А что богатство его состояло из скота, это видно из того, что писатель книги, перечисляя то, что случилось с тем блаженным, и говоря, что у него умерли верблюды, и кобылы, и ослы, не сказал, что (враги), придя, расхитили у него золотые сокровища. Кроме того, и Авраам тоже был богат, но рабами. Что же? Неужели он не купил их? Нет; поэтому и замечает Писание, что у него было триста восемнадцать домочадцев. Сверх того, ему принадлежали и овцы, и волы. Откуда же он взял золото, посланное к Ревекке? Получил дары из Египта, – не вследствие насилия или какой-либо несправедливости.

4. Поэтому, скажи мне, откуда ты приобрел богатство? От кого ты получил его? А другой откуда взял? От деда, скажешь ты, от отца. Но можешь ли ты, восходя чрез длинный ряд поколений, доказать таким образом, что имущество это законно приобретено? Никак не можешь этого сделать. Напротив, начало и корень его непременно должны скрываться в какой-нибудь несправедливости. Почему так? Потому что сначала Бог не сделал одного богатым, а другого бедным, и, приведши (людей), не показал одному многих золотых сокровищ, а другого лишил этого приобретения, но всем предоставил для возделывания одну и ту же землю. Каким же поэтому образом, когда она составляет общее достояние, ты владеешь

столькими-то и столькими участками, а ближний не имеет ни клочка земли? Скажешь: мне отец передал. А он от кого получил? Тоже от предков. Но, постоянно восходя выше, непременно нужно найти начало. Иаков стал богат, но получая награду за труды. Впрочем, не стану заниматься подробными исследованиями этого. Положим, что богатство законно, приобретено без малейшей примеси грабительства. Ты не виноват в том, что отец твой наградил; правда, ты владеешь тем, что приобретено посредством грабительства, однако сам ты не грабил. Согласимся, впрочем, даже и на то, что и он не грабил, но владел золотом откуда-либо из земли добытым. Что же из этого? Ужели богатство есть благо? Нисколько. Но оно и не зло, скажешь ты. Если оно не есть плод любостязания, то не зло, и при том, если раздают его нуждающимся; если же не раздают его, то становится злом и коварством. Но скажешь: до тех пор, пока человек не сделал зла, он не зол, хотя бы и не делал добра. Прекрасно. Но разве это не зло, что один владеет тем, что принадлежит Господу, и что один пользуется общим достоянием? Не Божия ли земля и исполнение ея? Поэтому, если наши блага принадлежать общему Владыке, то они в равной степени составляют достояние и наших сорабов: что принадлежит Владыке, то принадлежит вообще всем. Разве мы не видим такого устройства в больших домах? Именно, всем поровну выдается определенное количество хлеба, потому что он исходит из житниц домохозяина: дом господский открыт для всех. И все царское принадлежит всем: города, площади, улицы принадлежать всем; мы все в равной мере пользуемся ими. Посмотри на строительство Божие. Он сотворил некоторые предметы общими для всех, чтобы, хотя таким образом, пристыдить человеческий род, как-то: воздух, солнце, воду, землю, небо, море, свет, звезды, – разделил между всеми поровну, как будто между братьями. Для всех Он создал одинаковые глаза, одинаковое тело, одинаковую душу; всем дал одинаковое устройство, всех из земли (произвел), всех от одного мужа, всех поставил в одном и том же доме. Но все это нисколько не послужило к нашему обращению. И другое соделал Он общим, как-то: бани, города, площади, улицы. И заметь, что касательно того, что принадлежит всем, не бывает ни малейшей распри, но все совершается мирно. Если же кто-нибудь покушается отнять что-либо и обратить в свою собственность, то происходит распря, как будто вследствие того, что сама природа негодует на то, что в то время, когда Бог отовсюду собирает нас, мы с особенным усердием стараемся разъединиться между собою, отделиться друг от друга, образуя частное владение, и говорить эти холодные слова: «это твое, а это мое». Тогда

возникают споры, тогда огорчения. А где нет ничего подобного, там ни споры, ни распри не возникают. Следовательно, для нас предназначено скорее общее, чем отдельное владение (вещами), и оно более согласно с самою природою. Отчего никто никогда не заводит тяжбы о владении площадью? Не потому ли, что она принадлежит всем? Между тем видим, что о домах, об имениях все заводят тяжбы. И несмотря на то, что необходимое находится в общем владении всех, мы не наблюдаем общения во владении даже ничтожнейшими предметами. Между тем для того-то Бог и дал нам первое в общее употребление, чтобы мы научились из этого, что и последние должны быть у нас общими со всеми. Но мы и таким образом не вразумляемся. Впрочем (возвращаясь к тому) о чем я уже прежде говорил: каким образом владеющий богатством бывает благ? Конечно, он не благ, но он становится благим, когда раздает другим (свое богатство). Когда не имеет его, тогда он благ; и когда раздает другим, тогда тоже благ; а до тех пор, пока удерживает его при себе, он не бывает благим. Итак, добро ли то, с приобретением чего люди становятся злыми, а с лишением – благими? Поэтому не в том состоит добро, чтобы иметь деньги: напротив неимение денег служит признаком доброго человека. Следовательно, не в богатстве состоит добро. Если, имея случай получить его, не возьмешь, то опять ты сделаешься добрым. Поэтому, если, имея богатство, раздаем его другим, или предложенного нам не берем, мы бываем добры, напротив, если берем или приобретаем его, становимся недобрыми, – то каким образом богатство может быть признано благом? Итак, не называй богатства благом. Ты потому не имеешь богатства, что считаешь его благом, что слишком удивляешься ему. Очисти твой помысл, приобрети здравое суждение о вещах, – и тогда будешь, благ. Узнай, что составляет истинные блага. Какия же это блага? Добродетель, человеколюбие. Благо вот это, а не богатство. Если, следуя этому правилу, будешь милостив, то чем будешь милостивее, тем лучше будешь и сам по себе, и во мнении других. Между тем, будучи богат, не приобретешь этого. Поэтому соделаемся в такой мере благими, чтобы мы на самом деле были благими и сподобились получить будущие блага о Христе Иисусе, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 13

[1Тим.4:11–14](#). Проповедуй сие и учи. Держись; но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте. Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением. Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства.

Обязанности епископа. – Против стремления к наслаждениям.

1. При устроении человеческих дел, иногда требуется наставление, а иногда приказание. Если бы, поэтому ты стал приказывать там, где следует учить, то ты был бы достоин посмеяния. И наоборот, если бы ты начал учить там, где нужно приказывать, то случилось бы с тобою то же самое. Например: что не должно быть злым, этому следует не учить, а приказывать и запрещать с особенною силою; равно как и то следует приказывать, что не нужно придерживаться иудейских заблуждений. Если же ты намереваешься говорить о том, что должно раздавать имение, что должно хранить девство, или если думаешь беседовать о вере, то в таком случае необходимым становится учение. Поэтому и употребляет Павел оба эти выражения: «проповедуй и учи». Например, если кто носит привески или что-нибудь подобное и делает это, зная, что это зло, то в таком случае нужным бывает одно только приказание; а когда, не зная того, – наставление. «Никто да не пренебрегает юностью твоею», – говорит. Видишь ли, что священник должен и приказывать и говорить с властью, а не все учить? Так как юность вследствие общего предрассудка некоторым образом сделалась чем-то легко презираемым, то (апостол) и говорит: «Никто да не пренебрегает юностью твоею». Учитель не должен находиться в пренебрежении. Где же (обнаружит он) скромность, скажешь ты, где кротость, если никогда не испытает пренебрежения? В тех вещах, которы лично его касаются, пусть он подвергается пренебрежению и пусть переносит его, – таким образом, долготерпение содействует успеху учения; а в том, что касается других, – нет, потому что это уже будет не кротость, но равнодушие. Когда он мстит за обиды, нанесенные ему, или за злословие, или за наветы, тогда справедливо обвиняешь его. Когда же дело касается спасения других, тогда приказывай и распоряжайся с полной властью. Здесь уже нужна не кротость, а власть, чтобы не произошло вреда для общества. Или это хочет сказать (апостол), или следующее: пусть никто не презирает тебя из-за твоей юности, то есть, до тех пор,

пока ты будешь вести жизнь приличную (твоему сану), никто не станет пренебрегать тебя за возраст, но еще больше всякий будет удивляться тебе.

Поэтому и прибавляет он следующие слова: «но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте»; во всем подавай собою пример добрых дел. То есть, сам будь первообразом в жизни, являясь пред другими как образ, как одушевленный закон, как правило и устав доброй жизни. Таков должен быть учитель. Словом, – чтобы без затруднения вступать в собеседование. «В житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» – целомудрием. «Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением». Тимофею заповедует заниматься чтением. Послушаем этого все и научимся не нерадеть об изучении Божественных Писаний. Вот опять говорит: «доколе не приду» Видишь ли, как он утешает его? Вероятно, и он сам (Тимофей), как осиротелый, искал этого. «Доколе не приду, – говорит, – занимайся чтением» Божественных Писаний, «наставлением» взаимным, «учению» (обращенному) ко всем. «Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству». Пророчеством называет здесь звание учителя. «С возложением рук священства». Не о пресвитерах говорит он здесь, а об епископах, потому что не пресвитеры рукополагали епископов. «О сем заботься, в сем пребывай» ([1Тим.4:15](#)). Смотри, как часто он наставляет его в одном и том же, желая показать, что учителю больше всего должно стараться об этом. «Вникай в себя, – говорит, – и в учение, занимайся сим постоянно» ([1Тим.4:16](#)). То есть, будь внимателен к самому себе и других учи. «Так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя». Хорошо сказал: «и сам». Тот, кто питает себя словом учения, прежде сам извлекает отсюда пользу, потому что, уча других, и себя приводит в умиление. Впрочем, не к одному Тимофею это сказано, но ко всем. А если (апостол) дает такие наставления тому, кто воскрешал мертвых, то, что скажем мы? Но и Христос на учителей указывает, когда говорит, что царствие небесное подобно человеку «хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» ([Мф.13:52](#)). И опять блаженный Павел, то же самое заповедуя, говорил: «чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду» ([Рим.15:4](#)). И более всех он сам исполнял это, будучи наставляем в отеческом законе, при ногах Гамалиила, так что весьма вероятно и после того он занимался чтением, и тот, кто другим давал такое наставление, прежде самого себя побуждал к этому. Разве не видишь, как он часто приводит свидетельства из пророков и разбирает их? Поэтому, если Павел занимается чтением, – а не маловажная польза истекает от Писаний, – то ужели мы будем лениться и рассеянно

слушать его? И какого наказания мы не будем достойны? «Дабы успех твой, – говорит, – для всех был очевиден» ([1Тим.4:15](#)).

2. Видишь ли, что (апостол) желал, чтобы он (Тимофей) и в этом был велик и достоин удивления? Поэтому говорит таким образом, показывая, что он еще имел в нем нужду. Что значит: «Дабы успех твой для всех был очевиден»? Не в жизни только, говорит он, но и в слове назидания. «Старца (πρεσβυτέρω) не укоряй» ([1Тим.5:1](#)). Не говорит ли он здесь о сане (пресвитерском)? Не думаю, но о всяком престарелом человеке. Отчего же (не поступать с ним так), если он будет иметь нужду в исправлении? «Не укоряй, – говорит, – но так с ним беседуй, как бы ты относился к отцу согрешающему. Младших, как братьев; стариц, как матерей; молодых, как сестер, со всякою чистотою» ([1Тим.5:2](#)). По самому существу дела это, то есть слушание замечаний, тягостно, – и в особенности, когда это случается с престарелым человеком; а если (замечания делаются) к тому же юношею, то это становится втрое безрассудным. Поэтому и нужно смягчать (обличение) кротостию и дружелюбием. Можно ведь обличать без жестокости, если кто захочет упражняться в этом: только для этого требуется большое благоразумие, – однако это возможно. «Младших, – говорит, – как братьев». Зачем и здесь заповедует это? Опять с тою целью, чтобы припомнить свойственную этому возрасту дерзость. Итак, и в этом случае обличение должно смягчаться духом кротости. «Молодых, – говорит, – как сестер, и прибавляет: со всякою чистотою». Не только, говорит, ты должен признавать грехом, но даже, говорит, ты должен не давать повода к подозрению. Так как беседы с молодыми женщинами с трудом избегают подозрения, а между тем епископ должен и это делать, то он прибавляет: «со всякою чистотою», показывая тем, что говорить с ними надлежит со всякою чистотою. Что ты говоришь, скажи мне? Неужели Тимофею заповедуешь это? Да, отвечает он, потому что чрез него я говорю всему миру. Если же Тимофею заповедует это, то пусть подумают все другие, каков должен быть (епископ), чтобы не подать случая к подозрению, ни даже тени оправдания для тех, которые захотели бы клеветать. «Вдовиц почитай, истинных вдовиц» ([1Тим.5:3](#)). Отчего не говорит ничего о девстве, отчего не говорить: почитай дев? Оттого, мне кажется, что тогда их и не было, или были такие, которые пали. «Ибо некоторые, – говорит, – уже совратились вслед сатаны» ([1 Тим.5:15](#)). «Вдовиц почитай, истинных вдовиц», – говорит. Следовательно, можно не иметь мужа, и еще не быть вдовою. Подобно тому, как дева не чрез то становится девою, что она не сочеталась браком, но требуется и многое другое – непорочность, прилежание, так и вдовою делает не одна только

кончина мужа, но терпение с целомудрием и совершенное уединение. Таких вдовиц он заповедует почитать, – и справедливо, потому что они достойны великого уважения, живя одинокими и не имея мужей, которые бы заступались за них. Состояние это многим кажется зазорным и достойным порицания. Поэтому он желает, чтобы она у священника пользовалась великим уважением, и не только по этой причине, но и потому, что она достойна (уважения). «Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям» (1Тим.5:4). Примечай благоразумие Павла, как часто он увещает, обращаясь к человеческим соображениям. Здесь он не упомянул о чем-либо великом и возвышенном, но о том, что для всех удобопонятно. «И воздавать, – говорит, – должное родителям». За что? За воспитание, за возвращение. Например, – ты пользовалась великим попечением; они скончались, и ты не могла заплатить им долг, – ведь в самом деле не ты их родила, не ты воспитала. Итак, заплати им во внуках, воздай долг чрез сынов. «Пусть учатся, – говорит, – почитать свою семью». Проще сказать, он здесь говорит о добрых делах. Потом, чтобы более побудить к этому, прибавляет: «ибо сие угодно Богу». Так как (апостол) сказал: «истинных вдовиц», то теперь он показывает, кто истинная вдовица. «Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь; а сластолюбивая заживо умерла» (1Тим.5:5, 6). Если которая-нибудь, говорит он, будучи вдовою, не обратилась к мирской жизни, то она истинная вдовица; которая уповает на Бога, как следует, упражняется в молитве, проводит в ней день и ночь, та вдовица. Не говорит, что та, которая имеет детей не вдова, – он и ее хвалит, если она воспитает детей, как следует, – но (говорит): если которая не имеет детей, то есть пребывает в одиночестве. Далее он утешает ее в том, что она не имеет детей, говоря, что в том особенно и заключается преимущество вдовицы, что она лишена не только утешения от мужа, но и того счастья, какое приносят дети: взамен всего она имеет Бога. Та, которая не имеет детей, не хуже других; но этим утешением восполняет то, чего ей не достает вследствие того, что у нее нет детей. Поэтому сказанное имеет такой смысл: не скорби, когда услышишь, что должно воспитывать детей, и между тем у тебя их нет, и не думай, будто этим унижается твое достоинство. Ты истинная вдова. Вдова же, «сластолюбивая заживо умерла».

3. Так как многие женщины, имеющие детей, избирают вдовство не для того, чтобы лишиться себя удовольствий жизни, а для того, чтобы более привязаться к ним, чтобы с большею независимостью делать все и больше

отдаваться мирским похотям, то он поэтому говорит: «сластолюбивая заживо умерла». Что ты говоришь? Разве женщина-вдова не должна искать наслаждений? Нет, говорит он. Итак, если та, которая и по природе и по возрасту более немощна, не только не имеет нужды в наслаждении, но даже соделывается причастною смерти, и при том смерти вечной, то что скажут на это мужчины, которые предаются наслаждениям? Справедливо говорит: «сластолюбивая заживо умерла». Но чтобы тебе знать, внимательно посмотрим, какие поступки свойственны живым и какие мертвым, и куда мы должны отнести ее. Живые делают то, что имеет отношение к жизни, жизни будущей, истинной. А что имеет отношение к будущей жизни, о которой мы должны постоянно заботиться, послушай Христа, который говорит: «приидите, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня» ([Мф.25:34, 35](#)). Живые отличаются от мертвых не тем только, что смотрят на солнце и дышат воздухом, – не этим, говорим мы, а тем, что совершают что-нибудь доброе. Если же этого не исполняют, то становятся ничем не лучше мертвых. И чтобы ты узнал это, послушай, как и мертвый может жить. «Бог, – говорится, – не есть Бог мертвых, но живых» ([Мф.22:32](#)). Но это, скажешь, опять загадка. Поэтому разрешим и то, и другое. Всякий, будучи жив, становится мертвым, когда проводит жизнь в наслаждении. Отчего? Оттого, что он живет для одного чрева, а для прочих чувств – нисколько; например, – не видит того, что должно видеть, не слышит того, что должно слышать, не говорит того, что должно говорить, вообще не делает того, что делают живые; но подобно тому, как распростертый на одре, смежив глаза и закрыв веки, вовсе не ощущает того, что кругом его находится, так и этот, или скорее – не так, а гораздо хуже, потому что первый и к добру и к злу равно нечувствителен, а последний ощущает только одно, именно – зло, а для добра, подобно лежащему (мертвецу), неподвижен. Следовательно, таким образом, он и становится мертвым. Его не трогают никакие блага будущей жизни: между тем пьянство, заключив его в свои недра, как бы в какое темное и мрачное убежище и пещеру, полную всякой нечистоты, постоянно заставляет его вращаться во тьме, как мертвых. В самом деле, когда он проводит все время или в обедах, или в пьянстве, то ужели он не во тьме пребывает? Ужели он не мертв? И даже в утреннее время, когда он, по-видимому, трезв, он не бывает вполне трезвым, отчасти потому, что вечернее вино еще не истощилось и не испарилось в нем, отчасти и потому, что им овладевает сильное желание будущих (наслаждений) и что он всегда проводит утро и полдень на пиршестве, и всю ночь и даже большую часть утра в глубоком

сне. Скажи мне: ужели такого мы причислим к живым? Кто в состоянии описать ту жестокою бурю, которая поднимается вследствие пресыщения и устремляется равно на душу, как и на тело? Подобно тому, как сплошная густая туча не дает воссиять лучам солнца, так и пары, которые источают вино и пресыщение, подобно некоему утесу, ударяя в мозг и образуя там густой туман, не позволяют рассудку получить больше простора и погружают пьяного в великий мрак. Подумай, какая же воздвигается буря в душе того, кто испытывает это! Какое смятение! Как во время наводнения, когда вода начинает подниматься выше преддверий мастерских, мы видим, что живущие внутри дома приходят в смятение, и (пускают в дело) и почерпала, и амфоры, и губки, и многие другие средства придумывают для того, чтобы вычерпать (воду), чтобы она не разрушила основания (дома) и всех сосудов не сделала бесполезными, – так и в душе, когда она преисполняется излишних наслаждений, приходят в смятение помыслы, и когда не в силах удалить накопившегося, вследствие того, что опять нечто новое привходит, воздвигается жестокая буря. Не взирай, умоляю тебя, на светлое, радостное лицо, но исследуй то, что происходит внутри души, – и ты увидишь, какой великой скорби она преисполнена. Если бы можно было, выдвинув душу наружу, взглянуть на нее телесными очами, тогда, ты увидел бы душу сластолюбца уничиженною, скорбною, опечаленною и изнемогающею. В самом деле, чем больше тело питается и тучнеет, тем больше душа истощается и становится немощною. Чем больше изнеживается первое, тем глубже зарывается в землю последнее. И подобно тому, как в зенице ока, когда с наружной стороны окружающие ее покровы бывают толсты, не может отразиться предмет, подлежащий зрению, и его нельзя увидеть, потому что луч отражается от толщины покрова и вследствие этого часто происходит тьма, – так и тело, когда оно постоянно питается, очевидно, покрывается излишнею тучностию. Ты, быть может, скажешь, что мертвые гниют, истлевают и из них обильно истекает гной. Но то же самое можно видеть и в сластолюбцах: скопление дурных мокрот, флегму, насморк, одышку, рвоту, отрыжку, – остальное, о чем стыдно даже говорить, я уже оставляю без внимания. Так-то велика власть сластолюбия, – оно заставляет нас делать даже то, о чем не смеем и говорить.

4. Неужели еще станешь спрашивать, каким образом тело расплывается во все стороны? Разве (не оттого), что оно ест и пьет? Но это еще не составляет признака человеческой жизни, потому что и бессловесные едят и пьют. Когда душа лежит, как мертвая, то какую пользу приносит ей пища и питье? Подобно тому, как телу, когда оно

лежит мертвым, не приносят нисколько пользы цветные одежды, покрывающие его, так и мертвая душа не получает ни малейшей пользы оттого, что ее окружает цветущее тело. В самом деле, когда она постоянно ведет речь о поварах, о прислуживающих за столом, о хлебопеках, и никогда не беседует о благочестии, то ужели она не мертва? Посмотрим, впрочем, что такое человек. Внешние говорят: человек есть животное разумное, смертное, одаренное умом и знанием. Но мы не от них позаимствуем определение, – а откуда? Из Божественного Писания. Итак, где Писание приводит определение человека? Послушай, что оно говорит. «Был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» ([Иов.1:1](#)). Вот это человек. И опять другой говорит: «Великое – человек и драгоценное – человек милосердный, но найти правдивого человека трудно» ([Притч. 20:6](#)). Между тем тех, которые не таковы, хотя они наделены разумом и обладают беспредельным знанием, Писание не называет людьми, но псами, конями, ехиднами, змеями, лисами, волками, и всем, что только есть самого презренного между зверями. Если поэтому таков должен быть человек, то, очевидно, сластолюбец не человек. В самом деле, как может быть человеком тот, кто не заботится ни о чем подобном? Нельзя ведь соединить вместе сластолюбие и трезвость, – одно из этих свойств уничтожается другим. И внешние говорят то же, – что толстое брюхо не рождает тонкого ума. Кроме того, Писание иногда называет (таких) людей бездушными: «не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть» ([Быт.6:3](#)). Конечно, они имеют душу; но так как она у них мертва, то и названы плотью. Как о добродетельных мы говорим: весь – душа, весь – дух, хотя они имеют тело, так и о порочных должно сказать противное. Поэтому и Павел говорит: «Но вы не по плоти живете» ([Рим.8:9](#)), так как они не творили дел плоти. Следовательно, сластолюбцы не имеют ни души, ни духа. «Сластолюбивая заживо умерла», – говорит. Послушайте – вы, которые все время проводите на пиршествах и в пьянстве и которые презираете бедных, томящихся и умирающих от голода в то время, когда вы постоянно умираете от наслаждений. Вы становитесь причиной двух смертей, – одной, которая постигает этих несчастных, и другой, которая убивает вас самих, и при том и та и другая есть следствие неумеренности. Напротив, если бы вы своим избытком восполнили их скудость, то вы спасли бы две жизни. Зачем ты расширяешь свое чрево пресыщением? Зачем изнуряешь бедного скудостью? Одно сверх меры утучняешь, а другое сверх меры истощаешь? Помысли, что выходит из яств, во что они обращаются и чем становятся. Но ты, даже слыша об этом, приходишь в негодование? Так зачем же ты

заботишься о том, чтобы больше накопилось этого? Ведь избыток пресыщения не что иное, как умножение помета. Природа знает меру, и то, что превосходит ее, уже не пища, а скорее нечистота и помет. Питай тело, не умерщвляй его. Потому она и называется пищею, чтобы мы питали тело, а не погубляли его. Для того, я думаю, пища и испытывает такое превращение, чтобы мы не возлюбили пресыщения. А если бы этого не было, если бы это не приводило к чему-то, не приносящему никакой пользы, и не становилось бы пагубным для тела, то мы не переставали бы пожирать друг друга. Если бы чрево, принимая в себя столько, сколько бы мы ни захотели, все переваривало и передавало телу, то ты увидел бы бесчисленные войны и споры. В самом деле, если даже теперь, когда из пищи одна часть обращается в помет, а другая в бесполезную и вредную кровь и влагу, мы предаемся сластолюбию и нередко тратим все свое состояние на один только стол, то чего бы не делали, если бы не к этому приводило нас сластолюбие? Чем больше мы предаемся сластолюбию, тем больше исполняем зловония, когда тело, подобно меху, со всех сторон раздувается, когда отрыжка, испытываемая нами, расстраивает мозг близ стоящих, когда из тела со всех сторон истекают смрадные пары, как бы из печи, вследствие сильного накаливания, исполненной внутри зловония. Если же внешние члены в такое приходят расстройство, то что, по твоему мнению, должен испытывать внутри мозг, будучи беспрестанно помрачаем испарениями? В каком положении находятся ручки кипящей крови, когда ей преграждают свободное обращение? Чему подвергаются другие внутренности – печень и селезенка? Что испытывают самые вместилища помета? И хуже всего то, что о (настоящих) вместилищах помета мы заботимся, чтобы они не засорялись и не извергали помета вверх, для того употребляем всевозможные меры, и шестами подталкиваем, и лопатами раскапываем; между тем вместилищ нашего чрева мы не только не очищаем, но даже засариваем и загромождаем, и никакого не обращаем внимания на то, что помет поднимается кверху, туда, где сам царь, то есть мозг, имеет свое пребывание. Мы делаем все это потому, что взираем на него не как на досточтимого царя, а как на какого-нибудь нечистого пса. Бог для того и поместил вдали эти члены, чтобы от них ничто не терпело вреда. Но мы противодействуем этому, и все растлеваем неумеренностью. И кто может исчислить другие, проистекающие отсюда бедствия? Затвори стоки вместилищ (нечистот), – и ты увидишь, что тотчас появится зараза. Следовательно, если отвне встретившееся зловоние рождает заразу, то ужели то, которое находится внутри и со всех сторон окружено тесными пределами тела и нигде не

имеет стока, не причиняет бесчисленных болезней как душе, так и телу? И ужаснее всего то, что многие негодуют на Бога, говоря: что это такое? Он сам определил, чтоб мы носили в себе помет. А между тем сами умножают помет. Но Бог для того так устроил, чтобы, по крайней мере, таким образом отвлечь нас от сластолюбия, чтобы, по крайней мере, чрез это убедить нас в том, что мы не должны прилепляться к мирским благам. А ты, не взирая и на это, не только не перестаешь предаваться сластолюбию, но даже до самого горла, даже до следующего обеденного времени, даже долее, нежели продолжается самое наслаждение, продолжаешь пресыщаться. Разве не прекращается удовольствие сейчас, как скоро (пища) пройдет чрез язык и гортань? Ощущение состоит во вкушении, а после этого оно прекращается, и наступает состояние великого неудовольствия, вследствие того, что желудок или вовсе не переваривает принятую пищу, или делает это с великим трудом. Справедливо поэтому сказал (апостол): «Сластолюбивая заживо умерла». Действительно, душа, преданная сластолюбию, не может ничего ни слышать, ни говорить. Она становится изнеженною, вялою, робкою, несвободною, боязливою, исполненною лютости, неведения, лести, ярости, лености, – полною всех пороков, и чуждою противоположных им добродетелей. Вследствие этого и говорит (апостол): «И сие внушай им, чтобы были беспорочны» ([1Тим.5:7](#)). Видишь ли, что предписание это принимает вид закона? Он не представляет этого свободе каждого, а говорит: заповедуй, чтобы не пресыщались, потому что это явный грех, так что тому, кто ведет роскошную жизнь, нельзя и вовсе неуместно быть причастником таинств. «И сие внушай им, – говорит, – чтобы были беспорочны». Видишь ли, что это отнесено к числу грехов? Между тем, то, что предоставляется свободе каждого, если бы даже и не соблюдалось, нисколько не препятствует быть безукоризненным. Поэтому, повинуюсь Павлу, и мы будем заповедовать, что вдовицы, которые преданы сластолюбию, должны быть исключены из числа вдовиц. В самом деле, если воин, который занимается банями, театрами и торговлею, подвергается осуждению наравне с беглецом, то тем более это должно сказать о вдовицах. Не будем же здесь искать покоя, чтобы там обрести его. Не будем здесь предаваться наслаждению, чтобы там вкусить истинного наслаждения, истинного удовольствия, которое не причиняет никакого зла и заключает в себе бесчисленные блага, коих да сподобимся мы все получить о Христе Иисусе, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 14

[1 Тим.5:8](#). Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного.

h6 Обязанность заботиться о родных. – О вдовицах. – Описание жизни монахов.

1. Многие полагают, что для спасения им довольно собственной добродетели, и что если они хорошо будут располагать своею жизнью, то для спасения им уже больше ничего не будет недоставать. Но они думают неправильно. И это доказал тот, который закопал один талант, принес его не уменьшенным, но возвратил целым и таким, каким получил. То же доказывает и здесь блаженный Павел, когда говорит: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется». Попечение понимает всякое – и о душе, и о теле, так как и последнее тоже есть попечение. Тот, кто не печется о своих, «особенно о домашних, то есть, принадлежащих к его роду, хуже неверного». Это говорит и Йсаия, глава пророков: «от единокровного твоего не укрывайся» ([Ис.58:7](#)). Действительно, как может быть милостивым к посторонним тот, кто презирает людей одного с собою рода и свойственников своих? Не назовут ли все тщеславию то, когда кто, благодетельствуя чужим, презирает и не щадит своих? Или, с другой стороны, если, наставляя первых, он оставляет в заблуждении последних, несмотря на то, что благотворить последним было бы для него и удобнее и справедливее? Без сомнения. Разве не скажут тогда, что можно ли назвать милостивыми христиан, когда презирают они своих? «И неверного, – говорит, – хуже». Почему? Потому что последний, если и презирает чужих, то, по крайней мере, не презирает близких себе. Сказанное (апостолом) имеет такой смысл: кто нерадит о своих, тот нарушает и закон Божий, и закон природы. Если же непекущийся о присных отрекся от веры и стал хуже неверного, то куда должен быть отнесен и где займет место тот, кто обижает присных своих? Но каким образом он отрекся от веры? «Они говорят, что знают Бога, – говорит, – а делами отрекаются» ([Тит.1:16](#)). Между тем, что заповедует Бог, в которого веруем? Не презирать тех, которые связаны с нами племенным родством. Каким же образом может веровать отрицающий это? Подумаем об этом все, которые, сберегая деньги, презираем ближних. Бог для того, и учредил родственные связи, чтобы мы имели больше случаев благотворить друг другу. Поэтому, если ты не делаешь того, что делает неверный, то ужели ты не отказался от

веры? Итак, не в том состоит вера, чтобы веровать только исповеданием, но нужно еще являть праведные дела. Можно и во всяком деле веровать, и не веровать. Сказав о пресыщении и сластолюбии, (апостол) говорит, что она не оттого только погибает, что пресыщается, но и оттого, что принуждена бывает презирать ближних. И говорит это справедливо, потому что та, которая жила для чрева, оттого и погибла, что отверглась веры. Но почему становится хуже неверного? Потому что не все равно – презирать, ближнего, и дальнего. Отчего же? Оттого, что гораздо зазорнее презирать знакомого, нежели незнакомого, – друга, нежели недруга.

«Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа, известная по добрым делам» ([1Тим.5:9–10](#)). (Апостол) говорил: «пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям», – говорил, что «сластолюбивая заживо умерла», – говорил, – «Если же кто о домашних не печется, тот хуже неверного» – говорил, что, которая этого не имеет, та не достойна занимать место в числе вдовиц. А теперь он говорит, что должна она иметь. Что же? Разве будем судить о ней по летам? Какая же в этом заслуга? Ведь не от нее зависело прожить шестьдесят лет. Не по одному возрасту только (должно судить), говорит он, так что если бы она и переступила за этот возраст, но не имела заслуг, то и тогда не должна быть причисляема (к вдовам). Почему он с такой точностию определяет возраст, причину этого указывает после, основываясь не на своем только соображении, но на положении самих вдовиц. Пока же выслушаем дальнейшие слова. «Известная, – говорит, – по добрым делам». В каких делах? «Если она воспитала детей» ([1Тим.5:10](#)). Поистине, немаловажное это дело – воспитать детей. Но воспитание детей не в том состоит, чтобы просто только кормить детей, а воспитать, как должно, подобно тому, как и выше сказал (апостол): «если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» ([1Тим.2:15](#)). Видишь ли, как везде он ставит благодеяния, оказанные близким, выше оказываемых чужим? Прежде говорит: «Если она воспитала детей», а потом: «принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу» ([1Тим.5:10](#)). Но что, если она бедна? И тогда она не лишается возможности ни воспитывать детей, ни принимать странников, ни утешать скорбных. Она не беднее той, которая положила два оболы. Допустим, что она бедна, однакож она имеет дом, живет не на открытом воздухе. «Если святым, – говорит, – ноги умывала». Это не требует издержек. «Известная по добрым делам». Какую заповедь здесь он дает? Он заповедует оказывать вещественное пособие, так как женщины особенно способны

прислужить, постлатъ постель, успокоить.

2. О, какого великого совершенства требует он от вдовицы! Почти такого же, как и от лица, облеченного епископским саном, – потому что выражение: «известная по добрым делам» имеет такой смысл, что если она сама не могла этого сделать, то по крайней мере принимала участие, служила. Отсекая роскошь, (апостол) хочет, чтобы она была заботлива, распорядительна, постоянно пребывала на молитве. Такова была Анна. Смотри, он требует от вдовицы такого совершенства, какого не требует даже от девственниц, несмотря на то, что и от этих последних требовал великого совершенства и высокой добродетели, – именно, сказав: «благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения». ([1 Кор.7:35](#)), он как бы в общих чертах обозначает всякую добродетель. Видишь ли, что для того, чтобы сделаться вдовицею, не довольно не вступать во второй брак, но нужно и многое другое? В самом деле, отчего, скажи мне, убеждает ее не вступать во второй брак? Разве он осуждал это? Нет; это свойственно только еретикам. Но он хотел, чтобы она после того упражнялась в подвигах духовных и обратилась к добродетели; а брак, хотя и не нечист, однакож соединен с заботами. Поэтому сказал: «да упражняются» ([1 Кор.7:5](#)), не говорит: да очистятся. Действительно, брак причиняет много забот. Следовательно, если ты не вступаешь в брак потому, что хочешь упражняться в страхе Божиим, и между тем не упражняешься, то не принесет тебе никакой пользы и то, что ты всячески служишь пришельцам и святым. Итак, когда ты не делаешь этого, то (очевидно) воздерживаешься от брака больше потому, что осуждаешь это дело. Так и девственница – если она не всецело сраспалась Христу – отвергает брак, потому что осуждает его, как скверный и нечистый. Видишь ли, что (апостол) гостеприимством называет не просто одно благорасположение, но соединенное со старанием, с добрым намерением, с усердием, которое так принимается за дело, как бы (готовясь) принимать самого Христа? Он хочет, чтобы служения святым они не поручали служанкам, но делали это сами лично. «Итак, если Я, – говорит (Господь), – Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу» ([Ин. 13:14](#)). Хотя бы которая-нибудь из них была даже до бесконечности богата, хотя бы она достигла величайшей известности и превозносилась знатнастью рода своих предков, но и тогда не будет такого расстояния, какое было между Богом и учениками. Если ты принимаешь странника, как Христа, то нечего тебе стыдиться, напротив даже хвались этим делом; если же принимаешь его не как Христа, то лучше вовсе не принимай. «Кто принимает вас, принимает Меня», – сказал (Господь)

([Мф.10:40](#)). Если ты не так принимаешь, не получишь и воздаяния. Авраам, как ему казалось, принимал людей, мимоидущих путников; между тем не все нужное для принятия их поручил приготовить домочадцам, но большую часть служения и сам лично совершил, и жене приказал месить муку, несмотря на то, что имел триста восемнадцать домочадцев, между которыми, вероятно, были и служанки. Он желал вместе с женою получить награду не только за издержки, но и за служение. Так мы должны исполнять долг гостеприимства, делая все сами, чтобы мы сами освятились, чтобы и наши руки были благословляемы. И когда подаешь нищему, непогнушайся дать сам: ведь даешь не нищему, а Христу. Между тем, кто может быть столь жалок, чтобы гнушался протянуть руку Христу? Вот в чем состоит гостеприимство, вот что значит действительно делать ради Бога. А если ты с гордостью станешь распоряжаться, то хотя бы приказал (страннику) занять первое место, это не будет гостеприимством и не будет совершаться ради Бога. Странник имеет нужду и во многих услугах и в великом ободрении, так как трудно ему и после этого не краснеть. Так как дело по самой природе таково, что человек, приемлющий благодеяние, стыдится, то избытком услуг надлежит рассеивать его стыд и показывать и словом, и делом, что благотворящий не благотворит, а сам находит благо, и скорее получает благодеяние, нежели оказывает. Таким образом, заслуга увеличивается вследствие свободного намерения. Подобно тому, как тот, кто думает, что несет убыток, все теряет, равно как и тот, кто думает, что благотворит, все теряет, так и тот, кто думает, что принимает благодеяние, еще больше приобретает. «Ибо доброхотно дающего любит Бог» ([2 Кор. 9:7](#)). Поэтому ты должен еще благодарить нищего за то, что он берет. Если бы не было нищих, то ты не освободился бы от множества грехов: они – врачи твоих язв, их руки предлагают тебе лекарство. Не в такой мере врач приносит тебе исцеление, когда протягивает руки и прикладывает лекарство, в какой мере снимает с тебя бремя твоих грехов нищий, когда протягивает руку и принимает от тебя милостыню. Ты дал ему серебро, – и вместе с ним удалились твои грехи. Таковы и священники: «Грехами народа Моего, – говорится, – кормятся они» ([Ос. 4:8](#)). Таким образом, ты больше получаешь, нежели даешь, скорее принимаешь благодеяние, нежели благодетельствуешь; даешь взаймы Богу, а не людям, увеличиваешь богатство, а не уменьшаешь; уменьшаешь же, если не убавляешь его, если не даешь. «Если принимала странников, – говорит, – умывала ноги святым». Каких именно святых? Тех, которые переносят скорби, а не вообще святых, потому что могут быть святые, пользующиеся от всех великими услугами. Не за теми ходи,

которые живут в изобилии, а за теми, которых жизнь проходит в скорбях, в неизвестности, которых знают немногие. «Так как вы сделали это, – говорит Господь, – одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.» ([Мф.25:40](#)).

3. Не предоставляй предстоятелю Церкви разделять милостыню; сама послужи, чтобы получить награду не только за издержки, но и за служение; давай собственными руками, сама засевай ниву. Здесь не нужно ни водружать плуг, ни запрягать волов, ни выжидать время, ни рассекать землю, ни бороться со стужею; этот посев избавлен от всех таких заботу. Ты сеешь на небе, где нет ни стужи, ни зимы, ни чего-либо другого; ты сеешь в душах, откуда никто не похитит того, что посеяно, но где оно сохранится постоянно, и с великою заботливостью, и с великим тщанием. Сам сей. Для чего ты сам себя лишаешь награды? Великая бывает награда и за то, когда кто может распределять и достойные других. Награда бывает не только за то, когда кто дает, но и за то, когда хорошо распределяет данное другим. Почему ты именно не получаешь награды? А что и за это бывает награда, послушай, что говорить (Писание): поставили апостолы Стефана с прочими на служение вдовицам ([Деян.6](#)). Будь поэтому и ты распределителем твоих благ; на это поставляют тебя человеколюбие, страх Божий. Это избавляет от тщеславия, это утешает душу, это освящает руки, это усмиряет помысл, это учит любомудрию, это соделывает тебя более усердным, это дает тебе возможность снискивать благословение; ты отходишь, приемля на главу свою обильные благословения вдовиц. Соделайся более ревностным в молитвах, отыскивай святых мужей – истинно святых, которые сидят в пустынях, которые не могут просить, прилепившись к Богу; соверши дальний путь, подай лично сам; сам и получишь много пользы, если подашь. Видишь ли кущу и временное пристанище? Видишь ли пустыню? Видишь ли уединенное место? Часто, отправившись в путь для раздачи денег, ты всецело предал душу, и был задержан, и стал пленником, и явился пришельцем в мире. Посещение нищих составляет тоже великое дело. «Лучше, – говорится, – ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира» ([Еккл.7:2](#)). В последнем душа воспламеняется страстию, потому что если и ты можешь таким же образом пресыщаться, то получаешь побуждение к роскоши, а если не можешь, – чувствуешь печаль. Напротив, в доме плача не бывает ничего такого: там, не имея возможности пресыщаться, не огорчаешься, а когда имеешь ее, – воздерживаешься.

Воистину монастыри дома плача: там власяница и пепел, там уединение, там нет ни смеха, ни роя житейских забот, там пост, там

возлежание на земле, там все удалено от запаха крови, от шума, смятения и людской суеты. Монастыри – тихая пристань. Они подобны светочам, которые, будучи помещены в пристани, с высоты светят людям, приходящим издалека, привлекая всех к своей тишине, не допуская тех, которые обращают взор свой на них, подвергнуться кораблекрушению, и тем, кто взирает на них, не позволяя пребывать во мраке. Иди к ним, дружески приветствуй, приступи, прикоснись к ногам святых: гораздо ведь почетнее прикоснуться к их ногам, нежели к голове других людей. Скажи мне: если некоторые обнимают ноги статуй, потому что они вполне представляют царский образ, то ужели ты не обнимешь ног того, кто носит в себе образ Христа, чтобы получить спасение? Святые эти ноги, хотя и исхудалые; между тем у нечестивых даже голова не заслуживает уважения. Ноги святых имеют великую силу. Потому-то и ниспосылают наказание, когда отряхивают с себя прах. Когда к нам придет святой человек, мы не должны стыдиться сделать для него что-либо подобное этому. А святые – все те, которые имеют правую веру и живут благочестиво; они – святые, хотя бы не творили знамений и не изгоняли демонов. Иди к кушам святых. Искать убежища в монастыре святого мужа значит то же самое, что удаляться от земли на небо. Там ты не видишь того, что видишь дома: место это чисто во всех отношениях, там царствует молчание и глубокая тишина, там нет твоего и моего. Если же проведешь там день или два, то почувствуешь тогда еще больше удовольствия. Наступает день, или лучше, пред наступлением дня пропел петух, – и там нет того, что бывает дома: слуги храпят, двери заперты, все спят, как мертвые, погонщик мулов звенит колокольчиками. Там нет ничего такого; но все, когда настоятель разбудит их, тотчас, с благоговением отложив сон, встают и, составив священный лик, становятся в ряд, и вдруг простирают руки горе и воспевают священные гимны. Они не нуждаются подобно нам во многих часах для того, чтобы разогнать сон и облегчить тяжесть в голове. Мы, когда встаем, сидим, долгое время, вытягиваясь, и идем за нуждою; потом умываем лицо, руки; затем надеваем обувь и платье, – и времени у нас проходит много.

4. А там нет ничего такого: там никто не призывает слуг, потому что всякий сам себе может помочь, не требует многих одежд, не нуждается и в том, чтобы разогнать сон, но лишь только открыл глаза, вследствие трезвенной своей жизни, походит уже на того, кто долгое время бодрствовал. Действительно, когда сердце, не будучи отягчено яствами, не погружается в земное, то оно не имеет нужды в долгом времени, чтобы воспрянуть, но тотчас является трезвенным. Руки их всегда чисты, потому

что и сон их бывает благопристойным: там не услышишь ни храпящих, ни зевающих, не увидишь ни раскинувшегося во сне, ни обнаженного, но все спят, лежа благоприличнее, нежели бодрствующие. Все же это происходит от доброго настроения души. Они поистине святые, – ангелы между людьми. И не удивляйся, слыша это, – великий страх пред Богом не позволяет впасть им в глубокий сон и погружать в него душу, но он (сон) как бы снаружи прикасается, только для успокоения их. А если таков их сон, то по необходимости таковы должны быть и их сновидения, – они не бывают исполнены мечтаний и страшных видений. Но вот, как я сказал, пропоет петух, – и тотчас приходит настоятель и, ногою просто толкнув лежащего, поднимает всех, потому что там не позволено спать нагим. Встав, они тотчас становятся в ряд, и с великим согласием и мелодическою стройностию поют пророческие гимны. Ни гусли, ни свирель, ни иное какое-либо музыкальное орудие не издает такого звука, какой можно слышать в глубокой тишине и в пустыне, когда поют эти святые люди. И самые эти песни плодотворны и исполнены любви к Богу. «Во время ночи – говорится, – Воздвигните руки ваши» к Богу ([Псал.133:1–2](#)), и опять: от нощи утренует дух мой к Тебе, Боже, зане свет повеления Твоя на земли Не скрой от меня лица Твоего; «не отринь во гневе раба Твоего. Ты был помощником моим; не отвергни меня и не оставь меня, Боже, Спаситель мой!» ([Псал.29:9](#)). (Поют они) и песни Давидовы, исторгающие обильные потоки слез. Ведь когда воспевал он их, говоря: «Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» ([Псал.6:7](#)); и опять: «Я ем пепел, как хлеб» ([Псал.101:10](#)); и опять: «что есть человек, что Ты помнишь его» ([Псал. 8:5](#))? «Человек подобен дуновению; дни его – как уклоняющаяся тень» ([Псал.143:4](#)); также: «Не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается» ([Псал. 48:17](#)); и опять: (Бог) вселяющий единомысленныя в дом «Бог одиноких вводит в дом» ([Псал. 67:7](#)); также: «Семикратно в день прославляю Тебя за суды правды Твоей» ([Псал. 118:164](#)); и опять: «В полночь вставал славословить Тебя за праведные суды Твои» ([Псал. 118:62](#)); также: «Но Бог избавит душу мою от власти преисподней, когда примет меня» ([Псал.48:16](#)); и еще: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной» ([Псал.22:4](#)); и опять: «Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень» ([Псал.90:5, 6](#)); и опять: «считают нас за овец, обреченных на заклание» ([Псал.43:23](#)), – тогда выражал пламенную свою любовь к Богу. А когда опять они поют вместе с ангелами (потому что и ангелы тогда поют), говоря: «Хвалите Господа с небес» ([Псал. 148:1](#)),

между тем как мы в это время зеваем, чешемся, храпим, или просто лежим навзничь и придумываем тысячи обманов, то какое благо приносит им то, что они в этом проводят всю ночь? Когда же начинает рассветать, тогда они, наконец, отдыхают, и в то время как мы начинаем свои дела, они имеют час отдыха. С наступлением дня, каждый из нас, позвав другого, ведет с ним речь о дневных расходах; затем один выходит на общественную площадь, является к начальнику, дрожит, боится наказаний; другой идет на зрелище; иной к своим занятиям. Между тем они, окончив утренние молитвы и песнопения, обращаются к чтению Писаний. Есть между ними и такие, которые научились списывать книги. Каждый из них, заняв одно отдельное жилище, постоянно упражняется в молчании, никто не суесловит, никто ничего не говорит. Потом совершают они третий, шестой, девятый час и вечернее молитвословие, и, разделив день на четыре части, по окончании каждой из них прославляют Бога псалмопениями и гимнами. Тогда как все прочие обедают, смеются, забавляются, преисполняют себя излишними яствами, они занимаются пением гимнов, не имея времени ни для трапезы, ни для чувственных удовольствий. И после обеда опять принимаются они за те же упражнения, подкрепив себя сперва сном. Миряне и днем спят, а те и ночью бодрствуют. Воистину они – сыны света. Первые, проведши большую часть дня во сне, становятся тяжелыми; а последние, до позднего времени оставаясь без пищи и занимаясь гимнами, все еще трезвятся. Когда же наступает вечер, первые спешат в бани и на увеселения, а последние, освободившись от трудов, наконец, садятся за трапезу, и не поднимают толпы слуг, не бегают по дому, не производят шума, не предлагают множества блюд, распространяющих запах мяса, но подают – одни только хлеб и соль, а другие прибавляют еще елея; у иных, более немощных, подаются еще травы и овощи. Потом, посидев немного времени, или скорее, завершив день пением гимнов, каждый из них опочивает на постели, приспособленной к тому, чтобы найти на ней не негу, а только успокоение. Нет там ни страха пред правителями, ни надменности, свойственной вельможам, ни рабской боязни, ни женского шума, ни детского крика; нет там множества сундуков, ни излишнего скопления риз, ни золота, ни серебра; нет у них ни внутренней, ни внешней стражи; нет ни сокровищницы и ничего такого; но все исполнено молитвы, все гимнов, духовного благоухания; там нет ничего плотского. Не боятся они нападения разбойников, потому что не имеют ничего такого, чего могли бы лишиться; денег нет, есть только тело да душа. Если бы ее отняли у них, то принесли бы им не вред, а пользу. «Ибо для меня, – говорит

(апостол), – жизнь – Христос, и смерть – приобретение» ([Флп.1:21](#)). Они отрешились от всех уз. «Глас радости и спасения в жилищах праведников» ([Псал.117:15](#)).

5. Не слышно там ни воплей, ни рыданий: под этим кровом нет таких огорчений, нет таких возгласов. Умирают, конечно, и у них, – потому что по телу они не бессмертны, – но смерти не почитают смертью. И отшедших провожают с гимнами, называя это сопутствованием, а не выносом. Как скоро становится известным, что кто-нибудь скончался, сейчас настает великая радость, великое удовольствие. Вернее же – никто даже и сказать не смеет, что такой-то скончался, но говорят: такой-то достиг совершенства. Потом бывает благодарение, великое славословие и веселие, при чем каждый молится, чтобы и ему иметь такую же кончину, таким же образом выйти из этой борьбы, опочить от трудов и подвигов и узреть Христа. Если же кто заболит, то не слезы, не стенания, а опять молитвы; и часто не руки врачей, а одна вера восстанавливает болящего. Но если понадобится и врач, то и тут является великое любомудрие, великое терпение. Не предстоит жена с распущенными волосами, не присутствуют дети, оплакивающие свое, еще не наступившее, сиротство, не упрашивают умирающего господина рабы, чтобы он как-нибудь обеспечил их: душа его свободна от всего этого и смотрит только на одно – на последний вздох, как бы отойти возлюбленную Богом. Если и приключается болезнь, то приключается не от обжорства и не от пьянства, но и самые причины болезней бывают достойны похвал, а не осуждения, равно как и самые (болезни): болезни происходят или от бдения, или от усиленного поста, или от других таких же причин, почему и легко излечиваются, – для излечения всех этих недугов им довольно только не в такой степени трудиться.

6. Иной спросит: а скажи мне, умывал ли кто-нибудь ноги святых в церкви; можно ли и здесь найти таких? Можно, и очень можно; на том основании только, что мы описывали жизнь этих людей, не станем пренебрегать теми, которые пребывают в церквях. Много таких часто бывает и среди церквей; но они скрываются. Следовательно, мы не должны презирать их за то, что они ходят по домам, отправляются на торжища и занимают начальнические должности. И Бог заповедал это. «Защищайте сироту, – говорит Он, – вступайтесь за вдову» ([Ис. 1:17](#)). Много путей добродетели, подобно тому, как многообразны бывают и жемчужины; хотя все они называются жемчужинами, но одна светла и со всех сторон кругла, а другая этой красоты не имеет, а имеет иную. Какую же именно? Подобно кораллу, искусно обделанному, они имеют продолговатый вид,

выточенные углы и другой цвет гораздо приятнее белого, именно – одни имеют зеленый цвет, который гораздо красивее всякой зелени, другие свежестию краски уподобляются цвету крови, третьи бывают синее моря, иные блистательнее пурпура; можно находить бесчисленное множество и других, которые столь же разнообразны, как цветки, и уподобляются цвету солнечных лучей. Таковы и святые, именно – одни стараются усовершенствовать самих себя, другие содействуют устройению церкви. Хорошо поэтому сказал (апостол): «Если умывала ноги святым, помогала бедствующим». Он сказал это с тою целью, чтобы всех побудить к подражанию. Поэтому и мы поспешим исполнить это, чтобы и мы могли похвалиться тем, что умывали ноги святых. Если же надобно умывать им ноги, то тем более следует подавать им из рук деньги и заботиться о том, чтобы это оставалось тайным. «Пусть левая рука, – говорит (Господь), – твоя не знает, что делает правая» ([Мф.6:3](#)). Зачем берешь с собою тысячи свидетелей? Пусть не знает об этом ни слуга, ни – если можно – жена. Много бывает соблазнов со стороны лукавого. Часто случается, что прежде она никогда не препятствовала, а тут станет препятствовать, или вследствие тщеславия, или вследствие чего-либо другого. Потому-то и Авраам, несмотря на то, что у него была достойная удивления жена, намереваясь принести в жертву сына, скрыл это от нее, – хотя и не знал, что должно было произойти, так как он был уверен, что действительно принесет его в жертву. Но что сказал бы на это человек из толпы народа? Не сказал ли бы он: кто тот, который решается сделать это? Не обвинил ли бы его в бесчувственности и жестокости? Жена не сподобилась даже посмотреть на свое дитя, слышать последний его вопль, взглянуть на него, когда он будет испускать дух; он взял и повел его будто пленника. Но ни о чем таком не помышлял этот праведник, воодушевившись любовью. Он не видел ничего другого, кроме того, как бы исполнить то, что было ему заповедано, и не было там ни раба, ни жены; он даже и сам не знал, что произойдет, но старался принести вполне чистую жертву, не оскверненную ни слезами, ни противоречием. Смотри же, с какой кротостию спрашивает его Исаак и что говорит ему: «вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Что же отвечает отец? Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой» ([Быт.22:7, 8](#)). Это сказано было и как бы пророчески, то есть – что Бог узрит Себе Сына во всесожжение; и так тогда случилось. Но для чего, скажи, скрываешь ты это от имевшего быть закланым? Конечно, скажешь, я боялся, чтобы он не был поражен ужасом, – боялся, чтобы он не явился недостойным. Видишь ли, с какою точностью все он делал? Следовательно, хорошо сказало Писание: «Пусть

левая рука твоя не знает, что делает правая» ([Мф.6:3](#)), то есть – хотя бы мы смотрели на кого, как на собственный член, однако не должны, без крайней необходимости, спешить открывать ему свои намерения, потому что от этого происходит много бед, и кто увлекается тщеславием, тот часто встречает в этом препятствие. Потому мы должны, если можно, скрываться и от самих себя, чтобы могли стяжать обетованные блага благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне я присно, и во веки веков.

Беседа 15

[1 Тим.5:11–15](#). Молодых же вдовиц не принимай, ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру; притом же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и *бывают* не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно. Итак я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию; ибо некоторые уже сокрушились вслед сатаны.

Праздность научает всякому злу. – Изменчивость и скоротечность земной жизни.

1. Павел, сказав многое о вдовицах, определив их возраст следующими словами: «Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя», и показав качества вдовицы, говоря: «если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым» ([1 Тим. 5,10](#)), здесь опять говорит: «Молодых же вдовиц не принимай». Между тем касательно дев, несмотря на то, что вопрос этот был гораздо важнее, он ничего такого не заповедует. И справедливо. Почему? Потому что девы обязывались к более высокому (служению), и ради более возвышенных целей учреждалось это звание. Поэтому (такие заповеди как) «принимала странников, умывала ноги святым», и все тому подобные он опустил в виду усердия (дев), а также сказанного: «незамужняя заботится о Господнем» ([1 Кор. 7:34](#)). Если же он не определяет с точностью времени, то этому не удивляйся: из вышесказанного весьма ясно открывается и это. Впрочем, я уже сказал, что последние избирали девство ради более возвышенных целей. Кроме того, здесь, у первых, уже случались падения, и они сами дали повод к установлению такого закона, между тем как там ничего такого не было. Что некоторые уже пали, это явствует из следующих слов: «ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак»; и опять: «ибо некоторые уже сокрушились вслед сатаны». «Молодых же вдовиц не принимай». Почему? «Ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак». Что это значит: «впадая в роскошь»? Когда становятся распутными, изнеженными; подобно тому, как если бы кто-либо сказал честному мужу: отпусти ее, потому что она принадлежала другому. Таким образом, (апостол) показывает, что они избрали вдовство легкомысленно, не подумав хорошо.

Следовательно, и вдовица своим вдовством обручается Христу: я, говорит, покровитель вдов и отец сирот. (Апостол) показывает, что они неправильно избирают вдовство, а развращаются, и однакож терпит их, хотя в другом месте говорит: «я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» ([2 Кор.11:2](#)). Несмотря на то, говорит, что они посвятили себя ему (Христу), «желают вступать в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру». Верою называет обет, истину; как бы так говорит: обманули его, нарушили обет. «Притом же они, будучи праздны, приучаются». Следовательно, не только мужчинам заповедует трудиться, но и женщинам, потому что праздность научает всякому злу. Не этой только вине, говорит, он подлежат они, но и другим грехам. Если же женщине неприлично ходить по домам, то тем более дева. «Не только праздны, – говорит, – но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно. Итак я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом». Итак, что выйдет из того, когда они откажутся и от попечения о мужах, и не приложат старания о Боге? Тогда они, без сомнения, сделаются праздными, болтливыми, без нужды пытливыми. Действительно, кто не заботится о своем, тот непременно будет заботиться о чужом, равно как заботящийся о своем и говорить не станет о чужом, и не будет иметь никакого о том попечения. «И говорят, чего не должно». Нет ничего в такой степени неприличного женщине, как всячески разузнавать чужие дела; впрочем не только женщине, но и мужчине, потому что это величайший признак бесстыдства и наглости. «Итак я желаю». Так как они сами хотят, то и я хочу, чтобы юные вдовицы вступали в брак, рождали детей, занимались хозяйством, сидели дома, потому что делать это гораздо лучше, нежели что-либо другое. Правда, следовало им иметь попечение о службе Божией, следовало хранить веру; но если этого нет, то лучше, чтобы было последнее, чем первое, потому что в таком случае и Бог не бывает отвергаем, и сами они не учатся этому. От того вдовства не будет никакой пользы; а от этого брака (может быть) много благ: вследствие него беспечный и ленивый их ум может обратиться (к добру). Но отчего, спросишь ты, (апостол) не сказал, что так как вдовицы пали, то они должны употребить особенное старание, чтобы не испытать того, о чем я говорил, но заповедует вступать в брак? Оттого, что (вступать в брак) не запрещено, оттого, что он поставляет в безопасное положение; поэтому и прибавляет: «и не подавали противнику никакого повода к злоречию. Ибо некоторые уже совратились вслед сатаны». Итак, он отвергает таких вдовиц, желая не того, чтобы они не были молоды, но, желая того, чтобы они прелюбодействовали, не желая, чтобы они были

праздны, без нужды пытливы, чтобы говорили, чего не следует, не желая, чтобы диавол находил в них повод (к осуждению); так что, если бы этого не было, то он и не отвергал бы их.

«Если какой верный или верная имеет вдов, то должны их довольствовать и не обременять Церкви, чтобы она могла довольствовать истинных вдовиц» (1Тим.5:16). Видишь, как опять он истинными вдовицами называет совершенно одиноких, не имеющих ни откуда утешения? Так, действительно, было лучше. Отсюда проистекали два величайшие (блага): одни находили повод делать добро, другие были хорошо пропитываемы, и Церковь не обременялась. Кстати он прибавил: «если какой верный», – потому что верные не должны были получать пропитание от неверных, чтобы не казалось, будто имеют в них нужду. И смотри, как утешительна (его речь). Не сказал: да будет доставляемо им роскошное содержание, но: «должны их довольствовать», Церковь, «чтобы она могла довольствовать истинных вдовиц». Следовательно, и за такую помощь она получает награду; помогая Церкви, она не ей только помогает, но и тем (вдовицам), когда доставляет им обильное содержание. «Я желаю молодым» – что? Пресыщаться? Или предаваться неге? Ничего такого, но «вступать в брак, рождать детей, управлять домом» А чтобы ты не подумал, будто он увещевает их проводить жизнь в удовольствиях, он прибавил: «и не подавали противнику никакого повода к злоречию». Им надлежало быть выше житейских нужд, но так как они стали ниже их то, по крайней мере, на той степени должны были стоять. «Достоинно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении. Ибо Писание говорит: не заграждай рта у вола молотящего; и: трудящийся достоин награды своей» (1Тим.5:17–18).

2. Честию здесь называет попечение, доставление всего необходимого. Это видно из слов: «не заграждай рта у вола молотящего; и трудящийся достоин награды своей» Следовательно, и в том случае, когда говорит: «вдовиц почитай» (1 Тим.5:3), говорит это о необходимой для них пище; «чтобы она могла довольствовать истинных вдовиц», – говорит он; и опять: «почитай, истинных вдовиц», т. е. бедных, потому что чем беднее, которая из них, тем она больше вдовица. Здесь приводит и постановление закона, и заповедь Христову, – и то и другое согласны между собою. Закон именно говорит: «не заграждай рта у вола молотящего». Видишь ли, каких трудов требует он от учителя? Нет, воистину нет другого труда, равного его труду. Но это – постановление закона. Какую же приводит он заповедь Христову? «Трудящийся, – говорит, – достоин награды своей». Поэтому не

на одну только награду мы должны обращать внимание, но и на то, как повелено; а он говорит: «трудящийся достоин пищи своей» Следовательно, тот, кто предаётся удовольствиям и успокоению, не достоин ее. Кто не волнующий, кто не несет терпеливо ярма, не обращая внимания на жар и терние, и не прежде оставляет его, как по собрании плодов в житницу, тот не достоин ее. Поэтому надобно, чтобы учителям все необходимое было доставляемо в изобилии, чтобы они не трудились (для этого сами), не изнемогали и, занимаясь маловажным, не лишались великого, чтобы они упражнялись в духовных подвигах, нисколько не заботясь о житейских делах. Таковы были левиты: у них не было никакой заботы о житейском, потому что попечение о них имели миряне и законом определены были их доходы, как-то: десятины, известное количество златниц, начатки, молитвы, и многое другое. Но им естественно назначалось это по закону, так как они искали настоящего; а я говорю, что предстоятели не должны иметь ничего больше, кроме пищи и одежды, чтобы они не развлекались этим. Что же значит: «сугубую честь»? Сугубой по отношению к вдовицам, или по отношению к диаконам, или просто – сугубой чести, то есть, великой. Поэтому мы должны обращать внимание не только на то, что (апостол) удостаивает их сугубой чести, но и на то, что он говорит дальше: «Достойно начальствующим». Что же значит: «Достойно начальствующим»? Послушаем, что говорит Христос: «пастырь добрый душу свою полагает за овцы» ([Ин.10:11](#)). Следовательно, в том состоит хорошее предстоятельство, чтобы ради попечения о них не щадить ничего. «Особенно тем, – говорит, – которые трудятся в слове и учении». Где теперь те, которые утверждают, что ненужно слова и учения? Между тем и Тимофею он дает столько увещаний, говоря: «О сем заботься, в сем пребывай» ([1 Тим.4:15](#)); и опять: «занимайся чтением, наставлением; так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя» ([1 Тим.4:13, 16](#)). Равным образом он хочет, чтобы таких почитали больше, нежели всех других. И приводит причину: они, говорит, подъемлют великий труд. И справедливо. Тогда как другой и не бодрствует, и не печется, но остается без заботы и печали, тот трудится, печется, и поучается, – особенно когда бывает неопытен во внешних науках. Как же не должен он пользоваться большею честью, нежели все прочие, когда он предаётся столь великим трудам? При том он служит предметом бесчисленных разговоров. Один укоряет его, другой хвалит, иной насмехается, тот оскорбляет его память и намерения, – и нужна ему большая крепость духа, чтобы переносить это. Это важно и много содействует благоустроению Церкви и великую приносит пользу, когда предстоятели ее люди ученые. А когда этого нет, то в Церквах многое

погибает. Вот почему к прочим (свойствам предстоятеля), к страннолюбию, к кротости, к непорочности (апостол) причисляет и это, говоря: «учителен». При том, почему он называется учителем? Конечно, потому, скажешь, что он своей жизнью должен научать других любомудрию. Следовательно, это становится излишним, и для преуспевания не нужно словесного наставления. Но как же Павел говорит: «особенно тем, которые трудятся в слове и учении»! Ведь когда речь идет о догматах, тогда какую силу имеет жизнь? Впрочем, о каком слове говорит он? Не о хвастливом, не о том, какое отличается внешнею утонченностью, но о том, которое проникнуто великою силою духа, исполнено разума и мудрости. Поэтому ему нужны не искусство и изящные выражения, а мысли, – не изложение, а смысл. «Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях» (1Тим.5:19). Следовательно, ужели нужно принимать обвинение (вводимое) на молодого без свидетелей? Или вообще на всякого? И ужели вообще должно без исследования произносить приговоры? Что же значит сказанное им? Он говорит – ни на других, но особенно на пресвитера, потому что под именем пресвитера, он понимает здесь не сан, а возраст, так как юноши легче погрешают, нежели старцы. Отсюда явным становится то, что Тимофею уже вверена была Церковь, или и весь народ Азии. Поэтому (апостол) и беседует с ним о пресвитерах. «Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели» (1Тим.5:20). То есть, не тотчас отсекай, но все исследуй с великою точностью. Когда же ясно узнаешь, строго взыскивай, чтобы и другие вразумлялись. Как вредно бывает необдуманно осуждать, так и не наказывать явно согрешивших значит давать дорогу другим к тому, чтобы и они то же самое делали и на то же покушались. Обличай, говорит, показывая (что нужно действовать) не кое-как, но со строгостью, потому что таким образом и другие будут бояться. Как же Христос говорит: «пойди и обличи его между тобою и им одним» (Мф.18:15), если он согрешил против тебя? Однакож (Христос) позволяет обличать его и в церкви.

3. Что же? Разве не больше будет соблазна, когда пред всеми станешь обличать? Каким образом? Когда грех узнают, а наказания видеть не будут, то больше станут соблазняться. Как оттого, что согрешившие остаются ненаказанными, многие согрешают, так и оттого, что они бывают наказываемы, многие исправляются. Так поступал и Бог. Он привел фараона на средину (моря) и наказал; видим также, что получили наказание и Навуходоносор, и многие другие люди и города. Следовательно, он хочет, чтобы все имели страх пред епископом, и поставляет

его над всеми. Но так как многие подвергались осуждению по подозрению, то он говорит, что надобно, чтобы были свидетели, которые обличили бы его, согласно предписанию древнего закона: «при словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей состоится дело» ([Втор.19:15](#)). «На пресвитера, – говорит, – обвинение не иначе принимай». Не сказал: не осуждай, но: даже не принимай обвинения и вовсе не призывай его на суд. Но что, если и двое свидетелей солгут? Это редко случается, при том же по расследованию на суде и это может обнаружиться. Для (обличения) грехов довольно и двух свидетелей, в виду того, что они совершаются тайно и скрытно, – так что это служит признаком строгого исследования. Но что, если грехи будут явны, а свидетелей не будет, но только подозрение в дурном? Выше я сказал, говорит он: «Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних» ([1 Тим.3:7](#)). Будем же любить Бога со страхом, потому что хотя «закон положен не для праведника» ([1Тим.1:9](#)), однако многие, упражняясь в добродетели по необходимости, а не вследствие свободного расположения воли, от страха получают много пользы, часто отсекая свои пожелания. Для того послушаем о геенне, чтобы эта угроза и этот страх доставили нам нечто важное. Если бы Тот, Кто намеревается ввергнуть в нее грешников, не высказал наперед этой угрозы, то многие попали бы в нее. В самом деле, если даже теперь, когда страх потрясает наши души, есть люди, которые так легко согрешают, как будто она и не существует, то какого зла мы не сделали бы, если бы ничего такого не говорили нам и ничем таким не угрожали? Следовательно, как всегда я говорю, геенна не менее царствия показывает попечение Божие о нас. Геенна содействует царствию (Божью), страхом подвигая людей к нему. Итак, не будем считать этого признаком излишней строгости и жестокости, но милосердия, великого человеколюбия, попечения и любви к нам. Если бы во времена Ионы не угрожала гибель, то не была бы предотвращена гибель. Если бы Бог не сказал, что «Ниневия будет разрушена» ([Ион.3:4](#)), то не устояла бы Ниневия. Если бы Он не угрожал нам геенною, все мы попали бы в геенну. Если бы не грозил нам огонь, никто не избежал бы огня. Он говорит, что сделает то, что несогласно с Его желанием, чтобы сделать то, чего желает. Он не хочет смерти грешника, но говорит о смерти грешника, чтобы не предать его смерти. Не только словом выражает это, но показывает и на деле, чтобы мы избежали ее. А чтобы кто-нибудь не подумал, что это только одна угроза, а не что-либо действительное, Он сделал это ясным чрез события, которые прежде здесь совершались. Не кажется ли тебе, что потоп есть образ геенны, истребление посредством дождя есть образ такого же истребления

посредством огня? «Как было, – говорит, – во дни Ноя, женились и выходили замуж» ([Мф.24:37, 38](#)), так и теперь. Задолго предсказывал Он тогда, предсказывает лет за четыреста, или более, но никто не внимает. Все полагают, что это басни, все смеются, никто не чувствует страха, никто не плачет, никто не бьет себя в грудь. Река огня кипит, пламень разгорается, а мы смеемся, предаемся удовольствиям и грешим безбоязненно. Никто никогда не приводит себе на память этого дня; никто не помышляет, что настоящее преходит, что все это временно, несмотря на то, что события ежедневно говорят о том. Преждевременная смерть, перемены обстоятельств, совершающиеся, когда мы еще и живем, не вразумляют нас, равно как и недуги, и прочие немощи. И не в наших только телах, но и в самых стихиях можно видеть эти перемены; и (перемены), замечаемые в возрастах, ежедневно приводят нас к размышлению о смерти; и везде во всем отпечатлевается непостоянство вещей. Никогда не продолжается неизменно ни зима, ни лето, ни весна, ни осень, но все бежит, летит и течет. Но о чем бы ты желал, чтобы я говорил тебе: о цветах ли, о достоинствах ли, о царях ли, которые ныне живут, а завтра перестанут существовать? Или о богатых? Или о блестящих зданиях? Или о ночи и дне? Или о солнце и о луне? Разве не уменьшается и эта последняя? Разве самое солнце часто не затмевается и не покрывается мраком? Разве не закрывает его облако? Разве что-либо видимое пребывает неизменным? Ничто из всего того, что в нас находится, кроме души; и между тем о ней мы нерадим. Мы много печемся о том, что изменчиво, считая его постоянно пребывающим; а на то, что постоянно пребывает, на душу, как будто на нечто скоропреходящее, мы не обращаем никакого внимания. Положим, что иной имеет великую силу. Но только до завтра, а после этого она погибает; это видно из того, что бывали люди, одаренные великим могуществом, и теперь их нигде не видно. Жизнь походит на сцену и сновидение. Подобно тому, как на сцене, по снятии покровов, исчезает разнообразие изображений, и как, с появлением солнечного луча, все сновидения улетают, – так и теперь, после того как последует кончина и общая, и каждого порознь, все разрушается и исчезает. И дерево, которое ты посадил, остается; и дом, который ты построил, тоже остается; между тем художник и земледелец удаляются и погибают. И когда все это происходит, мы, несмотря даже на это, не вразумляемся, и как будто бессмертные все это устроаем, предаваясь удовольствиям и наслаждению.

4. Послушай, что говорит Соломон, который на деле испытал значение настоящих вещей. «Построил себе дома, – говорит он, – посадил

себе виноградники, устроил себе сады и рощи, сделал себе водоемы, собрал себе серебра и золота, завел у себя певцов и певиц, также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех» ([Еккл.2:4–8](#)). Никто не был столько предан наслаждению, никто не был так славен, никто так мудр, никто так могуществен, никто не видел, чтобы все так шло по его желанию. Что же? Ничто из этого не принесло ему пользы: но что говорит он после всего этого? «Суета сует, – говорит, – все суета» ([Еккл.1:2](#)). Не просто суета, но суета по преимуществу. Последуем ему, умоляю вас, ему, изведавшему все на опыте; последуем ему, и обратимся к тому, в чем нет суеты, где истина, где все постоянно и неизменно, где все создано на камне, где нет ни старости, ни изменчивости, где все цветет, где все исполнено силы, где ничто не ветшает и не стареет и не приближается к разрушению. Возлюбим, умоляю вас, преискренне Бога – не из страха геенны, а из желания приобрести царствие. В самом деле, скажи мне, что может равняться с созерцанием Христа? Нет ничего такого. Что может равняться с наслаждением теми благами? Тоже нет ничего такого. И справедливо, потому что «не видел того глаз, – говорится, – не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» ([1 Кор.2:9](#)).

Постараемся же получить эти блага и презрим земные. Разве не до бесконечности мы унижаем эти последние, (говоря): человеческая жизнь ничто? Зачем же заботишься о ничем? Зачем подымлешь труды для ничего? Но ты взираешь на блестящие здания, и созерцание их прельщает тебя? Тогда взгляни тотчас на небо, обрати свой взор от камней и столпов к этой красоте, – и увидишь, что все это – дела муравьев и комаров. Почерпай мудрость из этого зрелища, восходи к небесному. Оттуда рассмотри блестящие здания, – и увидишь, что они не иное что, как игрушки малых детей. Разве не видишь, насколько тоньше, насколько легче, насколько чище, насколько светлее становится воздух, по мере того, как восходишь на высоту? Творящие милостьню там имеют дома и местопребывание. А эти (земные дома) при воскресении разрушатся, или, правильнее говоря, прежде воскресения самое время разрушит, уничтожит и истребит их; даже прежде времени, часто в полной силе и красоте, или ниспровергает их землетрясение, или всецело истребляет пожар. Не только ведь в отношении человеческого возраста, но и в отношении к зданиям бывает преждевременная смерть. Часто те здания, которые от времени соделались ветхими, при колебании земли оставались невредимыми; между тем блестящие, прочные и недавно построенные одним ударом грома были потрясаемы и разрушаемы. И это происходит, думаю, по

устроению Божию, чтобы мы не гордились нашими зданиями. Хочешь ли другим образом сохранить бодрость духа? Ступай к общественным зданиям, которыми наравне с другими и ты владеешь. Ведь нет, поистине нет дома, который, как бы блистателен ни был, превосходил бы блеском общественные здания. Пребывай там, сколько хочешь времени. Эти здания – твои, они твои столько же, как и всех прочих; они общие, а не частные. Но ты скажешь, что они не нравятся тебе. Не нравятся, во-первых, вследствие привычки, во-вторых, вследствие любостяжания. Следовательно, то, что нравится, есть любостяжание, а не красота. Следовательно, наслаждение состоит в любостяжании и в желании присвоить себе все. До каких же пор будем прилепляться к этому? До каких пор будем прикованы к земле и, как черви, будем пресмыкаться в грязи? Бог дал нам тело из земли для того, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы чрез него и душу низвели в землю. Оно – земное; но если я захочу, будет небесным. Смотри, какой честью Он нас почтил, предоставив нам такое дело. Я сотворил, говорит Он, землю и небо; даю и тебе творческую власть, – сотвори землю небом, ты можешь сделать это. О Боге сказано: «Кто сотворил [всё] и претворяет» ([Амос.5:8](#)). Но такую же власть Он дал и людям, подобно тому, как чадолюбивый отец, занимаясь живописью, не только сам (упражняется в этом), но и сына хочет довести до одинакового с ним совершенства. Я сотворил, говорит Он, прекрасное тело; даю тебе власть создать нечто лучшее, – соделай прекрасною душу. Я сказал: «да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодovitое» ([Быт.1:11](#)). Скажи и ты: да произрастит та же земля собственный плод и произойдет то, что по Твоему желанию должно произойти. Я творю лето и мглу, утверждаю гром и созидаю дух; Я создал змия, что бы ругаться над ним, то есть диавола. Не позавидовал Я тебе и этой власти. Ругайся над ним и ты, если хочешь; можешь связать его, как птичку. Я воссияваю солнцу на злых и благих; подражай и ты, – раздавай свои стяжания и добрым, и злым. Я, будучи оскорбляем, терплю, и благодетельствую оскорбляющим Меня; подражай и ты, – ты можешь сделать это. Я благодетельствую не ради воздаяния; подражай и ты, и делай добро не ради воздаяния и не ради награды. Я возжег светила на небе; зажги и ты светила блистательнее этих, ты можешь сделать это, – просвети заблудших. Дать познать Меня – большее благодеяние, нежели доставить возможность видеть солнце. Ты не можешь сотворить человека, но можешь сделать его праведным и благоугодным Богу. Я сотворил существо; ты укрась намерение. Смотри, как Я люблю тебя, и что Я дал тебе силу даже в более важных делах. Видите, возлюбленные, как мы

почтены, и между тем некоторые несмысленные и неблагодарные говорят: для чего мы одарены свободною волею? Если бы у нас не было свободной воли, то все, о чем мы говорили, и в чем можем подражать Богу, не могло бы составлять для нас предмета подражания. Я управляю, говорит Он, ангелами; и ты – чрез Начаток. Я восседаю на царском престоле; и ты совосседаешь Мне – чрез Начаток. «И воскресил с Ним, – говорит (апостол), – и посадил на небесах во Христе Иисусе» ([Ефес.2:6](#)). Тебе поклоняются херувимы и серафимы и все ангельские силы, начала, власти, престолы, господства – чрез Начаток. Не порицай тела, которое сподобилось такой чести, пред которым трепещут даже беплотные силы. Но что скажу еще? Не этим только изъявляю Я свою любовь, но и страданиями Моими. Для тебя Я подвергся оплеванию, заушению, истощил славу, оставил Отца и пришел к тебе, ненавидящему Меня, отвращающемуся от Меня и не желающему даже слышать Мое имя. Я шел вслед за тобой и догонял, чтобы удержать тебя; Я соединил и сочетал тебя с Собою; «ешь Меня, – сказал Я, – и пей Меня». И горе держу тебя, и долу соединяюсь с тобою. Разве не довольно для тебя того, что начаток твой я держу горе? Разве это не удовлетворяет твоей любви? И опять Я сошел на землю, – не просто смешиваюсь с тобою, а соединяюсь, снедаюсь, раздробляюсь на малые части, чтобы произошло великое растворение и смешение и соединение, – потому что соединяемое пребывает в своих пределах, а Я воедино слился с тобою. Я не хочу, чтобы уже было что-то среднее; хочу, чтобы мы оба были одно. Итак, зная это и великое Его о нас попечение, будем все делать, чтобы мы могли явить себя не недостойными великих Его даров, которые да сподобимся все мы получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 16

[1 Тим.5:21–23](#). Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию. Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах. Храни себя чистым. Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов.

Нравственные наставления.

1. Сказав о епископах, о диаконах, мужах, женах, о вдовицах, о пресвитерах и о всех прочих, и показав, над кем простирается власть епископа, (апостол) когда стал говорить о суде, присовокупил: «Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию». Вот, наконец (он изрекает) страшное увещание, потому что не посовестился (сказать это) даже из уважения к тому, что Тимофей был его возлюбленное чадо. Тот, кто не постыдился сказать о себе: «дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» ([1 Кор.9:27](#)), тем более не устыдился и не посовестился (сказать так) и Тимофею. Впрочем, он хорошо (поступает), призывая в свидетели Отца и Сына; но для чего еще – избранных ангелов? Вследствие великого снисхождения, потому что и Моисей говорит таким же образом: «то свидетельствуюсь вам сегодня небом и землею» ([Втор.4:26](#)), – вследствие великого снисхождения Господня. И опять: «слышите дебри, основания земли; Слушайте, горы, суд Господень, и вы, твердые основы земли: ибо у Господа суд с народом Своим, и с Израилем Он состязуется» ([Мих.6:2](#)). А призывает он Отца и Сына в Свидетели сказанного им для того, чтобы в грядущий день, если бы что совершилось вопреки долга, остаться правым пред Ними, то есть, как бы снимая с себя всякую (ответственность). «Заклинаю тебя сохранить сие, – говорит он, – без предубеждения, ничего не делая по пристрастию». То есть, ты должен быть дружелюбным и справедливым к судящимся и ожидающим от тебя приговора и никто не должен предрасполагать тебя в свою пользу и склонять на свою сторону. Но кто это избранные ангелы? Некоторые, следовательно, как будто не были таковы. Потому-то и Иаков берет себе в свидетели Бога и холм. Равным образом и мы часто берем в свидетели и важных, и незначительных лиц. Столь великое значение имеет свидетельство. Он как будто так сказал: призываю в свидетели Бога, и

Сына Его, и слуг Его, что я заповедал тебе; вот пред ними заповедую тебе. Он устрашает Тимофея. Потом, сказав это, он присовокупил то, что было всего более благовременно, что преимущественно содействует устройению Церкви, – именно о рукоположениях. «Рук, – говорит, – ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах». Что значить: «поспешно»? Не по первом, не по втором, не по третьем испытании, но неоднократно рассмотрев и тщательно исследовав, так как это дело не безопасное. За соделанные им грехи, как прежние, так и будущие, подвергнешься наказанию и ты, доставивший ему власть, потому что, неблагоприятно отпустив ему прежние грехи, ты станешь виновным и в тех, которые он совершит впоследствии времени; именно – будешь причиною этих последних потому, что вверил ему начальство, а прежних потому, что не дал ему оплакать их и придти в состояние сокрушения. Ты становишься соучастником как добрых его дел, так и грехов. «Храни себя чистым». Здесь говорит о воздержании. «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов». Если же мужу, который до такой степени соблюдал посты и столько времени употреблял воду, что стал даже подвергаться болезням и частым недугам, (апостол) заповедует воздержание, и тот не огорчается, то тем более мы не должны огорчаться, когда слушаем чьи-нибудь наставления. Почему же он не исцелил его желудка? Не потому, что не мог, а потому, что хотел и отсюда извлечь какое-либо важное наставление; а тот, чья одежда воскрешала мертвых, без сомнения, мог сделать и это. Итак, зачем же не сделал он этого? Затем, чтобы мы, когда и теперь видим людей великих и добродетельных подверженными недугам, не соблазнились этим. Таким образом, и это служило на пользу. Если ему самому дан был ангел сатанин, чтобы он не возгордился, то тем более Тимофею, – потому что знамения легко могли привести его к гордости. Поэтому (апостол) предоставил ему пользоваться правилами врачебной науки, чтобы и он сам меньше думал о себе, и другие не соблазнились, и уразумели, что и те святые мужи, будучи одинаковой с нами природы, совершали то, что совершали. Кроме того, мне кажется, что он подвержен был недугам и от других причин; на это указывает (апостол), говоря: «ради частых твоих недугов», и от желудка и от других частей тела. Впрочем, он не позволил ему неумеренно напиваться вином, но, сколько нужно для здоровья, а не для удовольствия.

«Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых *открываются* впоследствии» ([1Тим.5:24](#)). Так как он говорил о рукоположениях, то и сказал: «и не делайся участником в чужих грехах».

Но что, если я не знаю, скажешь ты? «Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых *открываются* впоследствии» У некоторых, говорит, они явны потому, что предшествуют; а у других нет, и те следуют за ними. «Равным образом и добрые дела явны; а если и не таковы, скрыться не могут» (1Тим.5:25). «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение» (1Тим. 6:1). «Всякой чести, – говорит, – достойными». Не думай, что если ты верный, то и свободен: свобода эта состоит в том, чтобы еще больше быть рабом. Неверный, если увидит, что чрез веру люди впадают в самомнение, часто будет поносить ее, как учение, располагающее к возмущению, а если заметит, что они покорны, то тем скорее сам покорится, тем внимательнее будет к тому, что говорится. Таким образом, если верные не будут покорны, то и Бог и проповедь подвергнутся поношению. Но что, спросишь ты, если господа будут неверные? И в таком случае надобно подчиниться ради имени Божия. «Те, которые имеют господами верных, – говорит, – не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им » (1Тим.6:2).

2. Он как будто так говорил: если вы удостоились такой чести, что имеете братьев господами, то должны поэтому особенно повиноваться им. «Прямо, – говорит, – ведут к осуждению», – то есть, из худых дел здесь одни скрываются, другие нет; а там не могут скрыться ни худые, ни хорошие. Что значит: «Прямо ведут к осуждению»? То, что когда кто грешит, – грехи уже осуждают его, если он не исправляется, или если и надеется исправиться, но не делает этого. Но для чего, и почему это сказано было? Для того, что хотя здесь некоторые и скрываются, но там не скроются: там все открыто. Между тем для праведных это служит величайшим утешением. Потом, так как он сказал: «ничего не делая по пристрастию», то для необходимого объяснения прибавил: «Рабы, под игом находящиеся». Но какое это имеет отношение к епископу, спросишь ты? Очень (близкое), – чтобы он увещевал, чтобы учил их. Касательно них (рабов) он и здесь делает правильные наставления. Мы видим, что он везде больше заповедует рабам, нежели господам, и, показывая им, как должно повиноваться, и много об них рассуждая. Именно – он увещевает первых покоряться с великой кротостью, а последним внушает уменьшать страх, говоря: «умеряя строгость» (Еф.6:9). Но для чего заповедует он это? По отношению к неверным справедливо, потому что нет причины беседовать с такими, которые не внимают. А по отношению к верным для чего? Для

того, что господа больше доставляют рабам, чем рабы господам; первые и золото тратят на них, и заботятся о снабжении их необходимыми вещами, одеждою и всем прочим. Таким образом, господа оказывают им больше услуг, на что и здесь указывает (апостол), говоря: «что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им». Они беспокоятся и трудятся ради вашего спокойствия, – и ужели не должны пользоваться великою честью от своих слуг? Если же рабам заповедал он пребывать в таком послушании, то подумайте, в какой степени мы должны быть расположены к Владыке, который привел нас из небытия в бытие, который и питает нас, и одевает. Поэтому потщимся послужить ему – если не как-нибудь иначе, то, по крайней мере, столько, сколько служат нам наши рабы. Разве не на то они посвятили всю жизнь, чтобы доставлять спокойствие своим господам? Разве не в том состоит их занятие, разве не в том их жизнь, чтобы заботиться о делах своих господ? Не заботятся ли они целый день о делах господина, между тем как для исправления своих дел у них нередко остается малая часть вечера? А мы, напротив: своими делами занимаемся постоянно, а для того, что относится к Владыке, нет у нас и малой части времени, и при том мы поступаем так тогда, когда Он не только не нуждается в наших услугах, подобно тому, как господа (нуждаются в услуге) рабов, но и самые эти услуги обращает к нашей же пользе. Там служение раба приносит пользу господину; а здесь служение раба ничего не значит для Владыки, но полезно самому же рабу. «Блага, – говорится, – мои Тебе не нужны» ([Пс. 15:2](#)). В самом деле, скажи мне, какая будет польза Богу, если я буду праведен, и какой вред, если я буду неправеден? Разве природа Его не есть без примеси? Разве она не свободна от повреждения? Разве она не выше всякого страдания? Рабы не имеют ничего собственного, все у них господское, хотя бы они до бесконечности были богаты. Напротив, мы имеем много собственного, и не без причины мы получили такую честь от Царя всяческих. Какой господин отдал за раба своего сына? Никакой. Напротив, все предпочли бы скорее отдать рабов за сыновей. А здесь, напротив: Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас – за врагов, ненавидящих Его. Рабы, хотя бы им приказано было нечто тягостное, не досадают, – особенно если они благонравны; а мы тысячекратно унываем. Рабам ничего такого не обещает господин, что обещал нам Бог. Но что? Освобождение от рабства в здешнем мире, что часто бывает тяжелее рабства, потому что часто случается голод, и тогда эта свобода становится хуже рабства; между тем она составляет величайший дар. А у Бога нет ничего временного, ничего тленного, – но что? Хочешь знать? Послушай. «Я уже, – говорит (Господь), – не называю

вас рабами. Вы друзья Мои» ([Ин.15:15, 14](#)).

Устыдимся, возлюбленные, убоимся; ужели не послужим Владыке, по крайней мере, столько, сколько служат нам рабы, или, правильнее говоря, ужели мы даже в самой малой части не обнаружим нашего служения? Они любомудрствуют вследствие необходимости, – имея только кров и пищу; а мы, отчасти уже получив, отчасти ожидая бесчисленных благ, чрезмерною роскошью оскорбляем Благодетеля. Если не из какого-либо другого источника, то, по крайней мере, от них примем правила любомудрия. Писание обыкновенно отсылает людей не к рабам, но даже к бессловесным животным, например – когда повелевает подражать то пчеле, то муравьям. А я убеждаю вас подражать, по крайней мере, рабам. Что они делают из страха к нам, то и мы будем делать, по крайней мере, из страха к Богу; а мы не находим, чтобы вы делали это. Они из страха к нам тысячекратно подвергаются оскорблениям и невозмутимее всякого философа стоят в молчании; они получают оскорбления справедливо и несправедливо, и не противоречат, но просят прощения, нередко даже не сделав ничего худого. Не получая ничего, кроме необходимого, а часто и менее того, они довольствуются этим. Засыпая на соломенной постели, питаясь только хлебом и проводя жизнь во всех отношениях скудную, они не жалуются и не огорчаются по причине страха, который мы им внушаем. Когда вверяются им деньги, они их полностью возвращают (не указывая мне на лукавых рабов, а на тех, которые не очень злы); когда мы погрозим им, они тотчас смиряются. Разве не в этом состоит любомудрие? Не говори мне, что это бывает вследствие необходимости, потому что и тебе предстоит необходимость впасть в геенну, и, несмотря на то ты не вразумляешься и не воздаешь Богу такой чести, какой пользуешься от рабов. Каждый слуга имеет свое определенное жилище, и не нападает на жилище ближнего, не бывает снедаем желанием приобрести больше. И всякий видит, что рабы соблюдают это из-за страха пред господами; и редко увидишь, чтобы один раб что-нибудь унес или испортил у другого. А у людей свободных происходит противное этому. Мы грызем, пожираем друг друга, не боимся Владыки; и в Его глазах грабим, окрадываем, бьем сорабов своих. Между тем раб не сделал бы этого, а если бы даже он и ударил кого-либо, то не в глазах господина; если бы и побранил кого-либо, то так, чтобы господин не слышал. А мы дерзаем делать это пред Богом, Который все видит и слышит. У них всегда пред глазами страх к господину; а у нас его никогда не бывает. Оттого-то у нас все расстроилось, все слилось и развратилось; и самим нам даже в ум не приходят наши преступления, а когда согрешают наши рабы, мы с

точноию исследуем все, до малейшей подробности. Это говорю я не с тою целью, чтобы хотел сделать рабов ленивыми, но чтобы истребить нашу леность и пробудить нас самих от беспечности, чтобы мы служили Богу хотя бы так, как служат нам рабы, (служили) Сотворившему нас так, как служат нам единосущные нам и не получившие от нас ничего такого. По природе свободны и они: «и владычествуйте над рыбами» (Быт. Ъ26), сказано было и к ним. Это рабство не от природы, но произошло от случая и обстоятельств и, несмотря на то, они оказывают нам великую честь. Между тем мы, требуя себе от них услуги, устремляемся на них со всею строгостью, и в то же время Богу не уделяем ни малейшей части служения, несмотря на то, что польза от этого обращается опять к нам же. Ведь чем усерднее мы будем служить Богу, тем больше получим себе пользы, тем больше будет выгоды для нас самих. Не будем же лишать самих себя столь великого приобретения. Бог самодоволен и ни в чем не нуждается; воздаяние же и польза возвращается опять к нам. Итак, умоляю вас, постараемся приобрести такое расположение, как будто мы служим не Богу, а себе самим, и поработаем ему со страхом и трепетом, чтобы сподобиться обетованных благ во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 17

[1 Тим.6:3–7](#). Кто учит иному и не следует здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен *страстью* к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения. Пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка. Удаляйся от таких. Великое приобретение – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести *из него* .

Обязанности учителя. – Гордость порождается невежеством. – Сребролюбие – корень зла.

1. Учителю нужно употреблять не только власть, но и великую кротость, и с другой стороны не только кротость, но и власть. И всему этому научает блаженный Павел, иногда говоря: «Проповедуй сие и учи» ([1 Тим.4:11](#)), а иногда: сему учи и моли. Если врачи делают увещания больным не с тою целью, чтобы им самим сделаться здоровыми, но чтобы этих последних избавить от недуга и лежащих поднять, то тем более мы, при увещании учеников, должны следовать такому обычаю. Блаженный Павел не отрицает даже того, что он их раб, говоря: «не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса» ([2 Кор.4:5](#)); и опять: «Павел ли, или Аполлос, все ваше» ([1 Кор.3:22](#)). И он с готовностью принимает на себя это рабство, потому что это не рабство, а лучше свободы. Тот есть, говорит (Господь), «делающий грех, есть раб» ([Ин.8:34](#)). «Кто учит иному и не следует здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает». Следовательно, нам случается воспаляться гордостью не от знания, а от незнания. Тот, кто знает учение, согласное с благочестием, более всех умеет смиряться; тот, кто наставлен в здоровом учении, не бывает одержим болезнью. Действительно, гордость в душах есть то же самое, что воспаление в телах. Как там место, подверженное воспалению, мы не называем здоровым, так и здесь – гордых. Следовательно, можно знающему что-нибудь не знать ничего, потому что незнающий того, что должно знать, ничего не знает. А что от незнания рождается чрезмерная гордость, видно из следующего: Христос истощил Себя; поэтому тот, кто знает это, никогда не будет много думать о себе; человек не имеет ничего, чего не получил бы от Бога, и вследствие того не будет много о себе думать. «Что

ты имеешь, чего бы ни получил?»» ([1Кор.4:7](#)) Он умыл ноги ученикам. Кто знает это, как станет превозноситься? С этой целью (Господь) сказал: «когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие» ([Лук.17:10](#)). Мытарь одним смиренномудрием стяжал благоволение; фарисей от гордости погиб. Следовательно, кто гордится, тот ничего этого не знает. Опять сам Христос говорит: «если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?»» ([Ин.18:23](#))?

«Заражен *страстью*, – говорит, – к состязаниям». Следовательно, состязание есть недуг. «И словопрениям». И справедливо. Когда душа разжигается помыслами, когда они обуревают ее, тогда она занимается исследованием, а когда она находится в здоровом состоянии, тогда не исследует, но принимает на веру. Посредством исследования и споров ничего нельзя найти. Когда исследование приступает к разъяснению того, что возвещается одною верою, тогда оно и не открывает этого и не дает его уразуметь, потому что, если бы кто-нибудь, смежив глаза, хотел найти что-нибудь такое, чего бы он искал, то не мог бы (успеть в этом); равно как если бы он, открыв глаза, но, закопав себя в землю и отвратившись от солнечных лучей, стал искать на том месте, то опять не мог бы ничего найти. Так без веры ничего нельзя отыскать, а только неизбежно должны рождаться споры. «От которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения» – то есть, от исследований рождаются вредные мнения и учения. Мы начинаем о Боге думать то, чего не следует, когда приступаем к исследованию. «Пустые споры» – то есть праздные занятия или пустые рассуждения. Или следующим образом он понимает «пустые споры»: подобно тому, как овцы, будучи заражены чесоткою, когда приходят в соприкосновение со здоровыми, и им сообщают свой недуг, так и эти злые люди. «И чуждыми, – говорит, – истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка». Видишь ли, что, по его словам, рождают споры? Постыдную корысть, невежество, гордость; да, и гордость рождается от невежества. «Удаляйся, – говорит, – от таких». Не сказал: приходи туда, но: отступай, то есть, отвращайся. «Еретика, – говорит, – после первого и второго вразумления, отвращайся» ([Тит.3:10](#)). Показывает, что они таковы не столько от невежества, сколько от лени, которая приводит их к невежеству. В самом деле, каким образом можешь ты убедить людей, спорящих из-за денег? Иначе таковых ты не убедишь, как если не дашь опять; но и этим не насытишь их жажды приобретения. «Глаза любостяжательного, – говорится, – не насыщаются какою-либо частью» ([Сир.14:9](#)). Поэтому от них, как от неисправимых, надобно отвращаться. Если же он тому, кому предстояла крайняя необходимость

вступить в борьбу, заповедует не приходить туда и не связываться с ними, то тем более (он заповедует это) нам, которые учимся и находимся в ряду учеников. Впрочем, сказав, что они полагают, что благочестие есть приобретение, он прибавил: «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным», – не тогда, когда имеет деньги, а когда не имеет их, чтобы (Тимофей) вследствие бедности не впал в уныние, он ободряет и утешает его. Думают, говорит он, что благочестие есть приобретение; конечно – есть, но не в такой степени (как думают), а в гораздо большей. То есть, отвергнув сначала первую мысль, вслед затем превозносит последнюю. А что первого рода приобретение ничего не значит, видно из того, что оно остается здесь и не переселяется вместе с нами (в другой мир) и не сопутствует нам. Откуда это видно? Из того, что мы пришли в этот мир, не имея ничего; следовательно, и оставим его, тоже ничего не имея; нагим рождается творение, нагим и отходит. Итак, нам не нужно ничего лишнего, если мы ничего не принесли с собою и отойдем, ничего не имея. «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1Тим.6:8). Надобно питаться тем и в такой мере, сколько нужно для насыщения; надобно надевать на себя то, что в состоянии только защитить нас от непогоды и прикрыть наготу, лишнего ничего не должно быть. Это может выполнить и простая одежда. Затем он побуждает указанием на то, что бывает здесь – на земле: «А желающие, – говорит, – обогащаться» (1Тим.6:9).

2. Не сказал просто: богатые, а «желающие», потому что и имея деньги можно хорошо распорядиться ими, если человек будет презирать их и раздавать бедным. Следовательно, не таковых обличает он, а жаждущих приобретения. «А желающие обогащаться, – говорит, – впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей» (1Тим.6:9). Хорошо сказал: «погружают» так что и подняться наверх становится невозможным. «В бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1 Тим.6:9, 10). Вот он упоминает о двух вредных следствиях, но то, которое казалось для них более тяжким, он ставит здесь на последнем месте; то есть – «многим скорбям». И этого нельзя узнать иначе, как только живя близ богатых, сколько они плачут, сколько рыдают. «Ты же, человек Божий» (1 Тим.6:11). Великое достоинство! Правда, все люди Божии, но преимущественно праведные, – не, по той причине только, что они создания Божии, но и по причине своей близости к Богу. Если ты – человек Божий, говорит он, то не ищи излишнего и не ведущего к Богу, а напротив – «убегай сего, а преуспевай в правде». При том и то, и другое (исполняй)

с усердием. Не сказал: отступи и приступи, но: «убегай сего, а преуспевай в правде», чтобы не сделаться корыстолюбивым. «Благочестии» – касательно догматов; «вере», которая противопоставляется исследованию; «любви, терпению, кротости». «Подвизайся добрым подвигом веры, держись вечной жизни, – вот и награда – к которой ты и призван, и исповедал доброе исповедание перед многими свидетелями» ([1 Тим.6:11, 12](#)). То есть, не посрамляй того дерзновения: отчего без успеха трудишься? В какое же искушение и сеть, говорит он, впадают те, которые желают обогатиться? Это, удаляя их от веры, приводит на путь заблуждения, окружает опасностями и лишает дерзновения. «И в похоти», – говорит, – «безрассудные». Действительно, как (не назвать) бессмысленную страстью, когда люди держат у себя дурачков и карликов не из человеколюбия, а для удовольствия, когда в своих дворцах запирают рыб, когда выкармливают диких зверей, когда занимаются собаками, когда украшают коней и заботятся о них не меньше, чем о детях? Все это бессмысленно и излишне, совершенно ненужно и бесполезно. «В похоти, – говорит, – безрассудные и вредные». Какие (страсти) бывают вредны? Когда люди разжигаются беспутною любовью, когда ищут имущества своих ближних, когда стремятся к роскоши, когда предаются пьянству, когда жаждут убийства и гибели других. Многие также вследствие привязанности к подобным вещам домогались и незаконной власти, и погибали. Воистину таковой вотще трудится или даже к вреду. И хорошо он сказал: «уклонились от веры», – потому что сребролюбие, привлекая к себе их глаза и понемногу закрывая их, не позволяет им видеть (истинного) пути. Как человек, который идет прямою дорогою, устремив мысль на что-нибудь другое, хотя и подвигается вперед, однако, не замечая этого, проходит мимо того города, в который спешил, потому что незаметно и бессознательно увлекают ноги, – так нечто подобное этому представляет и сребролюбие. «И сами себя подвергли многим скорбям». Видишь ли, на что он намекает (говоря): «подвергли»? То, что хочет он выразить этим оборотом речи, имеет такой смысл. Страсти – это терние, и подобно тому, как о терние, с какой бы стороны ни прикоснуться, всякий кровянит себе руки и причиняет на них раны, так и от страстей будет терпеть то же самое всякий, кто подчинится их власти, и душу свою подвергнет страданию. Скажи мне, сколько имеют забот, сколько огорчений те, которые бывают ими уязвлены? Того даже сказать нельзя. Поэтому говорит: «убегай сего, а преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпению, кротости», – потому что кротость происходит от любви. Подвизайся добрым подвигом. Здесь он хвалит его дерзновение и

мужество: ты, говорит он, с дерзновением на все изъявил согласие. Приводит ему на память и наставление в вере: «держись, – говорит, – вечной жизни». Следовательно, требуется, не только исповедание, но и терпение, чтобы таким образом постоянно пребывать в исповедании, равно как по всей справедливости великие подвиги и бесконечные труды, чтобы таким образом избежать совращения, потому что много предстоит соблазнов, много препятствий. Вот почему тесен и прискорбен этот путь. Поэтому надобно отовсюду оградить себя, надобно со всех сторон надлежащим образом вооружить себя. Отвсюду появляются бесчисленные наслаждения, которые привлекают к себе душевные очи, именно – наслаждения, которые доставляют нам наши тела, деньги, пресыщение, лень, слава, гордость, власть, любоначалие, – и они являются со светлым и приятным лицом, способным привлечь к себе тех, которые подчиняются их влиянию и не очень любят истину, так как она жестка и не содержит в себе ничего приятного. Почему именно? Потому, что она все удовольствия обещает только в будущем, между тем как эти предметы уже теперь обещают почести, удовольствия, успокоение, конечно, не истинное, но имеющее только его наружный вид. Поэтому всякий сластолюбивый и изнеженный и слабодушный станет к ним прилепляться, освободив себя от трудов, сопряженных с добродетелью. Так и на языческих играх тот, кто не очень желает приобрести венцы, позволяет себе с начала предаваться пиршествам и пьянству; так именно и поступают робкие и слабодушные борцы; напротив те, которые имеют в виду стяжать венец, принимают бесчисленные удары, потому что питают и воодушевляют себя надеждою на будущие (награды).

3. Итак, будем избегать корня зол, – и избегнем всего этого. Сказано: корень есть сребролюбие; Павел изрек это, или лучше – Христос чрез Павла. Посмотришь, впрочем, как это происходит. Самый опыт подтверждает это. В самом деле, какое зло не происходит от денег, или, правильнее говоря, не от денег, а от злого намерения тех, которые не умеют пользоваться ими? Ведь деньгами можно было бы пользоваться, как следует, можно было бы при их содействии наследовать царствие. Между тем ныне то, что дано нам для вспомоществования нищим, для заглаждения грехов наших, для прославления Бога и благоугождения ему, – мы обращаем против несчастных нищих, или вернее – против нашей души, и через это оскорбляем Бога. Кто у другого отнимает деньги и ввергает его в нищету, тот себя предаёт смерти; другого в этом мире изнуряет нищетою, а себе приготовляет вечное наказание. Неужели одно может быть сравниваемо с другим? Итак, какое зло не происходит от них? Не

отсюда ли любостяжание, хищение, вопли, вражды, брани и споры? Одержимые этою страстию разве не простирают своих рук даже на умерших, даже на отцов и братьев? Разве не ниспровергают законов природы, заповедей Божиих и вообще всего? Не ради ли них учреждены судилища? Итак, истреби в себе любовь к деньгам, – и прекратится война, прекратятся брани, прекратится вражда, прекратятся раздоры и любовь к спорам. Корилюбцев надлежало бы изгнать из вселенной, как губителей и волков. Подобно ведь тому, как противные и сильные ветры, подув на тихое море, потрясают его до основания, так что находящийся в глубине песок смешивается с верхними волнами, – так и люди, жадные к деньгам, все приводят в совершенное расстройство. Человек, жадный к деньгам, не знает ни одного друга. Что я говорю – друга? Он не знает даже самого Бога, так как, будучи одержим этою страстию, он приходит в неистовство. Не видите ли вы проходящих вооруженных титанов? Они представляют собою измышленный образ неистовства. Между тем сребролюбцы не таковы, – они, в самом деле, неистовствуют и выходят из себя. И если раскроешь их душу, то найдешь ее таким образом устроенною: она вооружена не одним мечом и не двумя, а бесчисленными; она никого не признает, но бесится на всех, на всех нападает и на всех лает; она убивает не собак, а человеческие души, и громко изрыгает хулы на самое небо. Ими ниспровергнуто все, от неистовой любви к деньгам все погибло. Кого, кого мне винить, – не знаю: до такой степени это зло овладело всеми, – правда, одними в большей, другими в меньшей мере, однако – всеми. И подобно тому, как сильный огонь, будучи брошен в лес, все ниспровергает и опустошает, так и эта страсть губит вселенную: цари, правители, частные люди, нищие, женщины, мужчины, дети, – все в равной мере поработились этому злу. Как будто какой-то мрак объял вселенную, – никто не выходит из опьянения. Правда, против любостяжания слышатся бесчисленные обвинения, и в частном разговоре и среди народа; но исправления нигде не видим. Как же быть? Как погасим пламень? Можно (погасить его), хотя бы даже он поднялся до самого неба. Нам стоит только захотеть, – и мы, без сомнения, одолеем этот пламень. Как усилился он вследствие нашего желания, так от желания и уничтожится. Разве не свободная наша воля зажгла его? Следовательно, свободная воля в состоянии будет и погасить. Только пожелаем. Но каким образом может явиться в нас такое желание? Если обратим внимание на суетность и бесполезность богатства, на то, что оно не может нам туда сопутствовать, что и здесь оно оставляет нас, что хотя оно пребывает здесь, однако язвы от него идут с нами туда; если посмотрим, как велики

там уготованные богатства, и что если сравним с ними земное богатство, то оно покажется ничтожнее грязи; если заметим, что оно подвергается бесчисленным опасностям, что оно доставляет временное удовольствие и при том удовольствие, смешанное с огорчением; если хорошо рассмотрим иное богатство, то есть, то, которое уготовано в вечной жизни, – будем тогда иметь возможность презреть богатство земное; если вникнем в то, что последнее нисколько не приумножает нам ни славы, ни здоровья, ни чего-либо другого, а, напротив, погружает нас в бездну погибели; если узнаешь, что, несмотря на то, что ты здесь богат и имеешь много подчиненных, отходя туда, ты отойдешь одиноким и нагим. Если мы будем часто повторять и слышать это от других, то, может быть, возвратится к нам здоровье, и мы избавимся от этого тяжкого наказания. Жемчужина – нечто прекрасное? Но подумай, что это – морская вода, первоначально попавшая в недра раковины. Золото и серебро – нечто прекрасное? Но подумай, что оно и было, и есть земля и пепел. Прекрасны шелковые платья? Но это ткань, приготовленная червями. Прекрасными их делают человеческое предположение и предзанятое мнение, а от природы красоты в себе не имеют. Что от природы прекрасно, то не имеет нужды в учителях. Если бы ты увидел медную монету, вполне окрашенную золотом, то сначала ты дивился бы ей, считая ее золотою, а потом, когда бы люди, в этом сведущие, открыли тебе обман, удивление исчезло бы вместе с обманом. Видишь ли, что золото не от природы имеет в себе красоту? Но и серебро тоже ее не имеет, потому что если бы ты увидел олово, то ты стал бы дивиться ему, думая, что это серебро, подобно тому, как ты дивился меди, считая ее золотом, и нужны учителя, которые бы показали, чему надобно дивиться. Таким образом, глаза не служат для нас вполне надежным руководством при распознавании вещей. Между тем цветы не таковы, но гораздо лучше золота и серебра. Если видишь розу, то не имеешь нужды в учителях, но умеешь сам собою отличить ее от анемона и от фиалки, точно также и лилию, и всякий цветок. Следовательно, это не иное что, как предзанятое мнение. А чтобы ты убедился, что эта губительная страсть есть следствие предзанятого мнения, то вот скажи мне: если бы царю угодно было определить законом, чтобы серебро ценилось выше золота, то разве не переменялось бы наше удивление и любовь? Так-то мы всегда водимся любостязанием и предзанятым мнением. А что это так, и что вещи ценятся по своей редкости, а не по природе (видно из следующего): есть плоды, которые у нас дешевы, а в стране каппадокийской дороги; из тех же, которые дороги у нас, иные гораздо дешевле в Китае, откуда привозятся эти одежды. И в богатой ароматами

Аравии и Индии, где находятся драгоценные камни, можно найти много таких вещей. Так-то все это есть предубеждение и предзанятое человеческое мнение, и мы ничего не делаем по рассуждению, но без внимания и как случится. Итак, воспрянем от этого опьянения; будем взирать на истинно прекрасное, на то, что прекрасно от природы, – на благочестие и справедливость, – чтобы мы сподобились получить обетованные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 18

[1 Тим.6:13–16](#). Пред Богом, все животворящим, и пред Христом Иисусом, Который засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание, завещаю тебе соблюсти заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа, которое в свое время откроет блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь.

Нужно придерживаться не человеческих мудрований, но веры. – Человеческие дела скоротечны.

1. Опять призывает в свидетели Бога, как и незадолго пред тем он делал это, – в одно время и умножая страх, и соделывая ученика более непоколебимым, и открывая, что это не человеческие распоряжения, – чтобы (Тимофей), принимая заповедь эту как бы от самого Владыки, и всегда имея в мысли свидетеля, от которого он слышал ее, воспоминанием об этом приводил в возбуждение свою душу. «Завещаю тебе, – говорит, – пред Богом, все животворящим». Здесь содержится и ободрение среди опасностей, и воспоминание о воскресении. «И Христом Иисусом, – говорит, – засвидетельствовавшим пред Понтием Пилатом». Опять (заимствует) наставление (из примера) Учителя. Сказанное им имеет такой смысл: как Он делал, так, говорит, и вы должны делать. Он для того и засвидетельствовал, чтобы мы по следам Его шли в добром исповедании. То же самое (апостол) делает и в послании к Евреям, говоря: «взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия»; и опять: «Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими» ([Евр.12:2, 3](#)). Это говорит он и теперь ученику, как будто выражаясь следующим образом: не бойся смерти, Ведь ты раб Бога, который может все оживотворить. Но что называет он добрым исповеданием? То, что, будучи спрошен Пилатом: «итак Ты Царь? – отвечал, – Я на то родился», и опять: «на то пришел в мир, чтобы засвидетельствовать о истине» ([Ин. 18:37](#)). Вот эти слушали Меня. Итак, или поэтому так говорит, или потому, что, будучи спрошен, сын ли Он Божий? – сказал: «вы говорите, что Я» ([Лк. 22:70](#)). И многое другое засвидетельствовал Он и

исповедал. «Соблюсти заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа», то есть, до твоей кончины, до исхода. Впрочем, не сказал так, но сказал: «даже до явления», чтобы больше ободрить его. Что значит: «Соблюсти заповедь чисто»? Не навлечь на себя ни малейшего укора ни за верования, ни за жизнь. «Которое в свое время откроет, – говорит, – блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете». О Ком это сказано? Об Отце ли, или о Сыне? Без сомнения, о Сыне. «Которое в Свое время откроет блаженный и единый сильный». И это опять (говорит) в утешение, чтобы (Тимофей) не приходил ни в удивление, ни в страх пред царями земными. «В Свое время», то есть, в подобающее, в должное время, чтобы не печалиться о том, что оно еще не наступило. А из чего видно, что Он явит? Из того, что Он могуществен; а Он один могуществен. Следовательно, явит Блаженный, – (Который есть) само блаженство. Говорит же это, давая понять, что там нет ни скорби, ни огорчения. А слово: «единый» употребил, или противопоставляя Его людям, или для означения Его нерожденности, как и мы часто говорим о людях, которых хотим отличить. «Единый, – говорит, – имеющий бессмертие». Итак, что же? Разве Сын не имеет его? Разве Он не само бессмертие? Как же это (возможно), когда Он – того же существа с Отцом? «Обитает, – говорит, – в неприступном свете». Иной ли свет Он сам, и иной ли тот, в котором Он живет? Неужели и местом Он определяется? Нет. Не с тою целью, чтобы мы так думали, но чтобы показать нам непостижимость Божеской природы, (апостол) сказал, что Бог живет во свете неприступном, – настолько изъясняя учение о Боге, насколько это было для него возможным. Видишь ли, до какой степени бывает немощным язык, когда хочет провещать что-нибудь великое? «Которого никто из человеков не видел, – говорит, – и видеть не может», как и Сына никто не видел и видеть не может. «Ему же честь и держава вечная». Аминь. Благовременно и даже по необходимости здесь (апостол) изъяснил учение о Боге. Так как он призвал Бога в свидетели, то говорит много об этом Свидетеле, чтобы больше тронуть ученика. То есть: слава Ему; мы можем это только говорить, это только делать, не испытывая, Кто Он. Если же держава Его вечная, то ничего не бойся, и хотя бы в настоящее время этого не было, честь Его всегда, держава Его всегда пребывает.

«Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе» (1Тим.6:17). Хорошо сказал: «в настоящее время», потому что есть и иные богатые – в будущем веке. Это заповедует он, зная, что ничто так не возбуждает надменности, гордости и высокомерия, как деньги. Потом

тотчас смиряет их, говоря: «и уповали не на богатство неверное» ([1 Тим.6:17](#)), потому что от него рождается гордость, между тем как надеющийся на Бога не превозносится. Что ты надеешься на вещь, которая внезапно проходит, – а таково и есть богатство? И как ты надеешься на то, на что нельзя полагаться? Каким же образом, скажешь ты, они могут быть невысокомерными? Если увидят, что оно непостоянно и нетвердо; если увидят, что надежда на Бога больше всякого богатства; если увидят, что и его самого виновник есть Бог. «Но на Бога живаго, – говорит, – дающего нам все обильно для наслаждения» ([1 Тим.6:17](#)). Хорошо сказал: «все обильно», указывая на перемены времен года, на воздух, свет, воду и все прочее. Видишь ли, как обильно и с какою щедростью доставляет Он нам все это? Если ты ищешь богатства, то ищи богатства пребывающего, твердого, которое происходит от совершения добрых дел. На это и (апостол) указывает, говоря: «чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны» ([1 Тим.6:18](#)); первое относится к деньгам, а последнее к любви. Общительным, говорить, разговорчивым, приветливым. «Собирая себе сокровище, доброе основание для будущего» ([1 Тим.6:19](#)). Там нет ничего ненадежного, там непоколебимое основание, там нет ничего непостоянного, но все непоколебимо, неизменно, прочно, постоянно пребывающее. «Чтобы достигнуть, – говорит, – вечной жизни» ([1 Тим.6:19](#)), – потому что совершение добрых дел может доставить нам наслаждение ею. «О, Тимофей! храни преданное тебе» ([1 Тим.6:20](#)). Не уменьшай его; оно – не твое; тебе вверено чужое; не убавляй его. «Отвращаясь, – говорит, – негодного пустословия и прекословий лжеименного знания».

2. Хорошо он сказал таким образом! Действительно, где нет веры, там нет знания. Когда что-либо рождается от собственных наших помыслов, то это не знание. Он говорит это, может быть, потому, что некоторые тогда называли себя гностиками, как бы знавшие больше других. «Которому предавшись, – говорит, – некоторые уклонились от веры» ([1 Тим.6:21](#)). Видишь ли, как опять он повелевает даже не сходиться в одно место с таковыми? «Отвращаясь, – говорит, – прекословий».

Следовательно, есть прекословия, на которые даже отвечать не должно. Почему? Потому что они удаляют от веры, потому что не позволяют стоять твердо и непоколебимо. Поэтому мы не должны придерживаться этого, а веры, которая есть незыблемый камень. Тогда ни реки, ни ветры, устремляясь на нас, не будут в состоянии причинить нам никакого вреда, потому что мы незыблемо стали на камни. Таким образом, и в этой жизни, – если изберем это истинное основание, – будем стоять, не

испытывая опять никакого бедствия. Кто избрал это богатство, тот не потерпит никакого бедствия, – кто (избрал) этот почет, эту славу, эту честь, это удовольствие. Все это неизбежно, не испытывает никакой перемены; между тем здесь все переменяется и подвержено превращениям, все непостоянно. Чего ты хочешь? Славы? «Не пойдет, –

говорится, – за ним слава его» ([Пс.48:18](#)), а часто даже оставляет его еще при жизни. Не таковы совершенства добродетели: они все постоянно пребывают. Здесь тот, кто стал знаменитым, достигнув власти, как скоро власть переходит к другому, становится человеком малозначительным и одним из подначальных. Богатый, – когда напали на него разбойники, клеветники, злоумышленники, – внезапно становится бедным. Но у нас не так. Если воздержный внимателен к себе, то никто не в состоянии отнять у него воздержания. Того, кто владеет и управляет самим собою, никто не сделает человеком, не имеющим власти, подначальным. А что последняя власть значительнее первой, это узнаешь из сравнения. В самом деле, скажи мне, какая польза управлять всеми народами, и быть рабом страстей? Какой вред – не управлять ни одним человеком, и быть выше господства страстей? Вот свобода, вот власть, вот царство и могущество! Другого рода власть есть рабство, хотя бы кто окружил себя тысячею диадем. Когда внутри его властвует множество господ, именно – сребролюбие, сластолюбие, гнев и другие страсти, то какая польза от диадемы? Велико могущество страстей, когда и самый венец не в силах избавить человека от этого рабства. Подобно тому, как когда бы кто-нибудь, будучи царем, попал в рабство к варварам, и они, желая в большей степени показать свою власть над ним, не сняли бы с него ни порфиры, ни диадемы, но заставляли бы его в таком виде и носить воду, и готовить кушанье, и исполнять все другие работы, чтобы таким образом доставить себе больше чести, а его подвергнуть большому поруганию, – так и в настоящем случае эти страсти обращаются с нами жесточе всякого варвара. Кто презирает их, тот будет смеяться и над варварами; а кто преклоняется пред ними, тот будет терпеть от них гораздо больше зла, чем от варваров. Варвар, когда приобретает великую силу, истязает тело; а страсти мучат и отовсюду терзают душу. Варвар, когда приобретает великую силу, предает смерти временной; а страсти предают смерти вечной. Поэтому свободен только тот, кто стяжал свободу внутреннюю; равно и раб только тот, кто покорствуем бессмысленным страстям. Ни один господин, как бы жесток он ни был, не дает таких строгих и жестоких повелений (как страсти). Посрами твою душу, говорят они, без нужды и причины; оскорбляй Бога; не знай самой природы; будет ли это отец, или

мать, – отложи всякий стыд, восстань против них. Таковы повеления сребролюбия. Приноси мне в жертву, говорит оно, не тельцов, а людей. Правда, и пророк говорит: «приносите в жертву людей, ибо оскудели тельцы»⁷ ([Ос.13:2](#)); а сребролюбие не это заповедует, но: пожри человеков, хотя и есть тельцы; приноси в жертву людей; приноси в жертву не сделавших никакой неправды; убей и того, кто оказал тебе благодеяние. И опять: будь враждебен ко всем, будь общим врагом всех -и самой природы, и Бога; собирай золото – не для наслаждения, а для того, чтобы беречь его и испытывать чрез него большее мучение. Ведь невозможно сребролюбцу быть вместе и преданным наслаждению, потому что он боится, чтобы не уменьшилось золото, чтобы не оскудели сокровищницы. Бодрствуй, говорит оно, всех подозревай – и рабов, и друзей; будь стражем чужого. Если увидишь, что бедный умирает с голоду, не давай ему ничего, но, если возможно, сними с него даже самую кожу. Нарушай клятвы, лги, клянись, обвиняй, клевети и, хотя бы надлежало идти в огонь, подвергнуться тысяче смертей, умереть от голода, бороться с болезнью, – не отказывайся. Разве не такие законы предписывает сребролюбие? Будь дерзким и бесстыдным, наглым и грубым, преступным и бесчестным, неблагодарным, бесчувственным, недружелюбным, непримиримым, безжалостным, отцеубийцею, больше зверем, нежели человеком. Превзойди всякого змия суровостью, всякого волка хищностью; превзойди жестокость животной природы. Хотя бы надлежало тебе сделаться настолько злобным, как демон, не отказывайся; не знай благодеяния. Разве не это вещает оно? И мы слушаемся его! Но Бог дает противоположные заповеди. Будь дружен со всеми, будь кроток, всеми любим, никого напрасно и без причины не оскорбляй, чти отца, чти мать, пользуйся добрым мнением, будь не человеком, а ангелом; ничего не говори ни бесстыдного, ни ложного, даже и не помышляй о подобном; помогай нуждающимся, не навлекай на себя хлопот грабительством, не будь дерзким, ни наглым. И нет никого, кто бы слушался этого! Поэтому разве несправедливо угрожает геенна? Разве не по заслугам – огонь? Червь неумирающий? До каких пор будем блуждать по стремнинам? До каких пор будем ходить по терниям? До каких пор будем прободать себя гвоздями и благодарить за это? Мы подчиняемся жестоким мучителям и отвращаемся от милосердного Владыки, Который ничего не говорит ни оскорбительного, ни грубого, ни жестокого, ни неразумного, но заповедует все нужное, прибыльное и доставляющее нам великую пользу. Воспрянем наконец, обратимся, приуготовимся, возлюбим Бога, как должно, чтобы удостоиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и

человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Примечания

1

Вероятно, здесь святитель указывает на чудеса, которые источали
мощи св. Тимофея.

Беседы эти произнесены святителем, вероятно, в Антиохии около 397 года.

В тексте читается *άλογος* – животное. Но более вероятно – *άλλογενής* – или *άλλον γένους* – иного рода.

4

Вероятно ошибка, вместо λάβαρον labaron, знамя с крестом.

В синодальном переводе это слово переведено как «открылась обильно». – и.Н.

Вместо: клеветницы, у Златоуста читается: двуязычны.

Перевод с Септуагинты. – и.Н.